

Горюнова В.М., Родинкова В.Е.

РАНЕСЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ВЕЛИКИЕ БУДКИ (ХУТОР)

Gorionova V.M., Rodinkova V.E. The Early Slavic settlement Velikiye Budki (Khutor)

The settlement near the village of Velikiye Budki in the Nedrigailovo district of the Sumy region (the North-Eastern Ukraine) is one of the largest and the most interesting sites of the Kolochin culture. It was explored in 1981-1982 by the Dnieper left bank expedition of the Institute of Archaeology, the Russian Academy of Sciences.

It was ascertained that all materials at the site divided into two groups: of the Early Roman and the Early Middle Ages periods. A number of fragments of ceramics has exact parallels on settlements and cemeteries of the Late Zarubintsy culture of the II – the beginning of the III cc. in the Seim-Donets region (fig.43:1-8). The dwelling 7 and the pits 22 and 26 also belong to the Late Zarubintsy culture. Some objects of the Ukhново culture which were found on the settlement of Velikiye Budki (fig. 44:14; 45:5; 43:18) may be related to this group of things, and it gives us the opportunity to raise a question about relations between Late Zarubintsy and Ukhново cultural-ethnic communities in the Seim basin.

The majority of the finds at the site and the complexes of structures 1, 3-6 and pits 1-21, 23-25, 27-37 belong to the Kolochin culture of the V-VII cc. Only the materials from the dwelling 2 (fig. 11:1-11) have real parallels in early Pen'kovka or late Kievan antiquities of the east part of the Dnieper basin.

Some finds from the settlement can give an important indication about the existence of the whole craft zone here which is related with jewelry and work of blacksmith. Among them there is a hoard conditionally related to the so-called «Hoards of Antiquities of Antes». The objects in this hoard can be divided into three groups: fragments, raw materials, finished articles (fig. 47-49).

The first group includes the fragments of a large silver radiate-head fibulae and a silver anthropomorphic fibulae, the end of a silver neckring, two fragments of silver bracelets with thickened ends, a half of a bronze bracelet with a greatly thickened cut end, the bronze catchplate from a belt-buckle, a large lamellar decoration and also a lamellar binding and scraps of silver rolled into a ball.

The second group includes pieces of a cloven silver bar, an oval pewter bar with a hole in the middle, narrow plates rolled into a spiral and wastes of pewter casting.

The third group includes two small double radiate-head fibulae and over 1200 small sewn plates of different shapes.

All these things date to the VI (V)-VII cc., but the date of burial of the hoard established on the base of small radiate-head fibulae is the end of the VII – the beginning of the VIII cc. And in order to determine the chronological boundaries of the existence of the whole settlement one should examine not only things of the hoard but also other dating finds from the site, such as fragments of Cherniakhov potteries (fig.43:16,17), a strap end (fig.45:2), a black glass bead (fig.45:3) etc. This investigation has made it possible to date the Kolochin period of the settlement to the second half of the V – the beginning of the VIII cc.

Thus the analysis of the material shows the heterogeneous composition of the collection of Velikiye Budki. At the early Roman time it unites the Late Zarubintsy and Ukhново elements. The presence at the site Kolochin and Pen'kovka traditions as well as objects of Danube, Baltic and even nomadic origin at the Early Middle Ages is a result of a very difficult cultural-ethnic situation in the forest-steppe and steppe zone of the Eastern Europe during the Migration Period. Besides the long period of the existence of the Kolochin settlement allows to research the material culture of Slavonic tribes without chronological lacunae and makes the finds from the site Velikiye Budki particularly important.

Поселение в урочище «Хутор» у с. Великие (или Большие) Будки Недригайловского р-на Сумской обл. — один из наиболее крупных раскопанных памятников третьей четверти I тыс. н. э. в Восточном Посеймье и прилегающем к нему региону. Обширная коллекция керамики, многочисленные остатки ювелирного, кузнечного и других ремесленных производств, находка клада круга «древностей антов», так же как и культурные остатки более ранних эпох, зафиксированные на памятнике, — все это привлекает неослабевающее внимание исследователей. Материалам поселения посвящен ряд публика-

ций (Горюнова 1987; Горюнова 1992; Гавритухин 1991а; Гавритухин 1991б: 133, 134, табл. II: 8; Гавритухин, Обломский 1996: 54, 102, 126, 128, 129, рис. 101: 4; 102: 2,3; 103: 3,22; 104: 1), однако речь в них идет, как правило, о вещах из состава клада. В то же время основная часть коллекции памятника, к сожалению, остается практически недоступной широкому кругу исследователей, хотя, не учитывая материалы поселения в Великих Будках, невозможно решать целый ряд проблем, связанных с древнейшей историей восточных славян. В частности, догворенность существования памятника и его

ярко выраженный ремесленный характер дают возможность проследить развитие материальной культуры населения Лесостепного Поднепровья в римскую эпоху и в раннем средневековье. Особенности керамического комплекса, отчетливое влияние на его структуру южных традиций позволяют не только поставить вопрос о выделении финальной фазы колочинской культуры, но и по-новому взглянуть на взаимоотношения колочинской и пеньковской археологических общностей. Материалы поселения в урочище «Хутор» необходимо привлечь при выделении как хронологических этапов, так и локальных вариантов в рамках колочинского этнокультурного единства. находка в слое этого памятника уникального по составу клада круга «древ-

ностей антов» еще раз свидетельствует о важном месте поселения в системе торговых и культурных связей населения восточноевропейской Лесостепи в эпоху раннего средневековья. Наконец, материалы рассматриваемого поселения могут предоставить новую информацию о дальнейшей судьбе колочинской культуры и об этнической принадлежности ее носителей.

Таким образом, основной задачей предлагаемой статьи является восполнение вышеозначенного пробела и введение материалов поселения Великие Будки (Хутор) в научный оборот.

Поселение было исследовано Днепровским Левобережным археологическим отрядом ЛОИА АН СССР под руководством Г.А.Романовой и В.М.Горюновой в 1981 и 1982 гг. Памятник рас-

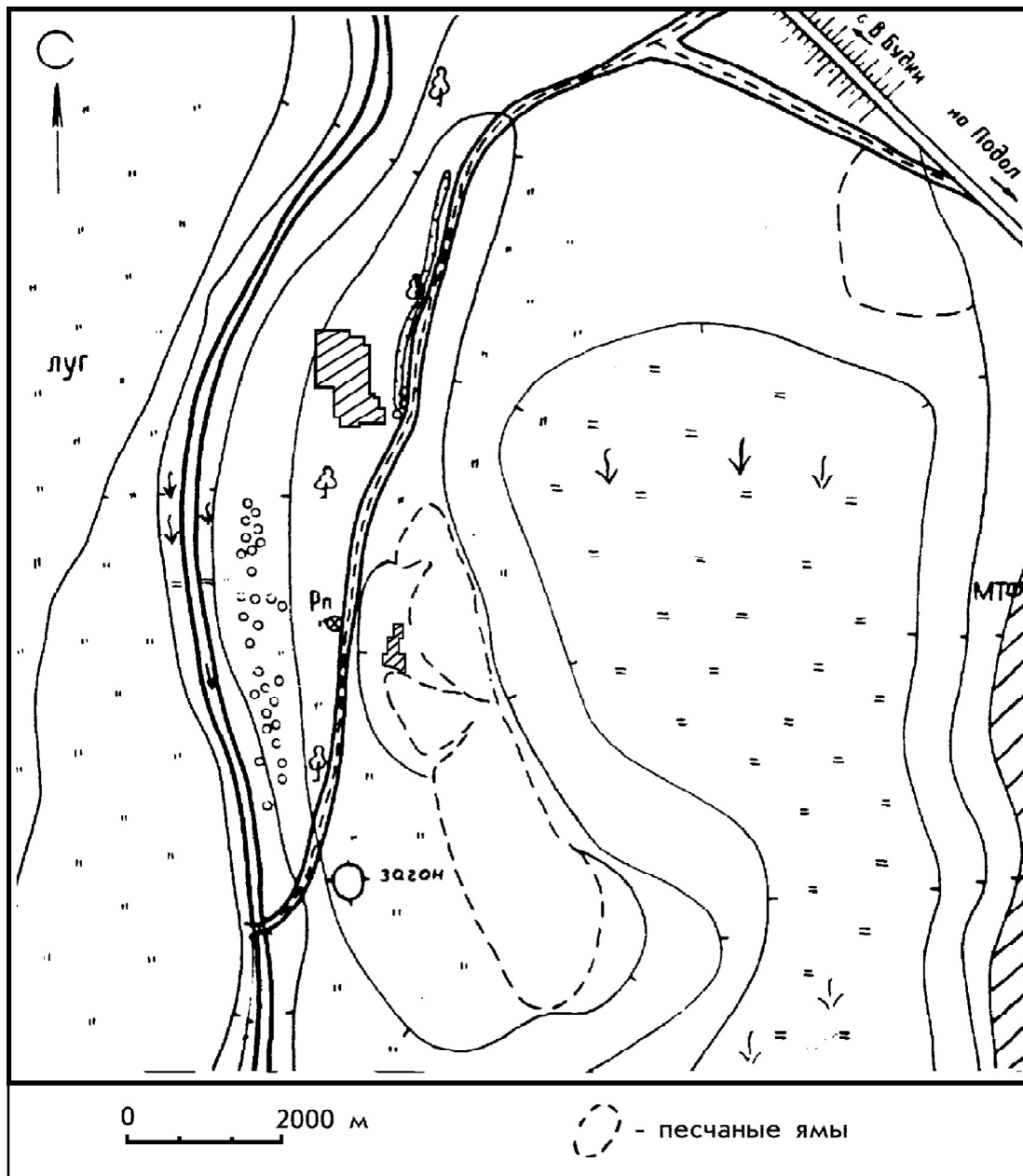

Рис. 1. Общий план поселения Великие Будки (Хутор).

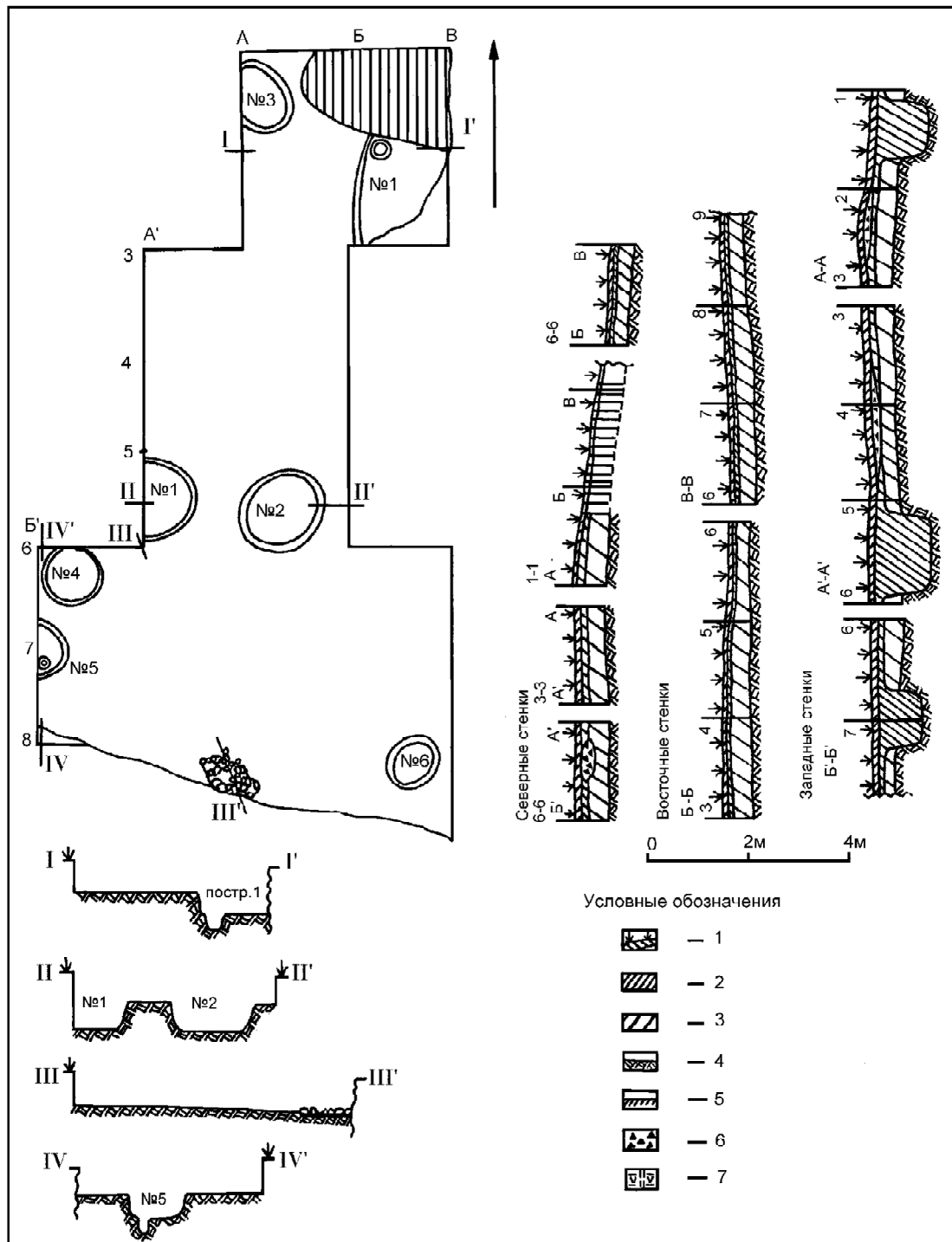

Рис. 2. План раскопа I на уровне материка, профили стенок раскопа I, постройки 1, ям 1, 2, 5 и "очажка".
 1 — дерновый слой; 2 — черный сильногумусированный песок; 3 — светлый серо-коричневый слабогумусированный песок; 4 — материк песчаный; 5 — материк сулинистый; 6 — заполнение современного перекопа; 7 — прокаленный грунт с сажистыми включениями.

положен на дюне, вытянутой с севера на юг в пойме вдоль левого берега р. Терн. Размеры дюны 360 × 60-70 м, над поймой она возвышается на 1—2,5 м. На ней были заложены два раскопа: раскоп I в центральной, поврежденной земляными работами, части, и раскоп II на расстоянии 76 м к северу от раскопа I, в северной части дюны, где культурный слой был гораз-

до лучшей сохранности. Общая вскрытая площадь памятника составила 712 кв. м. (рис. 1).

Культурный слой поселения мощностью 0,6—1,2 м состоял из черного сильногумусированного песка, а в предматериковой части — из слабогумусированного песка светлого серо-коричневого цвета. В раскопе I он был сильно нарушен хуторскими сооружениями конца XIX —

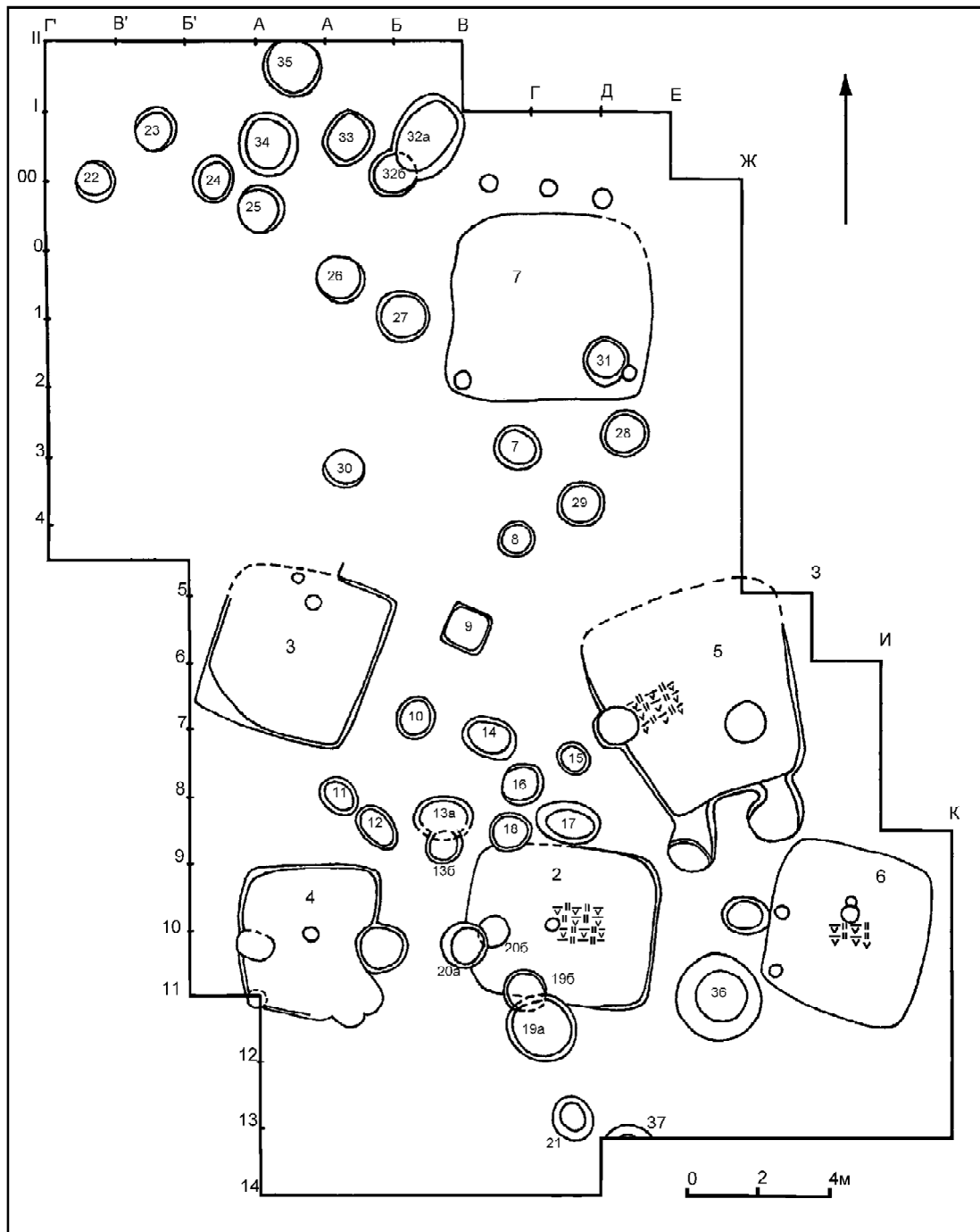

Рис. 3. План раскопа II на уровне материка. Условные обозначения как на рис. 2.

начала XX вв. и современными перекопами (рис. 2Б; 4).

Керамический и вещевой комплекс поселения Великие Будки распадается на две неравные в количественном отношении части. Преобладает материал колочинской культуры, но в то же время в стратиграфическом и планиграфическом отношении четко выделяется небольшая группа находок, связанных с позднезарубинецким временем. К этому времени должна относиться одна из обнаруженных на памятнике построек (7) и, вероятно, две ямы (22 и 26). Ха-

рактеристика и анализ позднезарубинецкого комплекса памятника даны в приложении 2.

К третьей четверти I тыс. н. э. относятся 6 исследованных построек, 39 хозяйственных ям и 1 «очажок» (рис. 2А; 3). Все они зафиксированы на уровне материка, однако, судя по разрезам ям, полученным в стенках раскопа I (ямы 1, 3, 5, рис. 2Б) и по концентрации материалов в нижней части культурного слоя непосредственно над котлованами построек 2, 3, 4 в раскопе II, можно сделать вывод, что контуры, во всяком случае, некоторых строительных объектов

на поселении были выявлены ниже действительного уровня их верхнего края. Вероятно, часть ям и постройки 2, 3, 4 были вырыты по крайней мере от уровня предматерикового песчаного слоя, и уже отмеченные скопления керамики над этими постройками представляют собой скорее всего заполнение верхней части их котлованов, образовавшееся на высоте 0,3-0,5 м от пола. Данные о конструктивных особенностях, характере заполнения и находках из строительных объектов, а также о материалах из культурного слоя памятника приведены в приложении 1.

Для характеристики колочинского керамического комплекса поселения Великие Будки (Хутор) было привлечено более 600 фрагментов сосудов. Большая часть из них принадлежит грубым толстостенным горшкам (толщина стенок 1—1,5 см, днищ — до 2 см), вылепленным вручную из рыхлого комковатого теста с добавлением крупного шамота и, реже, песка и органических примесей (зерен злаков, рубленой соломы). Вероятно, вся эта керамика изготовлена в ленточной технике (ширина лент — до 8 см) с использованием деревянной подставки. Многие днища имеют закраину в виде кольцевого утолщения, на некоторых заметны следы подсыпки: шамота, песка, золы, иногда фиксируются отпечатки зерен, соломы. Поверхность сосудов бугристая, часто со следами заглажи-

вания травой или пальцами, цвет варьирует от светло-коричневого до кирпично-красного и темно-серого, иногда они пятнистые вследствие неравномерного обжига. Однако, наряду с грубыми толстостенными черепками кухонной посуды и горшков-зерновиков, встречены немногочисленные обломки сравнительно тонкостенных столовых сосудов (толщина стенок 0,5—0,8 см), изготовленных из хорошо промешанного теста с мелкими примесями. Их поверхность, как правило, очень хорошо заглажена, изредка попадаются даже подлощенные фрагменты (рис. 11: 9; 13: 9; 19: 12).

Рассматриваемая керамика практически вся неорнаментирована. Встречено всего 2 фрагмента сосудов с вертикальными налепами под палецком (рис. 11: 2; 35: 1) и 1 фрагмент диска с пальцевыми вдавлениями по краю (рис. 17: 15). Есть также несколько фрагментов стенок ребристых сосудов, ребро у которых подчеркнуто налепным валиком (рис. 16: 9,14; 17: 12). В северо-западной части раскопа II обнаружено 2 обломка венчиков и 2 обломка стенок лепных ребристых сосудов с пятнами красного ангоба на внешней поверхности (рис. 24: 3; 38: 10,16). В постройке 3 и постройке 6 встречено по одному фрагменту венчиков, орнаментированных насечками по краю (рис. 15: 4; 22: 5). Один сосуд был украшен глубокой врезной линией ниже шейки (рис. 29: 14). Кроме того, в ряде случаев

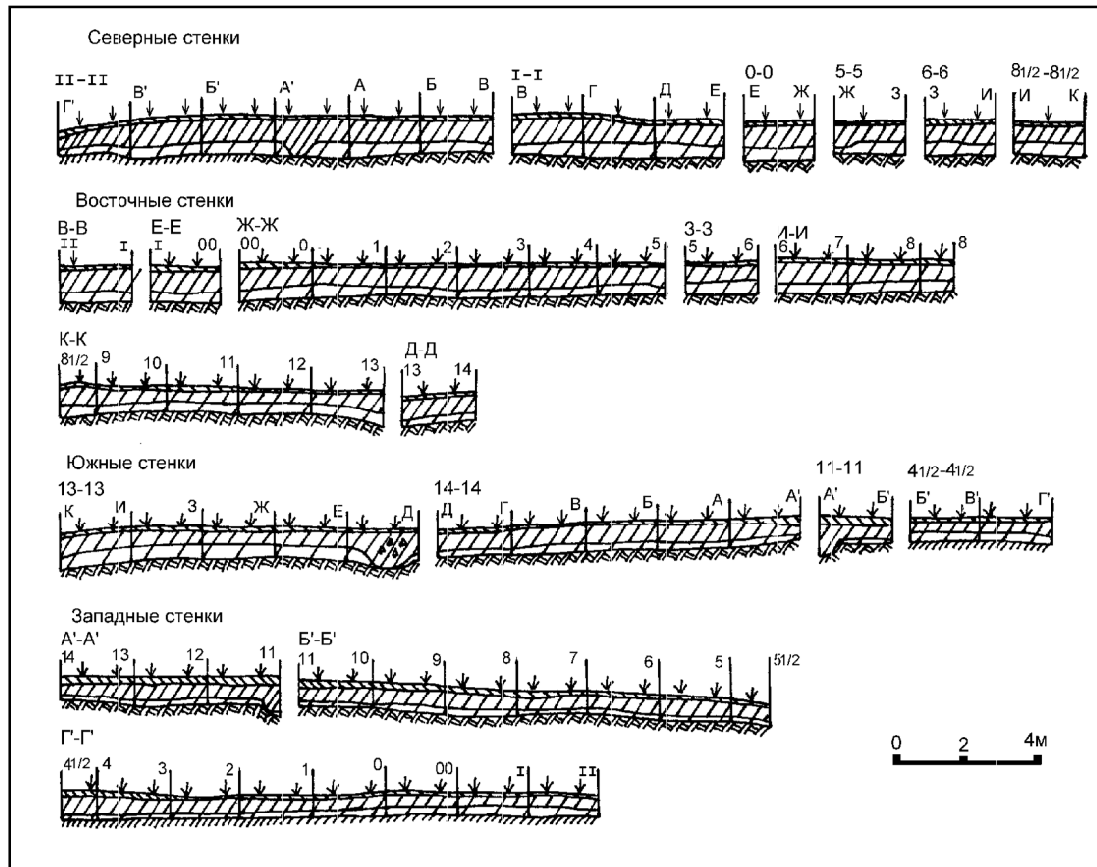

Рис. 4. Профили стенок раскопа II. Условные обозначения как на рис. 2.

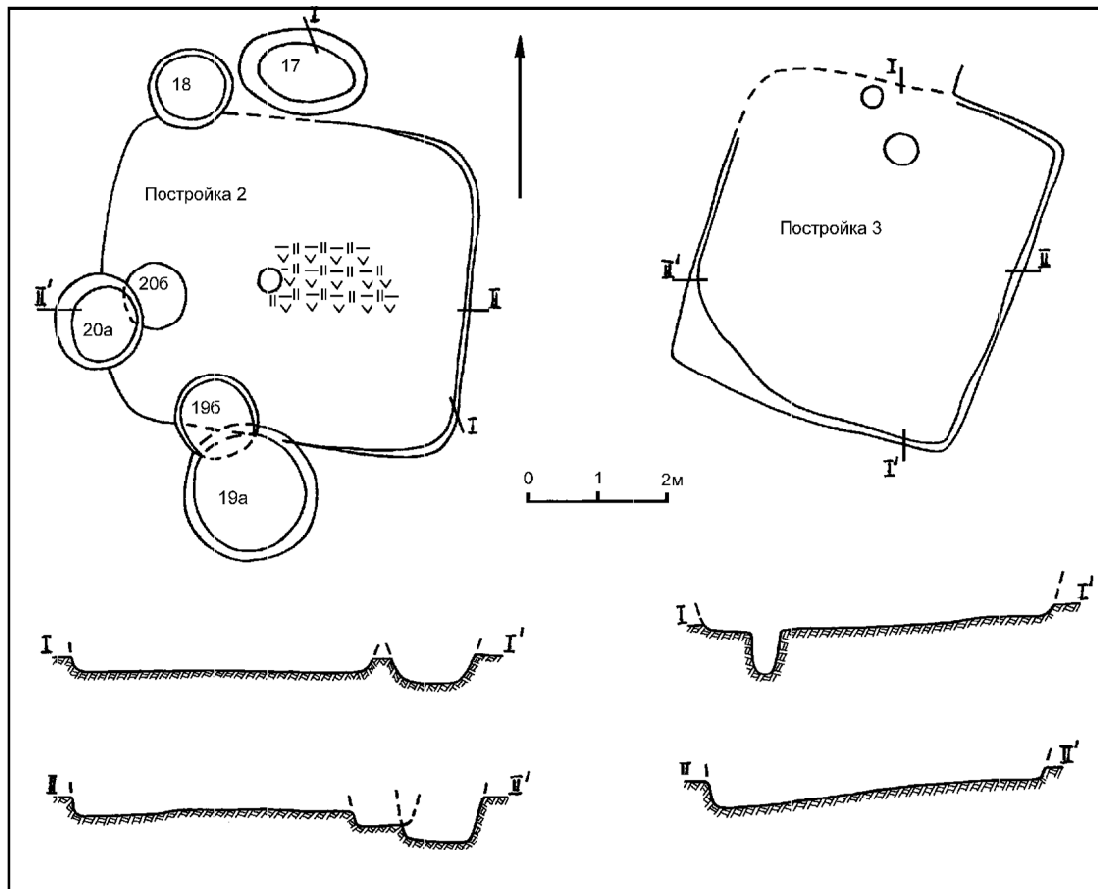

Рис. 5. Планы и профили построек 2 и 3.

зафиксированы сквозные отверстия в верхней части сосудов, которые наиболее часто интерпретируют как следы ремонта (рис. 13: 6; 15: 7; 25: 11; 26: 10; 28: 1; 30: 2; 36: 3; 38: 9,21).

В целом, хотя набор керамики с поселения Великие Будки и обладает некоторыми специфическими чертами, сосуды близких форм и пропорций характерны для колочинской культуры третьей четверти I тыс. н. э. Особо отметить следует лишь керамический комплекс постройки 2, в котором фрагменты сильнопрофилированных округлобоких горшков с резко отогнутыми венчиками сочетаются с ребристыми биконическими сосудами и с фрагментом лепной миски (рис. 11: 1-8, 10, 11, 13, 15, 16). Если биконическая посуда иногда встречается среди колочинских древностей, не являясь, впрочем, ведущим типом, а отражая скорее локальное своеобразие тех или иных памятников, то аналогии сильнопрофилированным сосудам и лепной миске из данного комплекса следует искать не на колочинских, а, вероятно, на раннепеньковских или позднекиевских памятниках сейминско-донецкого региона.

Помимо фрагментов керамики, с культурным слоем поселения связаны довольно многочисленные находки различных предметов бытового назначения (ножей, шильев, обломков жер-

новов и точильных камней и т. д.) и украшений. Среди последних особое место занимает клад, который условно можно соотносить с кругом кладов так называемых «древностей антов». Он был зафиксирован в скоплении керамики в верхней части заполнения постройки 2. Составляющие его вещи лежали компактной группой и были, вероятно, завернуты в ткань, так как на некоторых из них сохранились ее отпечатки и даже кусочки. Поверх свертка с кладом были положены, очевидно, в качестве оберегов, железные долото и перовидное сверло.

Вещи, входящие в состав клада, по своим функциональным характеристикам разделяются на три группы: поломанные изделия, вероятно, предназначавшиеся в переплавку; сырье — металлические слитки, из которых впоследствии отливались украшения; готовая продукция ремесленника-ювелира, работавшего на поселении. (Результаты количественного спектрального анализа всех этих изделий приведены в приложении 3.) Первая группа включает фрагменты пальчатой и антропозооморфной фибул, конец шейной гривны, обломок большого пластинчатого украшения, пластину-оковку, тонкие серебряные пластинки и их обрезки, обломки цельнолитых браслетов и язычок от пряжки.

Нижний щиток пальчатой фибулы, отлитой

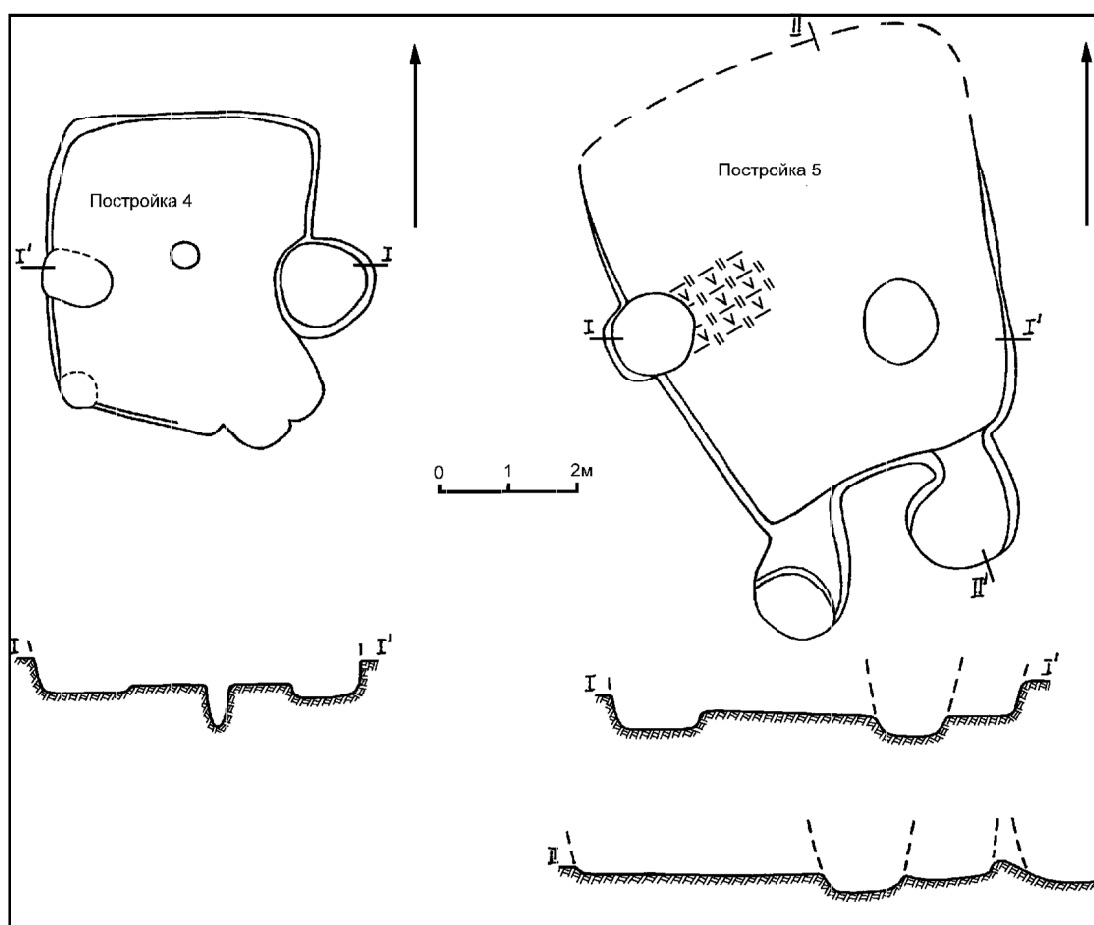

Рис. 6. Планы и профили построек 4 и 5.

по восковой модели из низкопробного серебра и позолоченной, имеет ромбическую форму и оканчивается удлиненным выступом (рис. 48: 1). Орнамент — расположенные по вертикали спиральные завитки и ряды треугольников, а также стилизованное изображение звериной морды на выступе — очевидно, был выгравирован на восковой модели и после отливки изделия не подправлялся. С обратной стороны щиток и особенно оканчивающий его выступ вогнуты. Приемник иглы отсутствует, а на его месте видны следы припоя, с помощью которого, очевидно, пытались починить сломанную в древности фибулу. В качестве следов ремонта следует интерпретировать и два сквозных отверстия в той части щитка фибулы, где он соединялся с дужкой.

Небольшой фрагмент верхнего щитка серебряной антропоморфной фибулы (рис. 48: 2) украшен гравировкой в форме «пальмовой ветви», волнистых S-образных линий и контурной линии по краю. На обратной стороне фрагмента имеется стойка с отверстием для крепления оси пружины.

Конец шейной гривны (рис. 48: 6), изготовленной из толстого серебряного прута, на котором в шахматном порядке близко друг от друга чеканом выбиты удлиненные ромбики, обмотан

серебряной же раскованной в узкую длинную ленту проволокой. Со стороны застежки прут расширяется в пластину ромбической формы, орнаментированную выгравированными точками, которые образуют крестообразные композиции. Застежка гривны оформлена в виде стилизованной головки змеи.

Часть сломанного еще в древности крупного пластинчатого украшения (рис. 49), изготовленного из тонкого серебряного листа, богато украшена гравировкой. Орнамент наносился колесиком, оставляющим зигзагообразную линию. Вдоль фигурных краев пластины расположены два ряда выпуклых штампованных точек. Орнаментальная композиция дополняется шестью такими же выпуклыми кружками.

Серебряная пластина-оковка (рис. 48: 5), украшенная двумя выпуклыми полосками вдоль верхнего края, служила для покрытия какого-то округлого в сечении предмета, возможно, деревянного, так как в ней есть отверстие от гвоздя. Края пластины были спаяны.

Тонкие серебряные пластинки и обрезки серебра были скатаны в тугий комок (рис. 47: 19).

Фрагмент цельнолитого серебряного браслета (рис. 48: 4) имеет аморфную в сечении форму и слегка утолщенный подгравированный (?) конец.

Обломок круглого в сечении цельнолитого

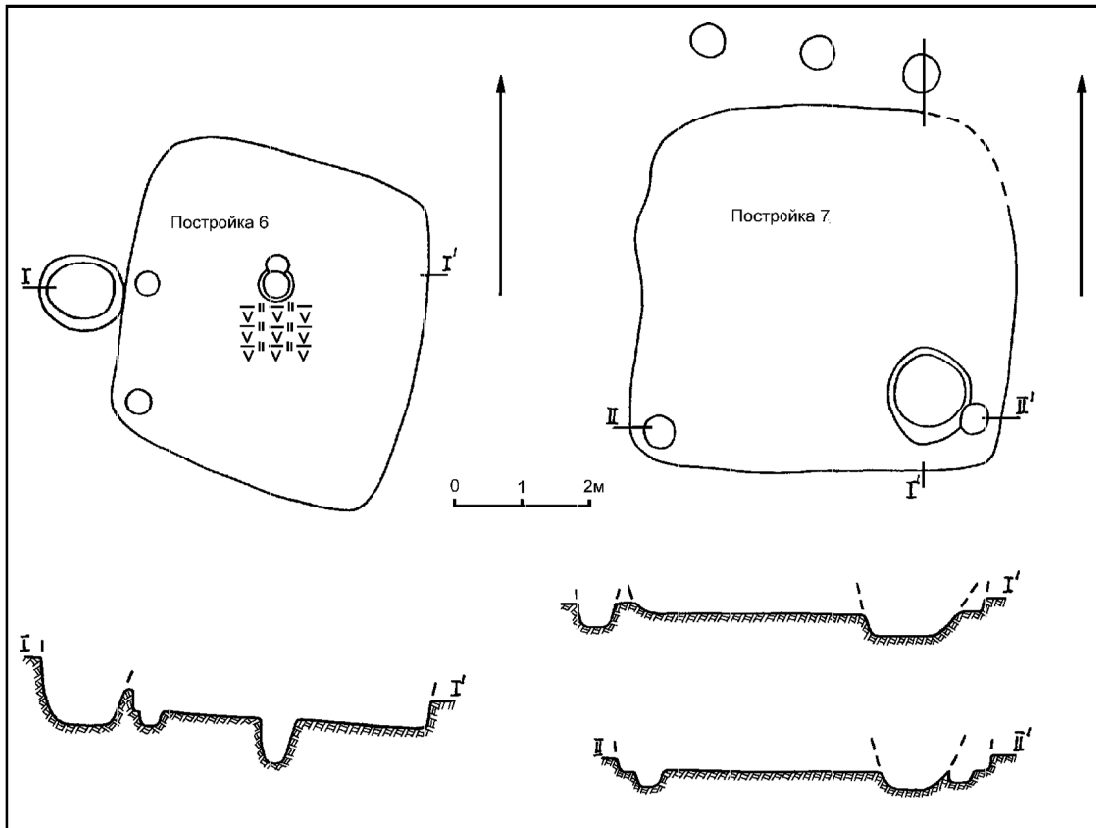

Рис. 7. Планы и профили построек 6 и 7.

серебряного браслета (рис. 48: 3) также имеет утолщенный конец, украшенный двумя параллельными врезными линиями и точечным орнаментом.

У половинки цельнолитого браслета (рис. 48: 7) многогранный конец сильно утолщен. Вдоль его граней нанесен точечный орнамент. Браслет был изготовлен из латуни.

Латунной была и пряжка, массивный язычок которой (рис. 48: 8) имеет рельефное щитовидное расширение у основания. На выступающих частях щитка выгравирован точечный орнамент, а с обратной его стороны язычок снабжен крючком для прикрепления к рамке пряжки.

Вторую, сырьевую, группу клада составили разрубленный на кусочки серебряный слиток удлиненной формы (рис. 47: 20,21), округлый оловянисто-свинцовый слиток с отверстием в центре (товарная форма?) (рис. 47: 15), а также узкие свернутые в спираль пластины (рис. 47: 18) и отходы литейного производства в виде сплесков (рис. 47: 13,14,16,17) из того же сплава.

К готовым изделиям, входящим в третью группу клада, прежде всего следует причислить две парные маленькие пальчатые фибулы, отлитые в одной и той же каменной двусторчатой форме из оловянисто-свинцового сплава (рис. 47: 1,2). Полукруглые головки фибул орнаментированы пятью «пальцами» по краю (у одной из них крайний «палец» утерян) и небрежно отлитыми концентрическими дугами на са-

мом щитке. С обратной стороны щитков имеются стойки для крепления оси пружины, отверстия в которых были проделаны при отливке с помощью железных стержней, от которых и в отверстиях стоек, и в соединяющих их каналах сохранились остатки окиси железа. Ножи фибул имеют ромбическую форму и оканчиваются длинными узкими выступами (у одной из них этот выступ отломан). В месте соединения с дужкой на ножках отлиты боковые отростки, очевидно, деградировавшие схематичные изображения птичьих головок, клювами сливающихся с краями щитка. Сами щитки при отливке орнаментированы концентрическими ромбами с точкой в центре, а оканчивающие их выступы — узкими поперечными кольцами. С обратной стороны ножек фибул отлиты держатели для игл.

Изделиями мастера-ювелира, спрятавшего клад, мы считаем и многочисленные мелкие нашивные бляшки. Они изготовлены в той же технике, что и маленькие пальчатые фибулы: отлиты из оловянисто-свинцового сплава в двусторчатых каменных формах с применением литейных стержневых вставок (тонкая железная проволока) с целью получения ушек для пришивания. Бляшки имеют 4 основные формы, каждая из которых представлена в кладе различным числом экземпляров.

1. Круглые гладкие бляшки (рис. 47: 10-12) диаметром от 4 до 9 мм, с одним ушком для пришивания (404 экз.). К этой же группе можно

отнести розетки (рис. 47: 9) диаметром 8-9 мм, также с одним ушком (100 экз.).

2. Сдвоенные бляшки (рис. 47: 5-8) 6-11 мм в длину. Крупные экземпляры имеют небольшую перемычку и одно ушко для пришивания (503 экз.), у мелких перемычка отсутствует, зато есть два ушка (181 экз.).

3. Бляшки в виде соединенных вершинами

треугольников (рис. 47: 4) длиной около 12 мм. Лицевая поверхность их орнаментирована при отливке городками и точкой в центре каждого треугольника. На обратной стороне они имеют по три ушка для пришивания (26 экз.).

4. Треугольные или трапециевидные бляшки с тремя кольчатыми отверстиями по основанию и круглым выступом на вершине (рис. 47:

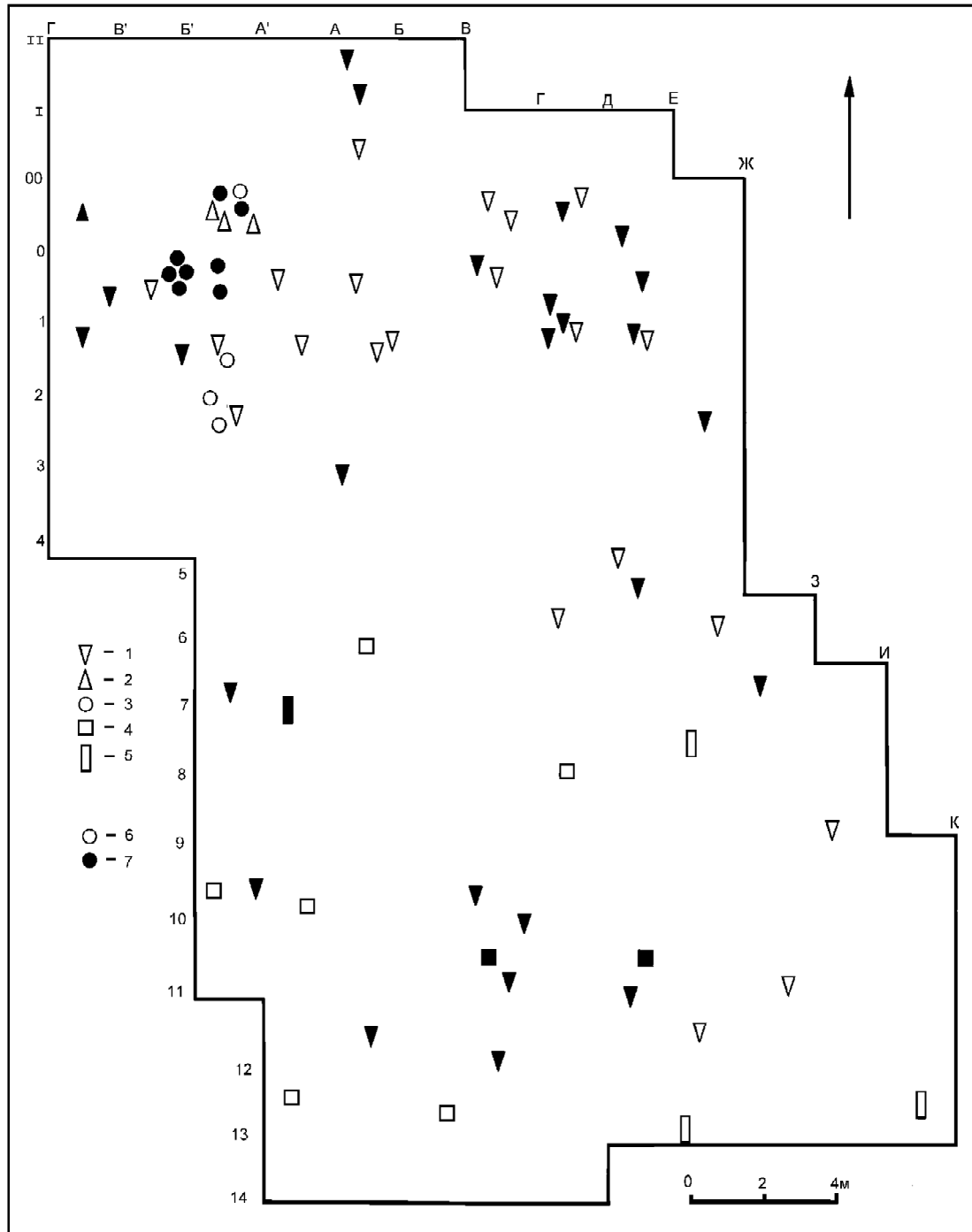

Рис. 8. Размещение находок керамики из культурного слоя на плане раскопа II. 1 — фрагменты лепной позднесарубинцевской керамики; 2 — фрагменты лепной керамики с красным ангобом; 3 — скопление лепных сосудов типа рис. 34:1-3,7; 4 — фрагменты гончарного красноангобированного кувшина; 5 — фрагменты красноглиняной амфоры; 6 — керамика из верхней части культурного слоя; 7 — керамика из нижней части культурного слоя.

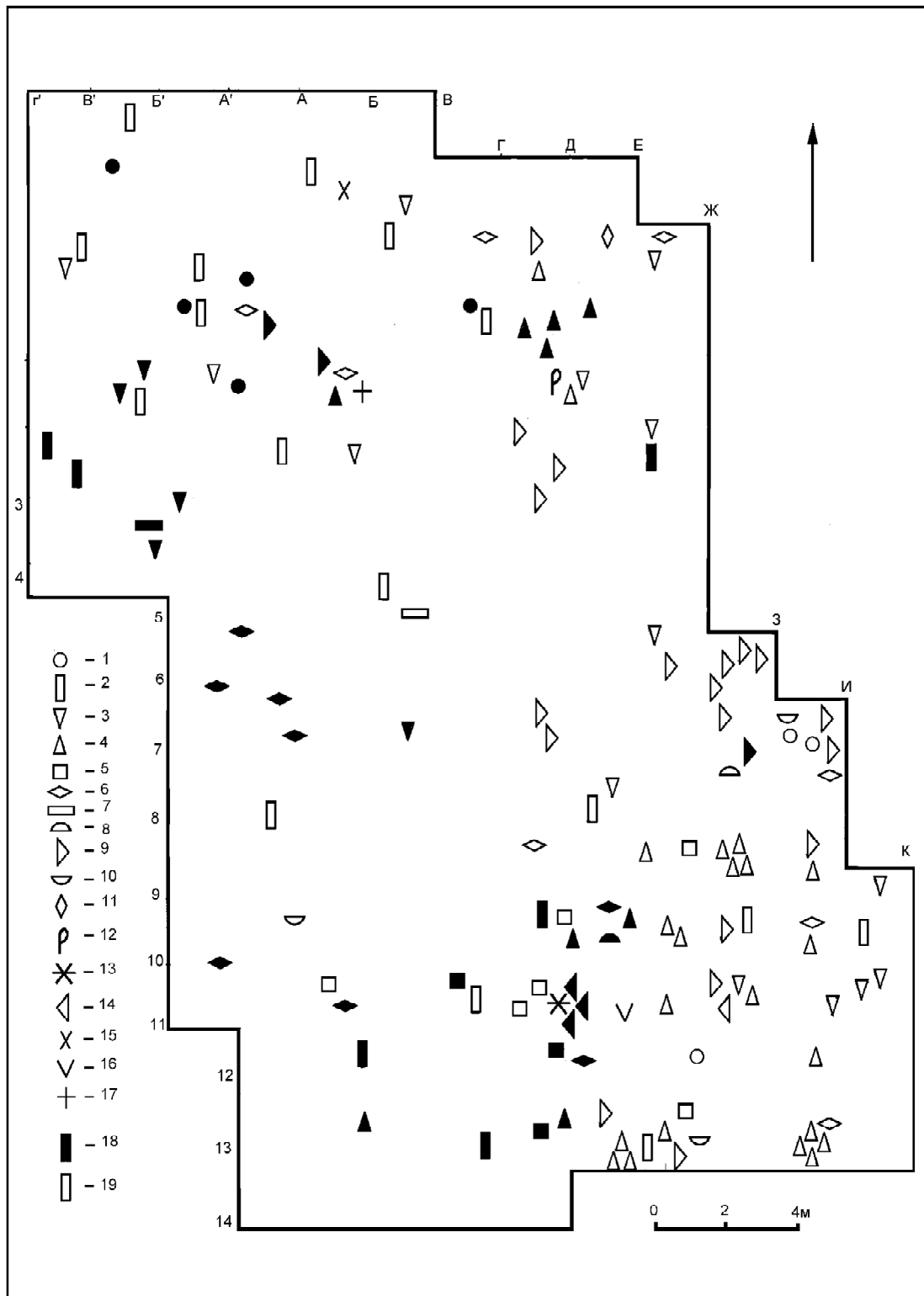
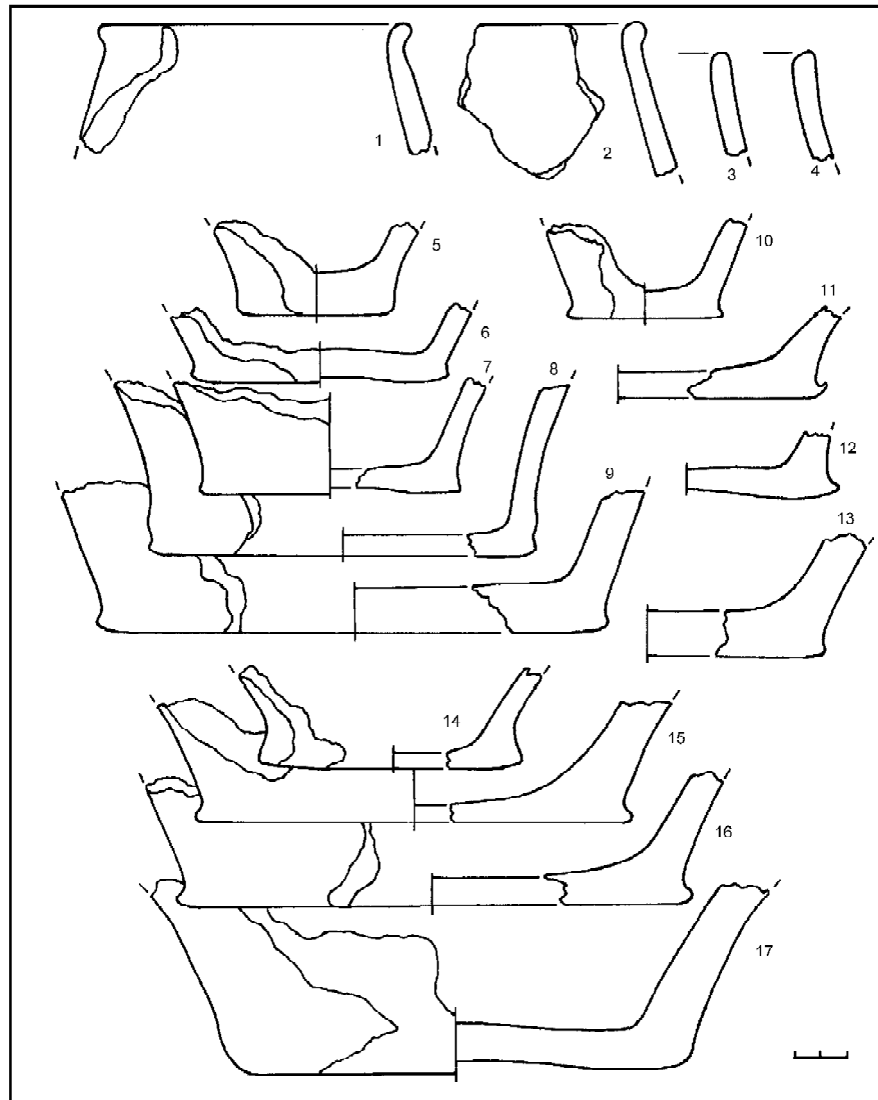

Рис. 9. Размещение индивидуальных находок из культурного слоя на плане раскопа II. 1 — фрагмент жернова; 2 — фрагмент точильного камня; 3 — железный предмет; 4 — железистый шлак; 5 — опока; 6 — глиняное биконическое пряслице; 7 — пряслице, выточенное из стенки черлощеного сосуда; 8 — глиняное уплощенное пряслице; 9 — фрагмент ошлакованной керамики; 10 — фрагмент тигля; 11 — бронзовая поделка; 12 — фрагмент посоховидной булавки; 13 — место находки клада круга "древностей антов"; 14 — бляшка из оловянисто-свинцового сплава; 15 — бронзовый наконечник поясного ремня; 16 — стеклянная бусина; 17 — фрагмент глиняной орнаментированной поделки-диска; 18 — находка из нижней части культурного слоя; 19 — находка из верхней части культурного слоя.

Рис. 10. Лепная керамика из заполнения котлована постройки 1 (14-17) и из нижней части культурного слоя раскопа I (1-13).

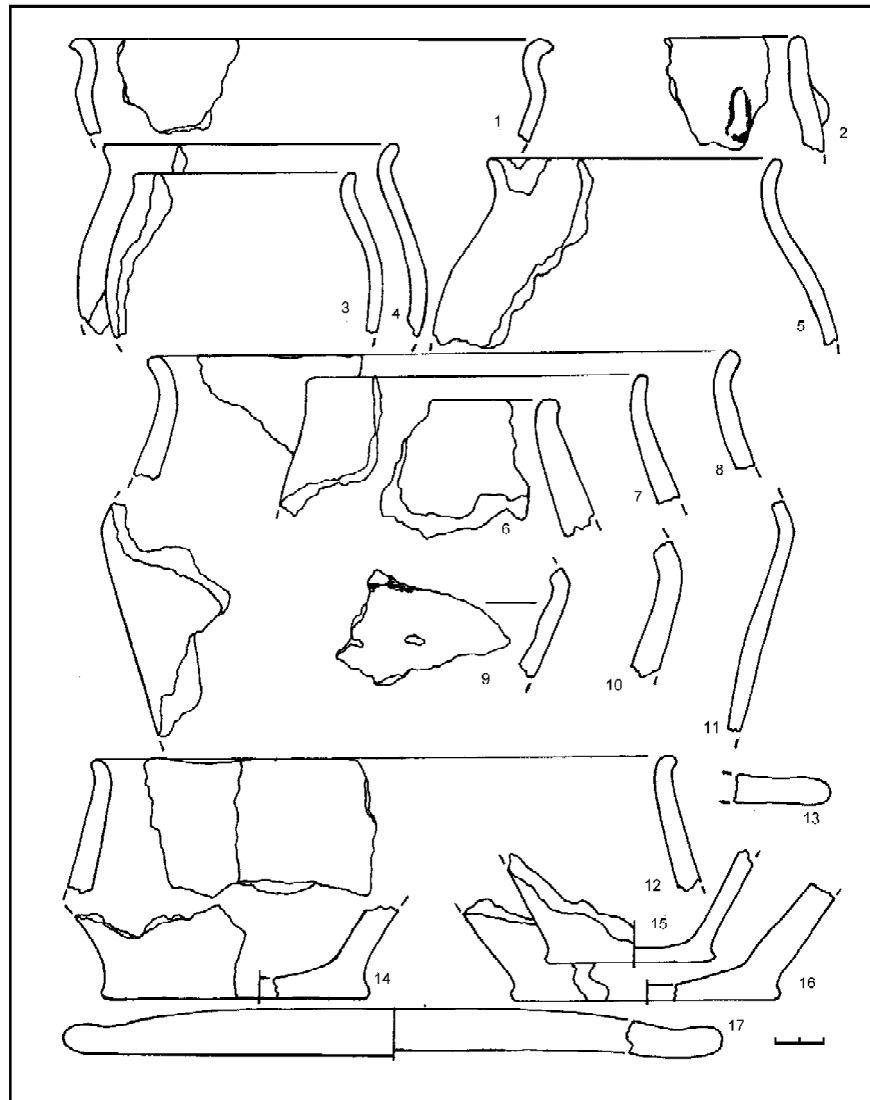

3). Их размеры примерно 15×20 мм. Лицевая поверхность также при отливке орнаментирована по краю городками и точкой в центре. Ушко находится с обратной стороны круглого выступа (22 экз.).

В принадлежности клада из Великих Будков ювелиру-литейщику убеждает прежде всего категориальный анализ его состава. Во-первых, ни в одном из известных нам кладов этого времени нет такой ярко выраженной сырьевой группы — металлических слитков — и тем более нет отходов литья. Во-вторых, большую его часть составляют сломанные в древности изделия, иногда на них видны следы ремонта (пальчатая фибула, браслеты); некоторые вещи при этом нарочито разрублены на куски или смяты (антропоморфная фибула, шейная гривна, пластинчатое украшение), что вряд ли мог сделать носивший их человек. Очевидно, никакой ценности в качестве украшений эти изделия уже не имели и представляли интерес лишь для ремесленника-ювелира как металл, годный в переплавку. Интересно при этом, что предназначен-

ные в переплавку вещи сделаны либо из низкопробного серебра, либо из латуни. В то же время готовая продукция отлита только из оловянисто-свинцового сплава; этот же сплав в основном (за исключением двух кусочков серебряного слитка) представлен и в сырьевой группе. В-третьих, по крайней мере часть готовых изделий — маленькие пальчатые фибулы — готовыми, по сути, еще не являются, так как у них отсутствуют пружины и иглы. Кроме того, из отверстий в стойках для крепления оси пружины не был извлечен железный стержень, поскольку там зафиксировано слишком много окиси железа. Затеки металла, оставшиеся после извлечения фибул из литейных форм, также не были удалены. В таком виде эти украшения, очевидно, попасть к потребителю не могли. Наконец, в-четвертых, среди нашивных бляшек присутствуют бракованные экземпляры: у некоторых из них нет отверстий в ушках для пришивания, другие имеют неправильные контуры вследствие смещения во время их отливки половинок каменных форм. Из всего сказанного

Рис. 11. Лепная керамика из заполнения котлована постройки 2 (1-8, 10, 11, 13, 15, 16) и ям 17 (9) и 19А (12, 14, 17). 9 — лощеная.

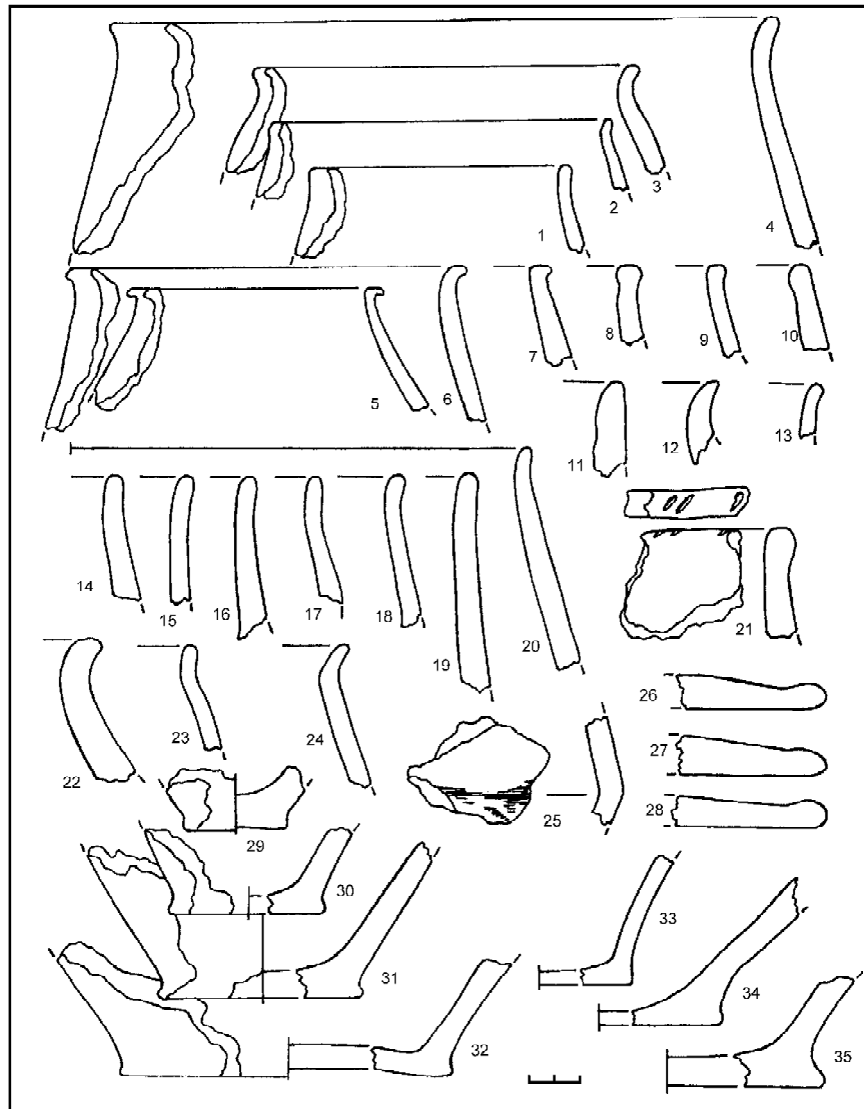

следует сделать вывод, что владельцем рассматриваемогоклада был, по-видимому, человек, занимавшийся изготовлением украшений.

Помимо клада, в пользу существования на поселении ювелирного и кузнечного ремесленного производства есть и другие свидетельства. Показательны в этом отношении находки опоки, которая благодаря своим природным качествам может использоваться как материал для изготовления каменных литейных форм. Возможно, именно как заготовку такой формы следует рассматривать кусок опоки с прочерченной трапециевидной фигурой — контуром будущего изделия (рис. 46: 5). Для плавки металла использовались керамические тигли (рис. 43: 19), фрагменты которых встречены в культурном слое поселения. Кроме того, среди всех материалов памятника необычно высока доля железистых шлаков и различных железных предметов. Эти находки, как и куски опоки и фрагменты тиглей, концентрировались в основном в юго-восточной части раскопа II (еще одна зона концентрации железистых шлаков расположе-

на над котлованом постройки 7, а различных изделий из железа много найдено и в северо-западной части раскопа II) (рис. 9). Возможно, с производственным процессом была каким-то образом связана и вторично обожженная, а иногда даже ошлакованная керамика, подавляющее большинство фрагментов которой зафиксировано также в восточной и юго-восточной части раскопа II (рис. 9). Здесь же расположена и постройка 5 (рис. 6), на производственное назначение которой указывают ее неправильные контуры, наличие связанных с ней ям, перед одной из которых обнаружены остатки очага, и куски опоки в ее заполнении. В зоне концентрации остатков ремесленного производства выкопаны ямы 17, 19А, 20А, 36, первая из которых заполнена бурым железистым песком, во второй и третьей найдены железные шлаки, а в четвертой — кусок кричного железа. Неподалеку от постройки 5 был зарыт и клад (рис. 9). Все перечисленные факты указывают на то, что на рассматриваемом памятнике, вероятно, существует отдельный участок, связанный с литейным и

Рис. 12. Лепная керамика из верхней части заполнения постройки 2.

кузнечным ремеслом, который был частично исследован в ходе раскопок 1981-1982 гг.

Обратимся к вопросу о времени существования колочинского поселения в урочище «Хутор». Эта проблема интересна и достаточно неоднозначна и сама по себе, однако, поскольку данное поселение является одним из эталонных колочинских памятников, она приобретает определенное значение как при изучении собственно колочинской культуры, так и, в принципе, для раннеславянской археологии в целом. Поэтому решать ее необходимо на основе комплексного анализа всех доступных материалов.

Стратиграфические данные свидетельствуют, что на поселении было как минимум 2, а возможно, и 3 строительных горизонта раннесредневекового времени, так как в ряде случаев зафиксировано перекрытие одного строительного объекта другим. В частности, юго-восточный угол постройки 4 нарушен ямами неопределенного характера, ямы 13А и 13Б и 32А и 32Б перекрывают друг друга, яма 18 нарушает северную стенку постройки 2, яма 20А нару-

шает западную стену постройки 2 и яму 20Б, ямы 19А и 19Б перекрывают друг друга и нарушают южную стену постройки 2¹. В последнем случае речь идет о возможном двойном перекрытии объектов. К сожалению, находки из перечисленных сооружений в общем маловыразительны, но некоторые выводы об относительной хронологии памятника на их основании все же сделать можно. По нашему мнению, к первому строительному периоду раннесредневекового времени относится жилище 2, яма 13А и, возможно, яма 20Б. Полуземлянка 2 и яма 13А сближаются по находкам фрагментов гончарной черняховской керамики. Яма 20Б не содержит находок, однако ее заполнение идентично заполнению постройки 2, в полу которой она открыта; не исключено, что она является одной из конст-

¹ Кроме того, юго-восточная часть постройки 7 нарушена ямой 31, однако в данной ситуации хозяйственная яма, датирующаяся по находкам лепной керамики третьей четвертью I тыс. н. э., впущена в заполнение полуземлянки, очевидно, позднесарубинского времени (см. приложение 2).

руктивных деталей данной постройки. В культурном слое непосредственно над жилищем 2 обнаружен клад круга «антских» кладов, следовательно, к моменту его сокрытия это жилище должно было быть давно заброшено, и его котлован успел заплывть. Выделенный таким образом начальный этап существования раннесредневекового поселения датируется уже упоминавшейся черняховской гончарной керамикой временем не позднее второй половины V в. Немногочисленные фрагменты аналогичных гончарных сосудов найдены и в культурном слое раскопов I и II. Исходя из этого, можно утверждать, что среди всех материалов поселения Великие Будки, в частности, среди керамики из культурного слоя, наличествует и комплекс находок V в.

По конструкции и характеру заполнения с постройкой 2 сближаются постройки 4 и 6. Все они имеют подпрямоугольную в плане форму, центральный опорный столб, в двух зафиксированы следы открытого очага (рис. 5; 6; 7). В запол-

нении каждой из них сделано сравнительно небольшое количество находок, поскольку эти полуземлянки в древности, очевидно, были заброшены. Однако структура керамического набора постройки 2 с одной стороны и построек 4 и 6 — с другой резко различна. Лепные сосуды из полуземлянки 2, как уже было отмечено, имеют аналогии на раннепеньковских (позднекиевских?) памятниках сейминско-донецкого междуречья. В постройках же 4 и 6 обнаружена характерная для колочинской культуры посуда, хотя и обладающая некоторыми специфическими чертами. В связи с этим неясно, можно ли объединять перечисленные сооружения в один строительный горизонт, так как до сих пор случаи сосуществования на одном памятнике в одно и то же время объектов с различной этнокультурной атрибуцией в раннеславянской археологии неизвестны. Возможно, между рассматриваемыми постройками все же был какой-то хронологический разрыв. Косвенно это подтверждается различным числом находок из верхних частей

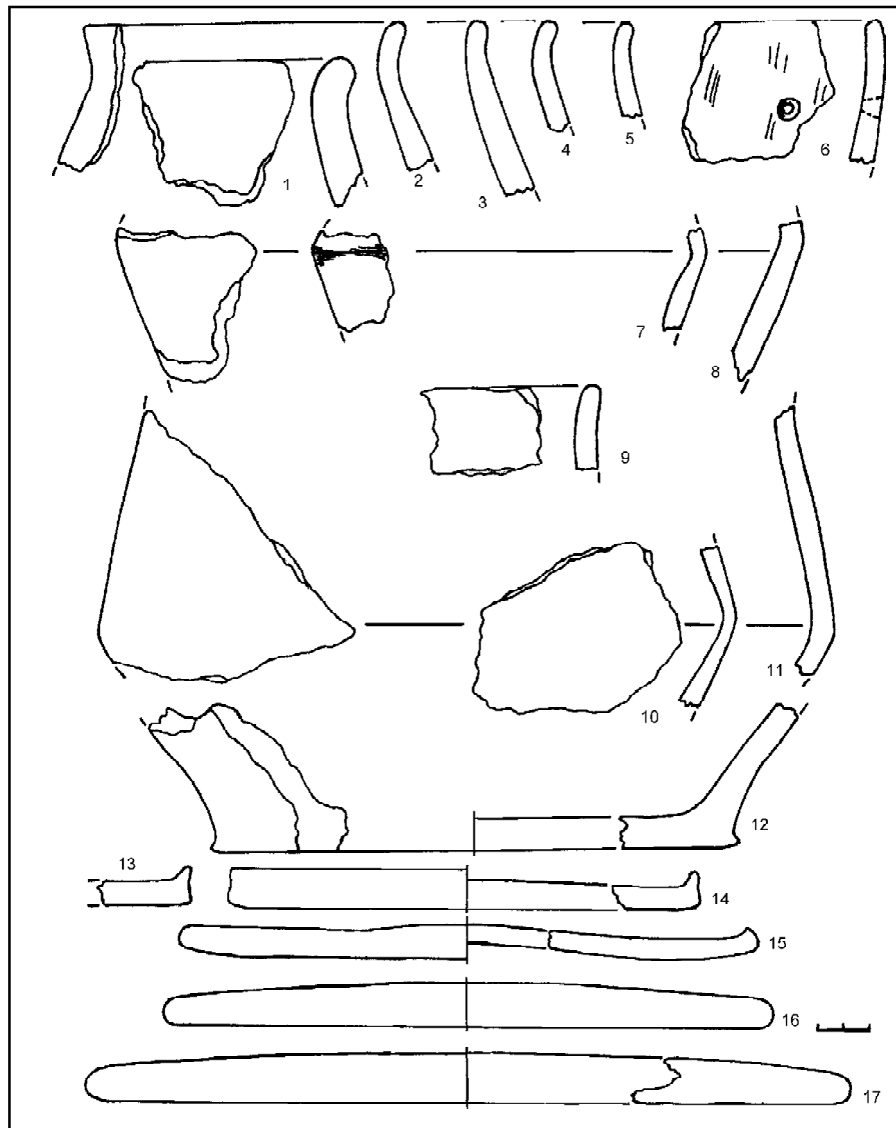
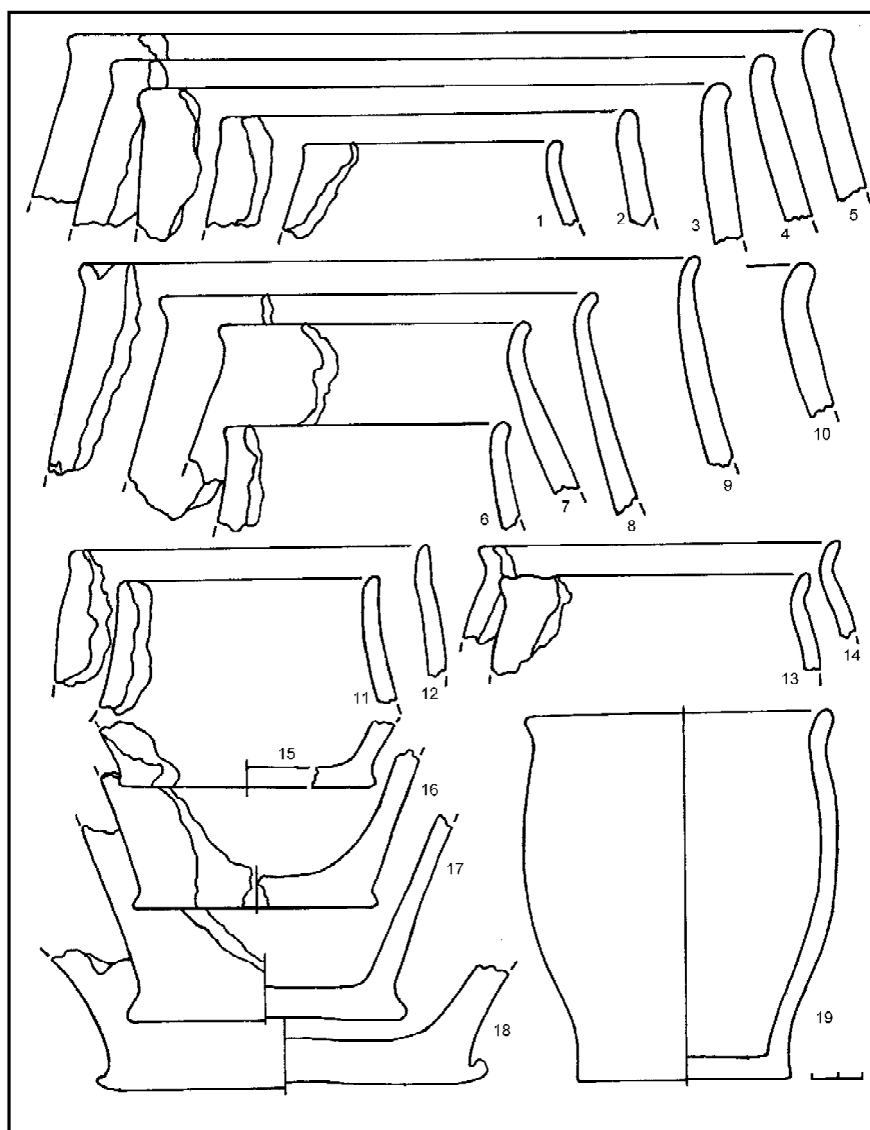

Рис. 13. Лепная керамика из верхней части заполнения постройки 2 (2-5, 7, 8, 11, 13-17) и верхней части заполнения ям 17, 18, 19А, 19Б (1, 6, 9, 10, 12). 7 — чернолощная, 9 — лощеная.

Рис. 14. Лепная керамика из заполнения котлована постройки 3.

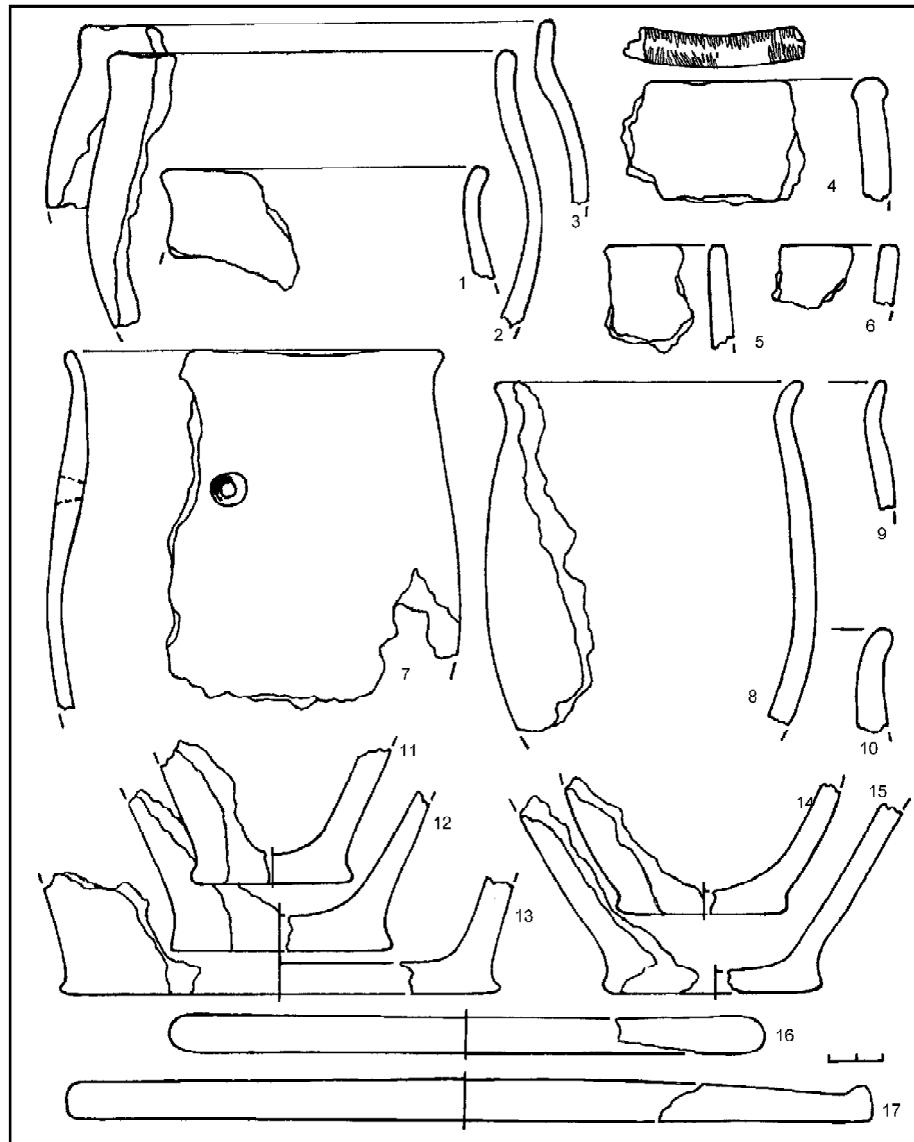
их заполнения: полуземлянка 2 могла существовать в более раннее время, так как в верхней части ее заполнения, то есть, фактически, в западине, образовавшейся на ее месте после того, как постройка была заброшена, успело накопиться большее количество материалов, чем в западинах на месте полуземлянок 4 и 6. Однако это пока всего лишь предположение, большей частью интуитивное.

Ко второму, более позднему строительному горизонту раннесредневекового времени, вероятно, относится жилище 3 и ямы 19А, 19Б (?) и 20А. Постройка 3, хотя и сохранила подпрямоугольную форму, отличается от более ранних отсутствием ямы от центрального столба, а также тем, что в ней не зафиксированы следы отопительного сооружения. Все перечисленные объекты имеют темное гумусное заполнение с большой примесью сажки — очевидно, они погибли во время пожара. Этим объясняется значительное количество находок в постройке 3, откуда происходят не только отдельные фраг-

менты, но и целые развалы сосудов, причем некоторые из них были расположены в ряд вдоль одной из стен полуземлянки. Пожар мог послужить и причиной сокрытия клада. В этом случае с поздним строительным горизонтом памятника следует сблизить в хронологическом отношении весь комплекс находок, связанных с ремесленным производством, а также постройку 5. В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что основная масса отходов производственного процесса зафиксирована в слое, перекрывающем полуземлянки 2 и 6, а в ямах 19А и 20А обнаружены куски железных шлаков. Над постройкой 6 найдена также оловянисто-свинцовая бляшка, аналогичная бляшкам из состава клада (рис. 9).

Судя по материалам поселения, комплекс постройки 3 и примыкающих к ней в хронологическом отношении объектов является самым поздним, если не принимать во внимание находки XIX-XX вв. После пожара жизнь здесь, по-видимому, уже не возобновлялась. В этом случае

Рис. 15. Лепная керамика из заполнения котлована постройки 3.

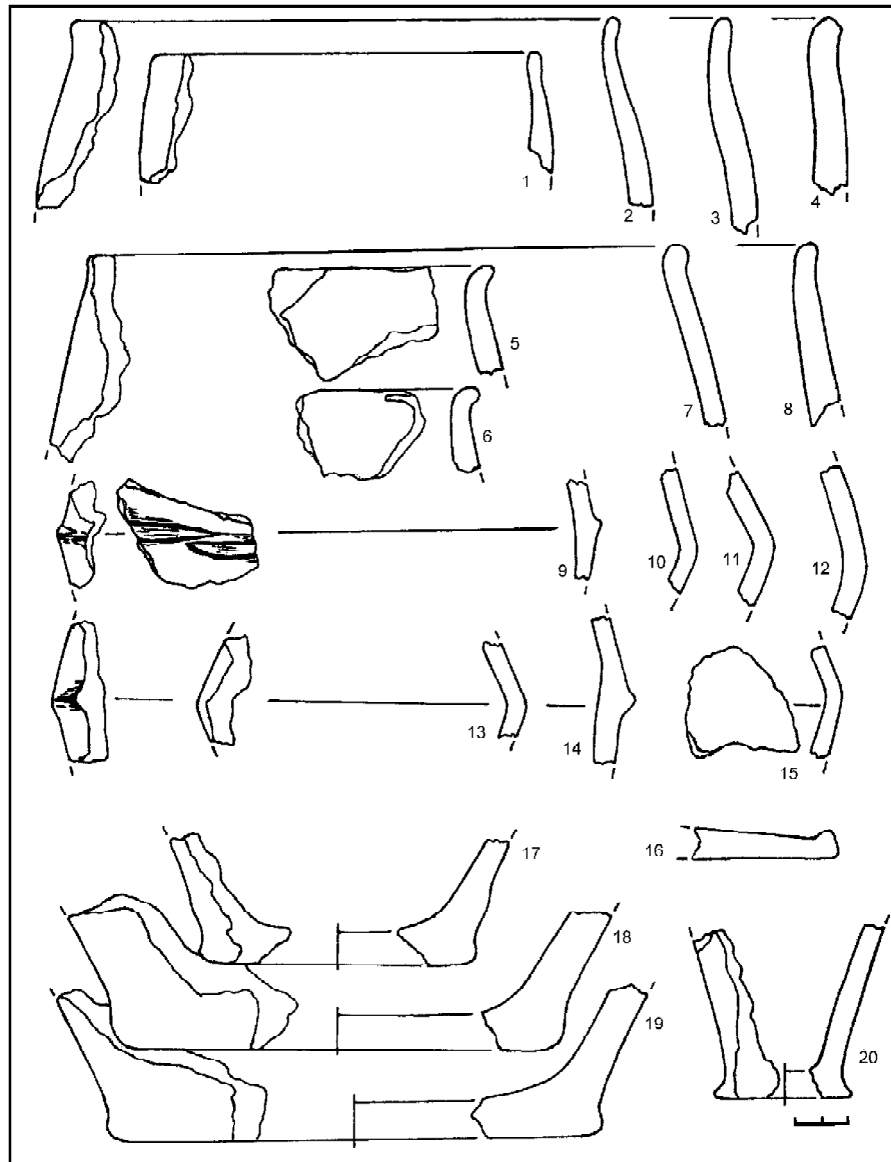
клад маркирует финальную фазу существования памятника и является основным источником для определения ее абсолютных хронологических рамок. Рассмотрим его состав с точки зрения датирующих возможностей.

Близкие аналоги пальчатой фибуле (рис. 48: 1) ни в комплексах, ни среди случайных находок пока неизвестны. По материалу и некоторым особенностям стиля она сближается с так называемыми керченскими или боспорскими фибулами, изготовлявшимися в Крыму в VI — первой половине VII вв. по более ранним дунайским образцам (Амброз 1971: 104, 106; Айбабин 1990: 20, 21). Определенное сходство с рассматриваемым экземпляром прослеживается и у ряда изделий из Среднего Поднепровья, которые, хотя изготовлены достаточно небрежно и, как правило, из бронзы, несут на себе влияние южных, крымских или дунайских традиций (Корзухина 1974: табл. 75: 1-3, 12; 77: 3). Техника же отливки и орнаментации фибулы из Вели-

ких Будков достаточно высока, что роднит ее не с поднепровскими, а, скорее, с крымскими или даже дунайскими украшениями, поэтому нельзя исключать возможность ее изготовления в по-дунайских мастерских. Однако сузить определяемую на основе широких аналогий датировку этой вещи — VI — VII вв. — на современном уровне знаний не представляется возможным, для этого требуется дальнейшее изучение данной категории украшений.

Фрагмент антропоморфной фибулы (рис. 48: 2) слишком мал для того, чтобы на его основании давать полную типологическую и хронологическую характеристику изделия. Но, насколько можно судить, ближайшей аналогией рассматриваемой вещи является пара антропоморфных фибул из Мартыновского клада, поэтому все дальнейшие построения и выводы основываются в значительной степени именно на этом факте. Таким образом, антропоморфная фибула из Великобудковского клада от-

Рис. 16. Лепная керамика из заполнения котлована постройки 3.

носится, вероятно, к типу IIIa по А.К.Амброзу (Амброз 1993: рис. 3). Помимо Мартыновки, близкие, хотя и несколько иного типа, изделия, известны вкладах из Козиевки (Корзухина 1074: табл. 8: 1,2; 47: 5,6) и Трубчевска. Все эти комплексы являются «антскими»кладами I группы, вещи из состава которых бытовали в Поднепровье во второй — третьей четвертях VII в. (Щеглова 1990: 179 и сл.; Гавритухин 1996б: 89-95). Погребения с антропоморфными фибулами днепровского типа из Крымских могильников исследователи до недавнего времени относили ко второй половине VII в. (Амброз 1971: 114, 116), а иногда и ко всему VII в. (Айбабин 1990: 26). Однако последние, достаточно, на наш взгляд, аргументированные хронологические разработки позволяют утверждать, что на Крымском полуострове эти украшения появились после начала VII в. и продолжали бытовать до его середины или несколько позднее (Гавритухин 1996б: 63-69). Кроме того, для ант-

ропозооморфных фибул близких к рассматриваемому экземпляру типов характерен довольно ограниченный набор декоративных элементов и приемов, что также указывает на их существование компактной хронологической группой в течение сравнительно узкого отрезка времени.

Фрагмент шейной гривны (рис. 48: 6), как и обломок пальчатой фибулы, точных аналогий не имеет. Несколько напоминает эту вещь случайно найденная близ Канева гривна с таким же крючком и орнаментированным расширением на конце, но изготовленная из медного прута, обтянутого тонкой серебряной пластиной, украшенной кружками и треугольниками (Корзухина 1974: табл. 2: 3). Близка нашему экземпляру и находка из погребения в кургане 6 в Таурапилисе, которое датируется концом V — VI вв. (Казяквичюс 1982: 76, рис. 3). Несколько более отдаленные аналогии рассматриваемому украшению известны в Подунавье, в комплексах из Чадьявиц, Залесья, Земянского Врбовка (Fettich

1951: tabl. XII: lv, VIII.1 и 2; Svoboda 1953: fig. 3). При этом гривна из Чадьявиц сходна с великобудковской по технике изготовления и способу орнаментации прута, остальные же имеют полое тело и застежку, хотя и пластинчатую, но без расширения со стороны крючка. С дунайскими изделиями сближают данную вещь четкость и чистота ее выделки, тонкость и аккуратность гравировки, крестообразные орнаментальные мотивы. Однако на основании всего изложенного датировать гривну из Великобудковского клада мы можем лишь предположительно: возможно, она была изготовлена в первой половине VII в.

Большое пластинчатое украшение (рис. 49) в течение долгого времени являлось уникальным, и лишь недавно близкие ему вещи были найдены в составе инвентаря погребения у д. Мохнач в Харьковской обл. (Аксенов, Ба-

бенко 1998: 117, рис. 4: 1-3). Пластины из Мохнача орнаментированы зигзагообразной гравировкой и выпуклыми кружками, как рассматриваемый экземпляр, хотя и беднее. Сходство орнаментальных стилей и формы этих изделий указывает, возможно, на их принадлежность к одному кругу и на одинаковое функциональное назначение. Датировать их следует исходя из того, что в Мохначе такие пластины были найдены в сопровождении больших пальчатых фибул днепровских типов, широкопластинчатой подвижной шарнирной фибулы, односпиральных височных колец, литых браслетов с расширенными орнаментированными концами, шейных гривен, трапециевидных подвесок, колокольчиков и т. д. — то есть вещей, входящих в состав «антских» кладов I группы и относящихся ко времени не позднее второй — третьей четвертей VII в. Вообще следует отметить, что орна-

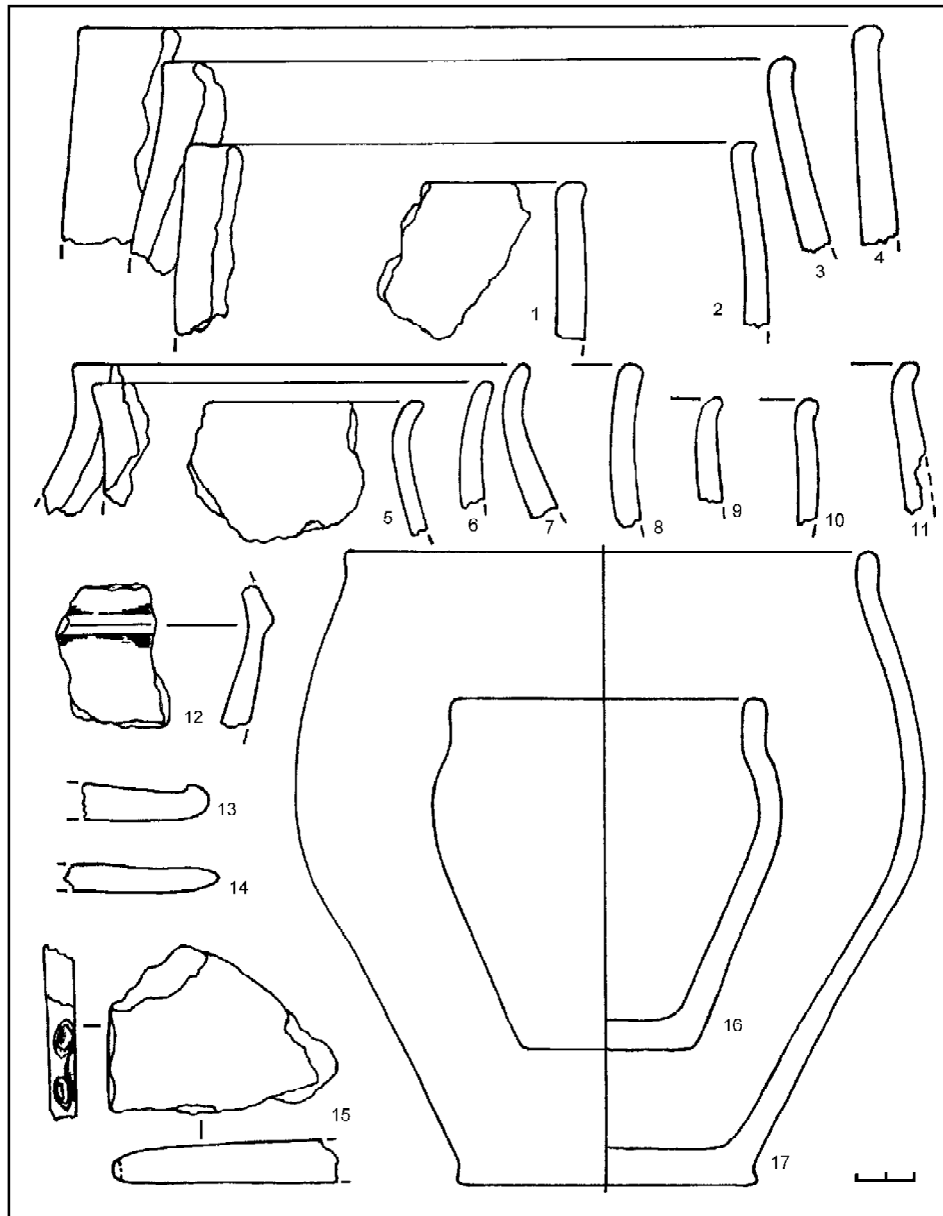

Рис. 17. Лепная керамика из верхней части заполнения постройки 3.

мент, аналогичный орнаменту на интересующих нас изделиях, весьма часто встречается на трапециевидных подвесках и других пластинчатых украшениях в ареале вещей круга «древностей антов» (Корзухина 1974: табл. 52: 1,2; 56: 12,13; 59: 5,6; 100: 7,8,14). В целом же он известен начиная с IV и заканчивая VIII-IX вв. (Szabo 1939: 101, tabl. 1; Mitrea, Preda 1966: 306, fig. 158: 7; Генинг 1962: 35-44, табл. II: 10a,11a,б).

Мода на цельнолитые браслеты с расширенными округлыми гладкими или орнаментированными концами (рис. 48: 3,4) в раннесредневековое время распространилась на огромной территории от Дуная до бассейна Дона и Прибалтики. В основном их датируют VI-VII вв., хотя некоторые разновидности подобных изделий существовали уже в V в. (Горюнова 1992: 128, там прочая литература). Незавершенность типологических и хронологических схем этой кате-

гории украшений не позволяет пока сузить и предполагаемую дату браслетов из Великих Будков. Достаточно уверенно мы можем определить только верхнюю границу существования таких вещей в Поднепровье. Цельнолитые браслеты с расширенными орнаментированными или гладкими концами обычны в днепровскихкладах I группы (Корзухина 1974: табл. 14: 2,3; 29: 3; 38: 1,2; 99: 8,9). Украшения, в том числе и браслеты, последующей эпохи здесь выполнены уже в другом стиле, с применением другой технологии, и отражают, очевидно, вкусы и запросы другой, новой группы населения. Таким образом бытование рассматриваемых изделий в Днепровском бассейне прекращается на поздней третьей четверти VII в.

Если предыдущую пару изделий с конкретным этносом или культурной средой связать крайне трудно, то браслет с расширенными гра-

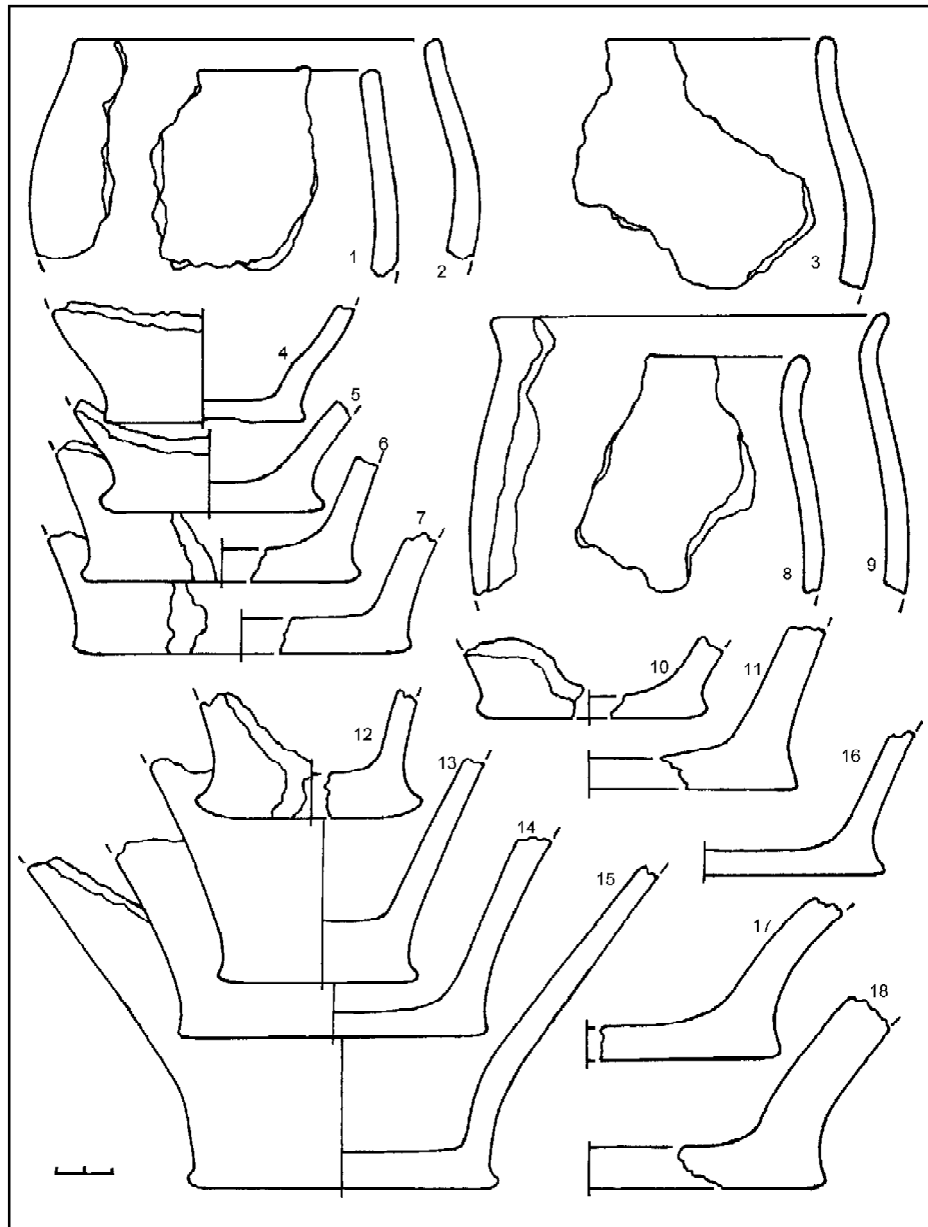
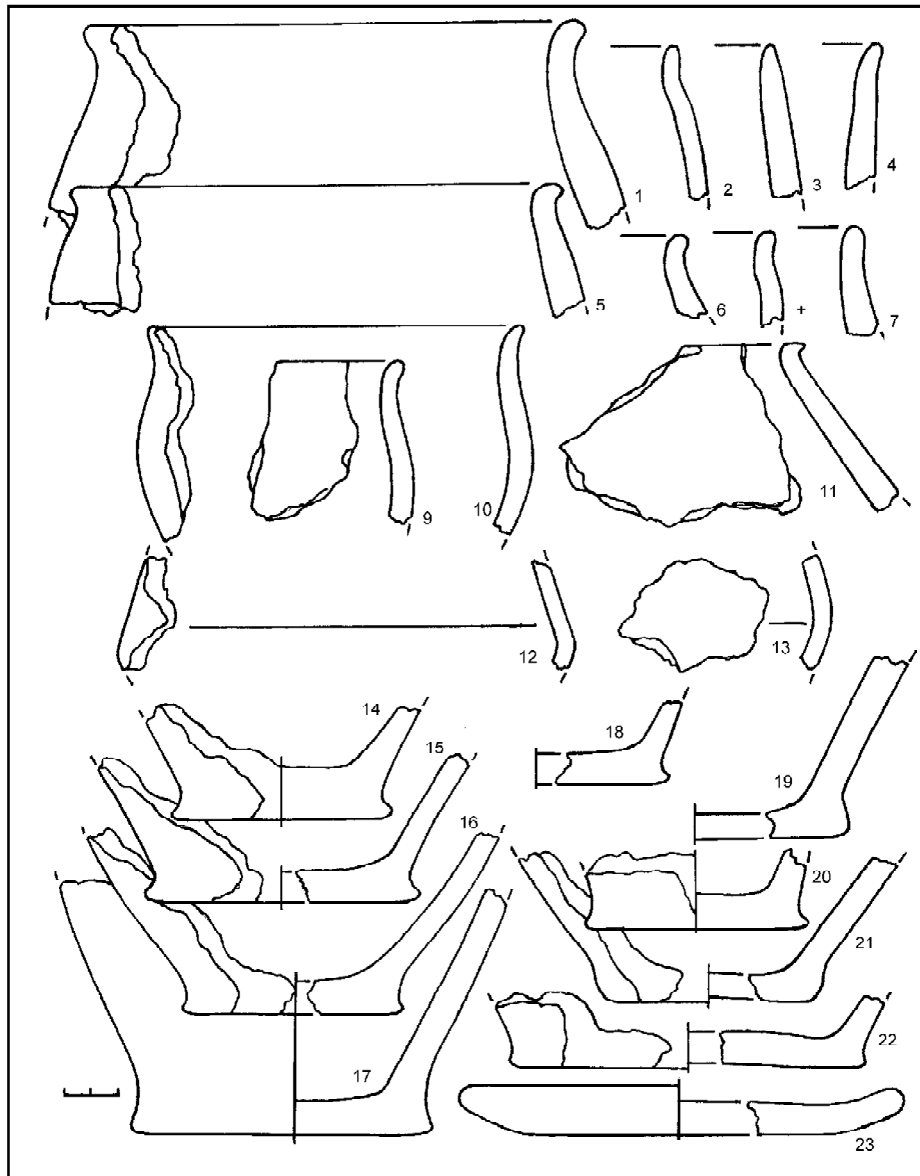

Рис. 18. Лепная керамика из верхней части заполнения постройки 3.

Рис. 19. Лепная керамика из верхней части заполнения постройки 3. 12 — лощеная.

ненными орнаментированными концами (рис. 48: 7) относится к типично прибалтийскому виду украшений (Urtan 1977: 138-142, att. 45: 7,11). Кроме Прибалтики, аналогичные вещи известны в Мартыновском и Козиевском кладах третьей четверти VII в. и на городище Зимно VI-VII вв. (Корзухина 1974: табл. 15: 3; 49: 17; Ауліх 1972: 67, табл. XIII: 1,3,4,12).

Широко датируются и пряжки со щитовидными расширениями у основания язычков, аналогичными язычку из состава клада (рис. 48: 8). В Восточной Европе такие пряжки известны в погребениях восточнолитовских и длинных курганов (Аун 1979: 371, рис. 6; Таутавичюс 1966: 189, рис. 1: 7; Седов 1974: 35, табл. 24: 2; Седов 1982: 52, табл. XVIII: 18; XIX: 21,24) и среди пражских материалов городища Зимно (Ауліх 1972: 61, 62, табл. XI: 12). Некоторые из В-образных рифленых пряжек, найденных в Прибалтике — из Линдоры, Курова, Рекучая, Памусиса — также име-

ют на основании язычков массивное щитовидное расширение (Бажан, Каргапольцев 1989: 29, рис. 2: 30,31,33,40). На основании приведенных аналогий начало использования подобных украшений по восточноевропейским материалам можно датировать V в., а конец — VII или даже VIII вв., и оснований для сужения этого хронологического отрезка в отношении интересующего нас экземпляра пока не имеется.

Мелкие нашивные бляшки (рис. 47: 3-12) важны в первую очередь не как хронологические индикаторы (такие же и близкие изделия существуют в различных культурных средах в течение почти тысячи лет), а скорее как свидетельство мощного субстратного воздействия на целый пласт лесных и лесостепных культур Восточной и Северной Европы (Горюнова 1987; Горюнова 1992: 130, 131).

Маленькие пальчатые фибулы (рис. 47: 1,2) являются довольно редкими находками на Ле-

вобережье Днепра, а в составе комплекса, куда, они вообще встречены здесь впервые. Застежки такой разновидности исследователи относят к группе мазуро-германских (Kuhn 1956), малых пальчатых фибул (Корзухина 1974: 321-354), к типу Марош-Гымбаш-Пергамон (Werner 1950) или к группе пост-восточногерманских пальчатых, варианту Ваплево (Гавритухин 1991б: 133, 134, табл. II: 8). На уровне варианта аналогии находкам из Великих Будков происходят из случайного погребения в Сакуэни (Румыния), а также из погребения 22 в Ваплево и 13, 68, 74 — в Келларах (Мазурия) (Kuhn 1956: tabl. XXII: 14,22; XXIII: 27,34). На уровне же типа они известны и в Подунавье, и в Мазурском поозерье, и в бассейне Днестра, то есть практически на всей территории распространения этой категории украшений. Изучение хронологии дунайских, мазурских, крымских, а также пражских древностей Поднестровья позволяет ограничивать время существования

малых пальчатых фибул в целом VII в., причем зачастую исключая его начало (Родинкова 1996: 127, там прочая литература). Однако, судя по последним данным, бытование таких изделий в Крыму и, вероятно, в Поднепровье, продолжалось и в более позднее время. На это указывает находка обломка малой пальчатой фибулы в склепе 279 в Скалистом вместе с фрагментом пряжки типа Коринф и с цельнолитой пряжкой с фигурным, украшенным перекрещивающимися линиями, щитком, которые были в употреблении на Крымском полуострове, по-видимому, в первой половине VIII в. (Веймарн, Айбабин 1993: 51-53, рис. 31: 28,33; 34: 12; Айбабин 1990: 45, рис. 2; 20: 5; Амброз 1971: 116). Кроме того, две маленькие пальчатые фибулы происходят из комплексов построек Пастырского городища (Приходнюк 1994: 64, рис. 1: 1; Приходнюк, Вакуленко 1998: 134, рис. 4: 2). Данное городище — сложный социокультурный феномен, и пока, до полной публикации всех материалов, мно-

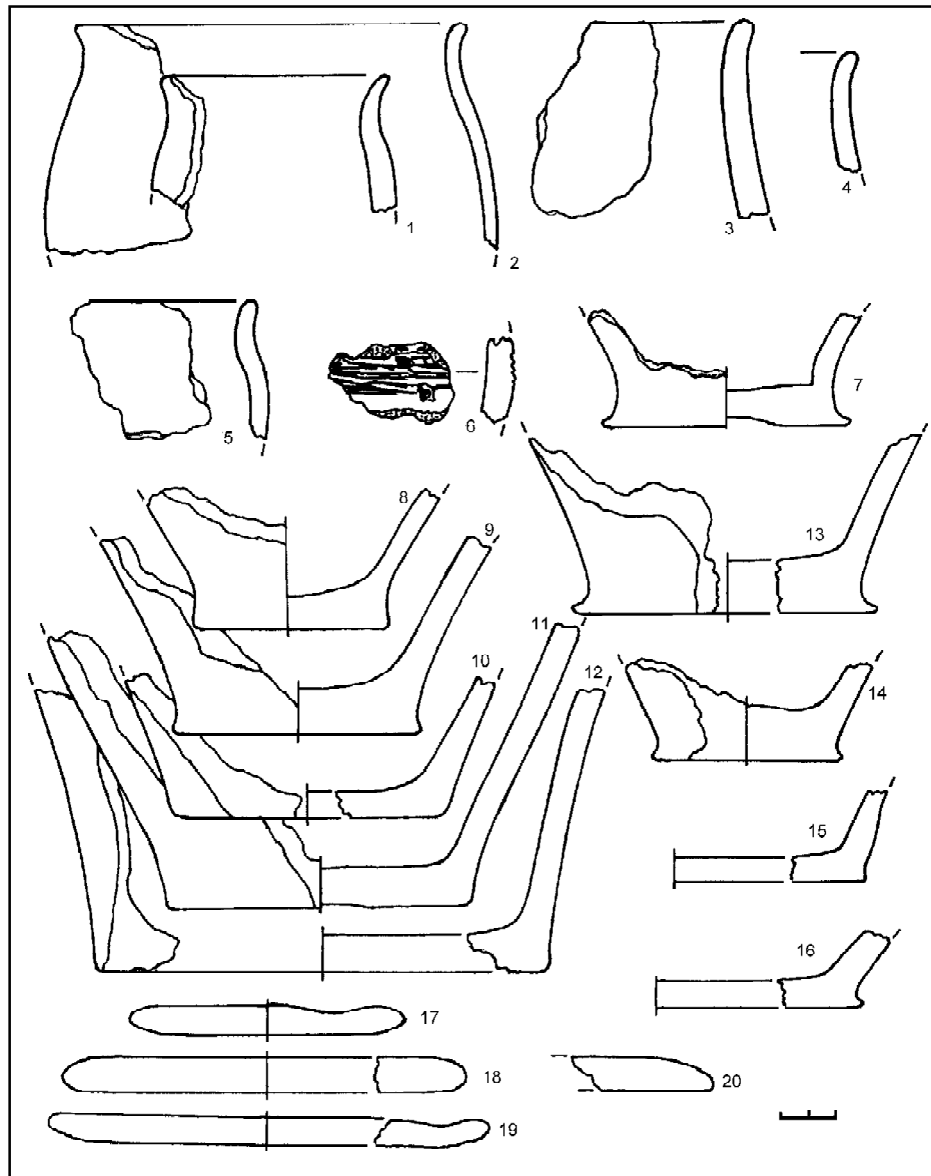
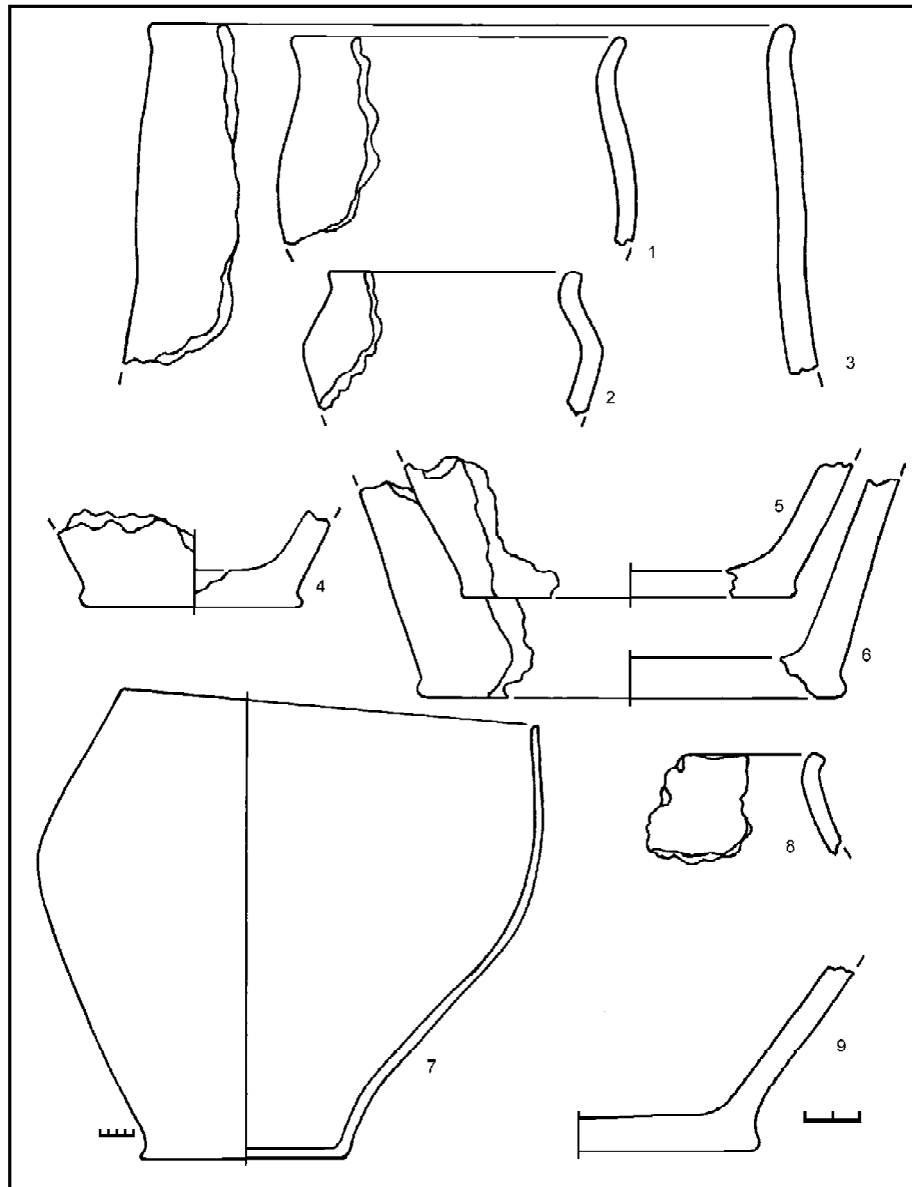

Рис. 20. Лепная керамика из заполнения котлована постройки 4 (1, 2, 4-6, 8, 11, 12, 15-20) и из верхней части заполнения постройки 4 (3, 7, 9, 10, 13, 14).

Рис. 21. Лепная керамика из верхней части заполнения постройки 4 (1-6) и из нижней части культурного слоя раскопа II (7-9).

гие вопросы его возникновения, функционирования и гибели остаются невыясненными. Несомненно одно: основной период существования этого памятника приходится на время после выпадения «антских» кладов I группы и датируется концом VII-первой половиной VIII вв. (Приходнюк 1998: 18). Учитывая изложенные факты, а также крайнюю степень деградации пары великобудковских застёжек, время их изготовления мы относим к рубежу VII-VIII — началу VIII в.

Остальные предметы из этого комплекса — оковка, оловянисто-свинцовые и серебряные пластинки, сплески, фрагменты слитков — не несут в себе информации хронологического характера и уточнить даты рассмотренных выше вещей не могут.

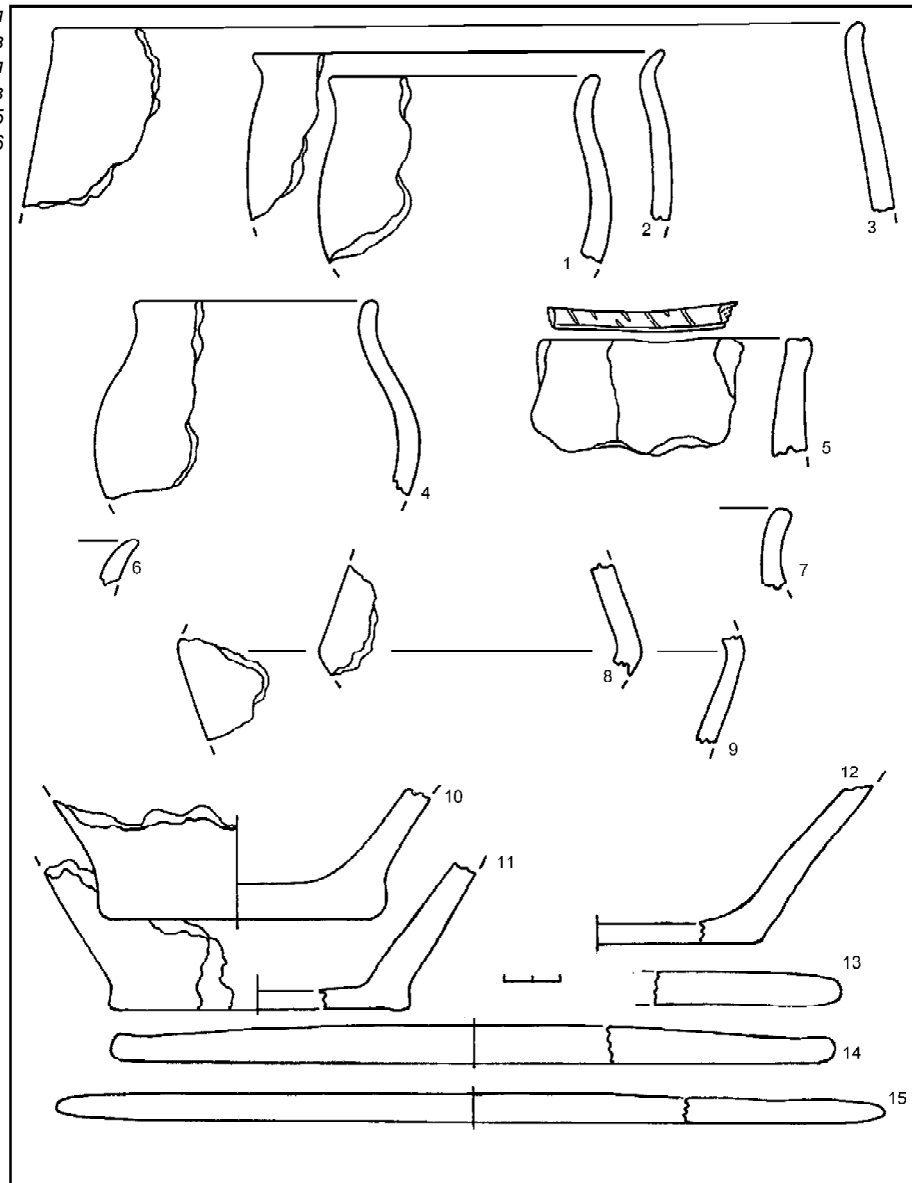
Рассмотрев таким образом состав открытого на поселении Великие Будки клада, можно прийти к двум основным выводам.

Первое. Исследуемый комплекс представля-

ет собой сокровище с весьма длительным периодом накопления. Некоторые из его вещей датируются VI-VII или даже V-VII вв., время существования других определяется более узко и укладывается в рамки второй половины VI-первой половины VII в. Заключительный этап накопления клада и время его сокрытия фиксируется малыми пальчатыми фибулами — наиболее поздними изделиями из его состава — и приходится, вероятно, на рубеж VII-VIII — началу VIII в.

Второе. Клад из Великих Будков обнаруживает сходство с так называемыми кладами «древностей антов» лишь в отношении категориального состава: и в первом, и во вторых присутствуют пальчатые и антропоморфные фибулы, шейные гривны, браслеты с расширенными концами, пластинчатые украшения, мелкие нашивные бляшки. Однако при более детальном рассмотрении оказывается, что среди «антских» вещей близкие аналогии имеются

Рис. 22. Лепная керамика из заполнения котлованов построек 5 (2, 11-13) и 6 (1, 3-10, 14, 15).

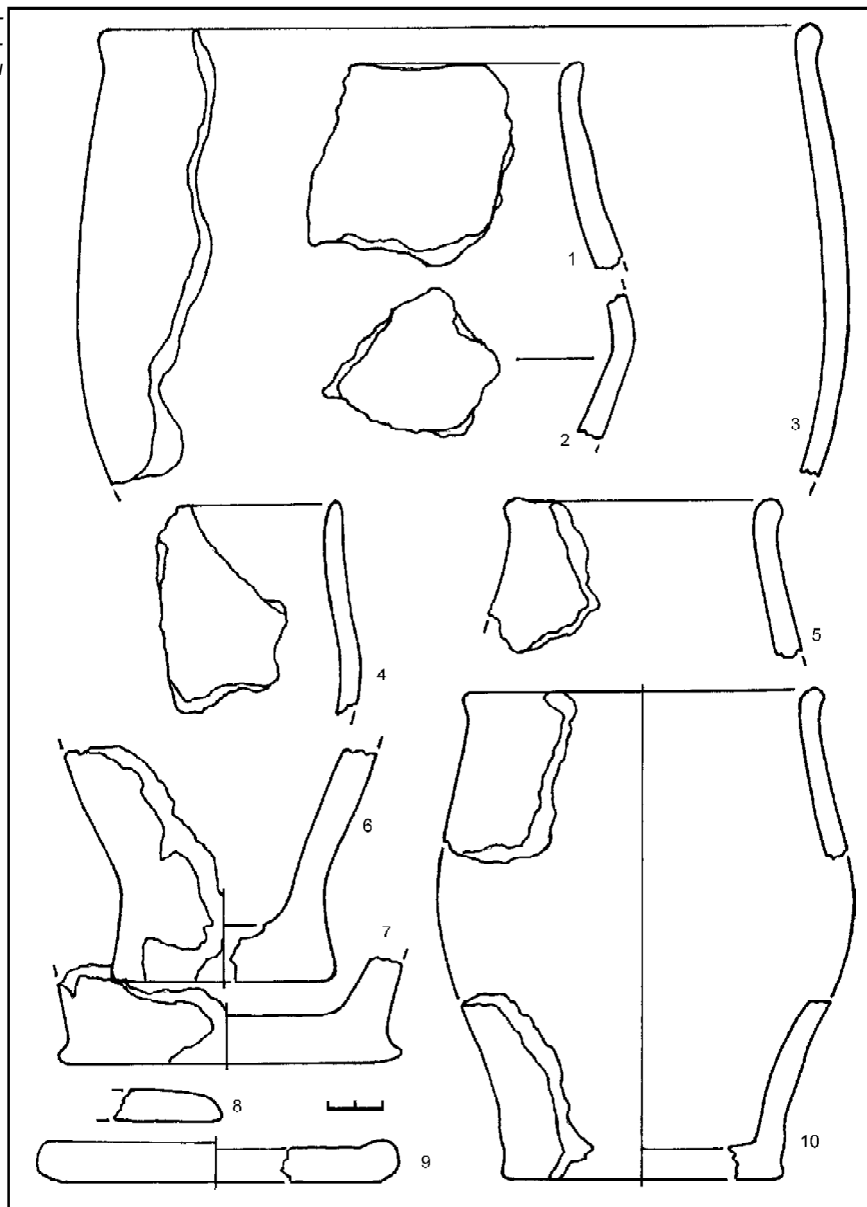

лишь фрагментам антропоморфной фибулы, браслета с расширенными округлыми и, отчасти, гранеными концами, а также нашивным бляшкам. Другие вещи — обломки большой пальчатой фибулы, шейной гривны, орнаментированной пластины, язычок от пряжки, маленькие пальчатые фибулы — уникальны и тяготеют не к поднепровским, а, скорее, к дунайским или прибалтийским ремесленным центрам. В то же время само выделение «антских» кладов стало возможным именно из-за стандартности, унифицированности содержащегося в них набора вещей, для которого характерны определенные, днепровские типы пальчатых фибул, пряжек, гривен и т. д. Кроме того, обособленное место по отношению к другим комплексам круга «древностей антов» великобудковский клад занимает и благодаря своей датировке; очевидно, он был зарыт во временном промежутке между кладами I и II групп, выпавшими, соответственно, примерно в третьей четверти VII в. и около

середины VIII в. (Щеглова 1990: 182). Исходя из вышеизложенных соображений, мы считаем возможным соотносить клад из Великих Будков с кругом «антских» древностей лишь условно, определяя его как сокровище особого рода, весьма неоднозначное и неоднородное по своему составу.

Вернемся, однако, к рассмотрению вопроса о хронологии поселения в целом. Как было отмечено выше, клад маркирует последний период существования памятника, вернее, момент его гибели, который таким образом можно отнести к рубежу VII-VIII — началу VIII в. Эту дату подтверждают и другие источники, в первую очередь фрагменты гончарного кувшина или кувшинов (приложение 1, рис. 8; 43: 9,10), обнаруженные в основном в верхней части культурного слоя в центральной и южной частях раскопа II. По мнению А.Л.Якобсона, которому мы весьма признательны за консультацию, этот сосуд имеет южное, скорее всего кочевое, про-

Рис. 23. Лепная керамика из ямы 4 (1-3,10), ямы 1 (4-7) и "очажка" (8,9).

исхождение и был изготовлен не ранее VIII в.

Обломок ремennого наконечника (рис. 45: 2) входит в состав группы прорезных наконечников с прямыми или слегка прогнутыми боками. Судя по данным, которыми мы располагаем, близких аналогов этому экземпляру среди поднепровских, весьма, впрочем, разнородных, изделий нет. По форме прорези наиболее сходны с великобудковским, пожалуй, лишь наконечники «круга влияния византийской культуры на Балканах и в Италии» из Чивидале Челла и Арчисы (Гавритухин 1996а: 32, рис. 46: 41,42). Датировать наконечник из Великих Будков, очевидно, на тех же основаниях, что и детали ремennых гарнитур, входящие в днепровские клады I группы, следует второй-третьей четвертями VII в. (Гавритухин 1996б: 92-95; Родинкова 1996: 126). Отметим, что такая дата не противоречит установленным для всего колочинского поселения хронологическим рамкам.

Бусина, изготовленная из непрозрачного черного стекла (рис. 45: 3), встречает определенные аналогии среди находок из раннесредневековых комплексов Центральной Европы, Подунавья, Ближнего Востока². Однако специфика данной категории изделий такова, что датирующими возможностями обладают только наборы бус, единичные же типы существуют обычно в течение сравнительно широких отрезков времени и для хронологических уточнений практически непригодны. В связи с этим и экземпляр из Великих Будков в качестве хронологического индикатора использован пока быть не может.

К сожалению, и остальные «индивидуальные» находки, сделанные на поселении, мало что могут прибавить к предложенным выводам о датировке памятника. Обломку железного из-

² Пользуясь случаем, выражаем искреннюю благодарность А.В.Мастыковой за консультацию и помощь в работе.

делия в форме подковы (рис. 45: 4) точных соответствий подобрать не удалось, что затрудняет его культурное и хронологическое определение. Язычок пряжки (рис. 45: 1) также не имеет признаков, позволяющих более или менее точно его атрибутировать. Фрагменты амфор (типа рис. 43: 15) принадлежат непрофилированным частям и, как правило, имеют поврежденную поверхность, поэтому на данном этапе исследования от попытки соотнести их с имеющимися в этой области типологическими и хронологическими разработками приходится отказаться. Железные ножи, шилья, другие бытовые предметы практически одних и тех же типов встречаются среди материалов многих восточноевропейских культур как в римское, так и в средневековое время. Эти изделия дают возможность не выделять, а, скорее, объединять отдельные культуры и их локальные варианты в единые археологические общности и культур-

но-исторические этапы. Они так же, как керамический комплекс и особенности домостроительства, свидетельствуют о принадлежности исследуемого поселения к раннесредневековым памятникам восточных славян.

Проанализировав коллекцию поселения Великие Будки (Хутор), мы можем подвести итоги и выдвинуть некоторые гипотезы. Круг проблем, на которые выводит нас материал данного памятника, весьма широк. Среди прочих здесь и вопрос об уровне развития у раннесредневековых славян ювелирного, кузнечного и других видов ремесел, и проблема культурных связей колочинских племен с другими, как славянскими, так и неславянскими этническими группировками, и попытки выделить заключительный этап и определить верхнюю хронологическую границу существования колочинской культуры. Необходимо указать, что среди всех находок с рассматриваемого поселения присутствуют и ма-

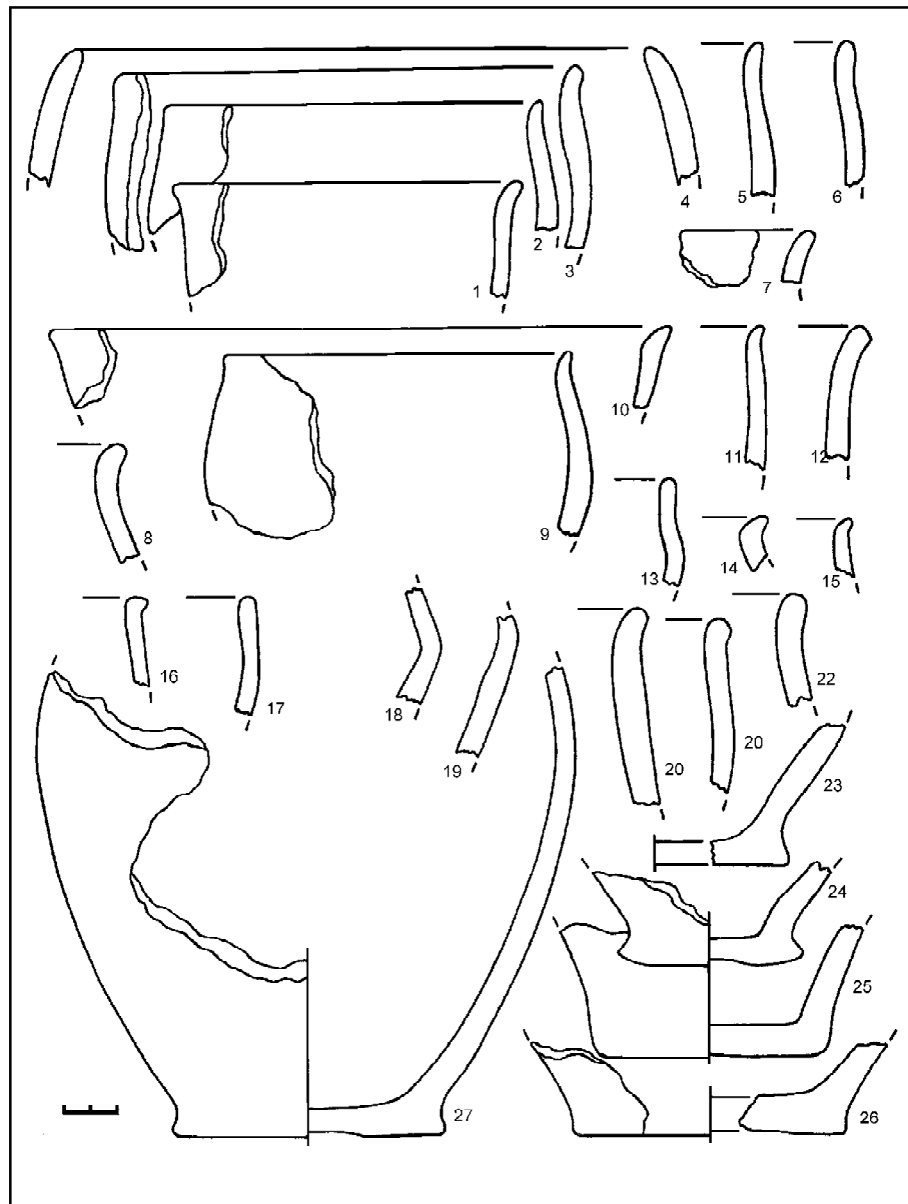

Рис. 24. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II (1-3, 5, 6, 16-19, 21, 23, 27), из заполнения ям 23 (4), 26 (7), 22 (8), 34 (9-11), 26 (12), 30 (20), 31 (22, 25, 26), 35 (24) и из заполнения ямы к западу от постройки 6 (13-15). 3 — с ангобом; 7 — чернощеная.

териалы раннеримского времени, которые позволяют поставить вопрос если не о преемственности традиций, то, по крайней мере, о взаимодействии позднезарубинецкой и юхновской культур в Восточном Посеймье (приложение 2).

О ремесленном производстве восточных славян написано немало. Со своей стороны отметим лишь, что находки на поселении в урочище «Хутор» подтверждают некоторые из сделанных ранее выводов, в частности, о том, что колочинские мастера-ювелиры использовали оловянисто-свинцовые сплавы и были знакомы с техникой литья в двустворчатые каменные формы. Гораздо более интересны данные о культурных связях населения, оставившего рассматриваемый памятник, полученные в результате анализа вещевого состава клада. Этот комплекс включает изделия явно местного, днепровского производства (фрагмент антропозооморфной фибулы, мелкие бляшки, возможно, браслеты с округлыми расширенными концами), а также тяготеющие к дунайским (фрагмент большой пальчатой фибулы и, возможно, шейной грив-

ны) и прибалтийским (фрагмент браслета с расширенными многогранными концами и, вероятно, язычок пряжки со щитовидным расширением у основания) ремесленным центрам. Определенные аналогии среди западных материалов, как было отмечено выше, имеют поясной наконечник и бусина, однако в последнем случае, возможно, следует говорить о связях с ближневосточным регионом. Находки вещей европейского и, в частности, дунайского, облика нередки на памятниках колочинской и пеньковской культур; в литературе этот факт наиболее часто объясняется дунайскими походами славян. Прибалтийские изделия могли попасть в среду восточнославянских племен в результате торговых или каких-то иных контактов. В целом же анализируемый материал отражает, очевидно, весьма сложную ситуацию, существовавшую в лесостепной, степной и даже лесной зонах Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов.

Неоднозначными, по-видимому, были и отношения жителей данного поселения со своими ближайшими соседями. Памятник располо-

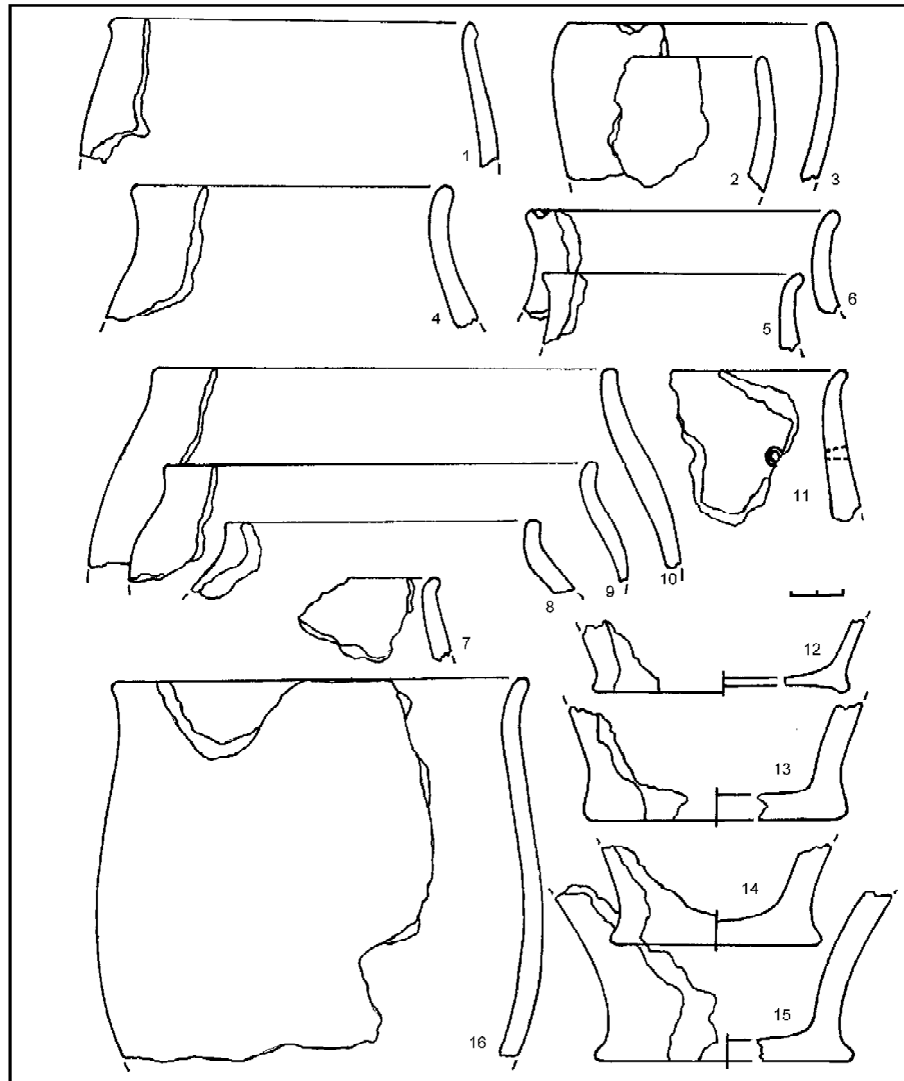
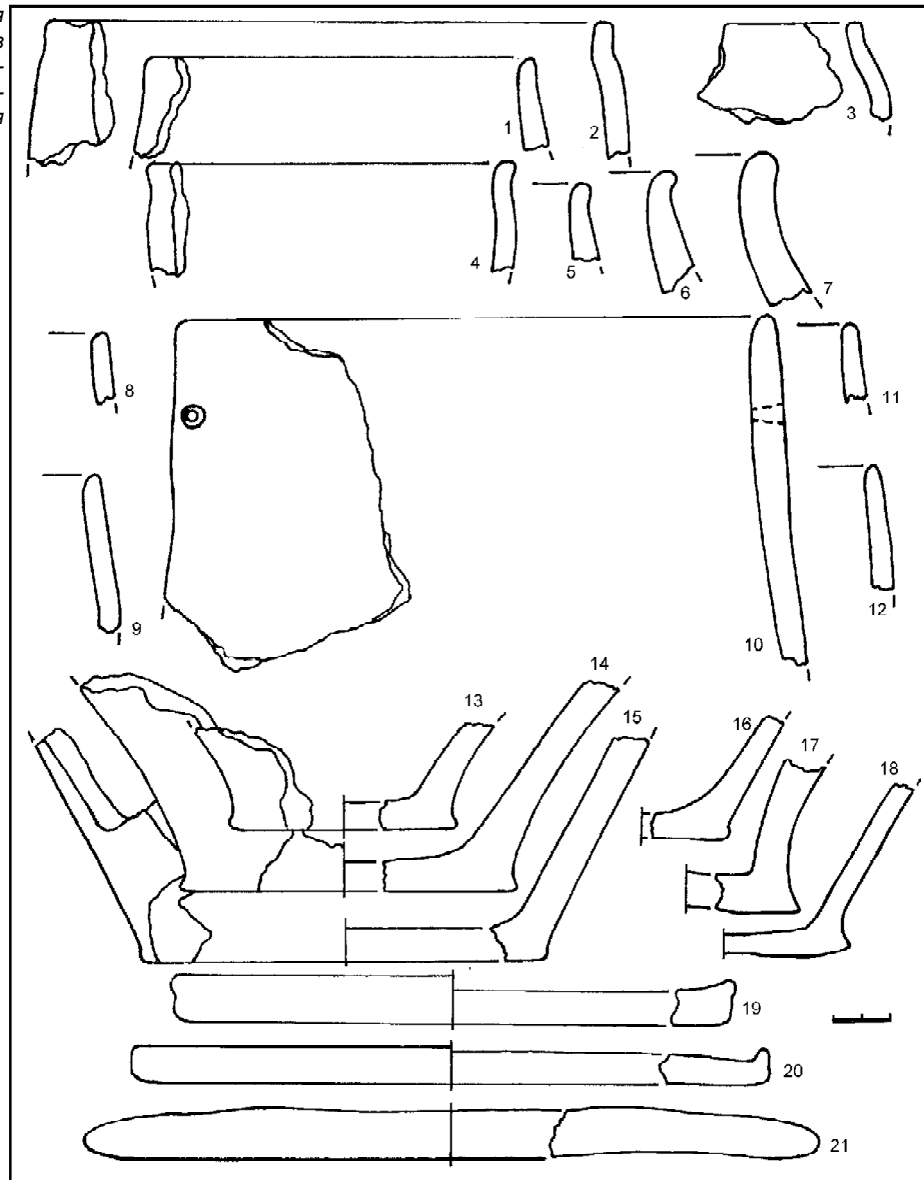

Рис. 25. Лепная керамика из верхней части заполнения постройки 3 (1, 3), из верхней части заполнения постройки 2 (4) и из нижней части культурного слоя раскопа II (2, 5-16).

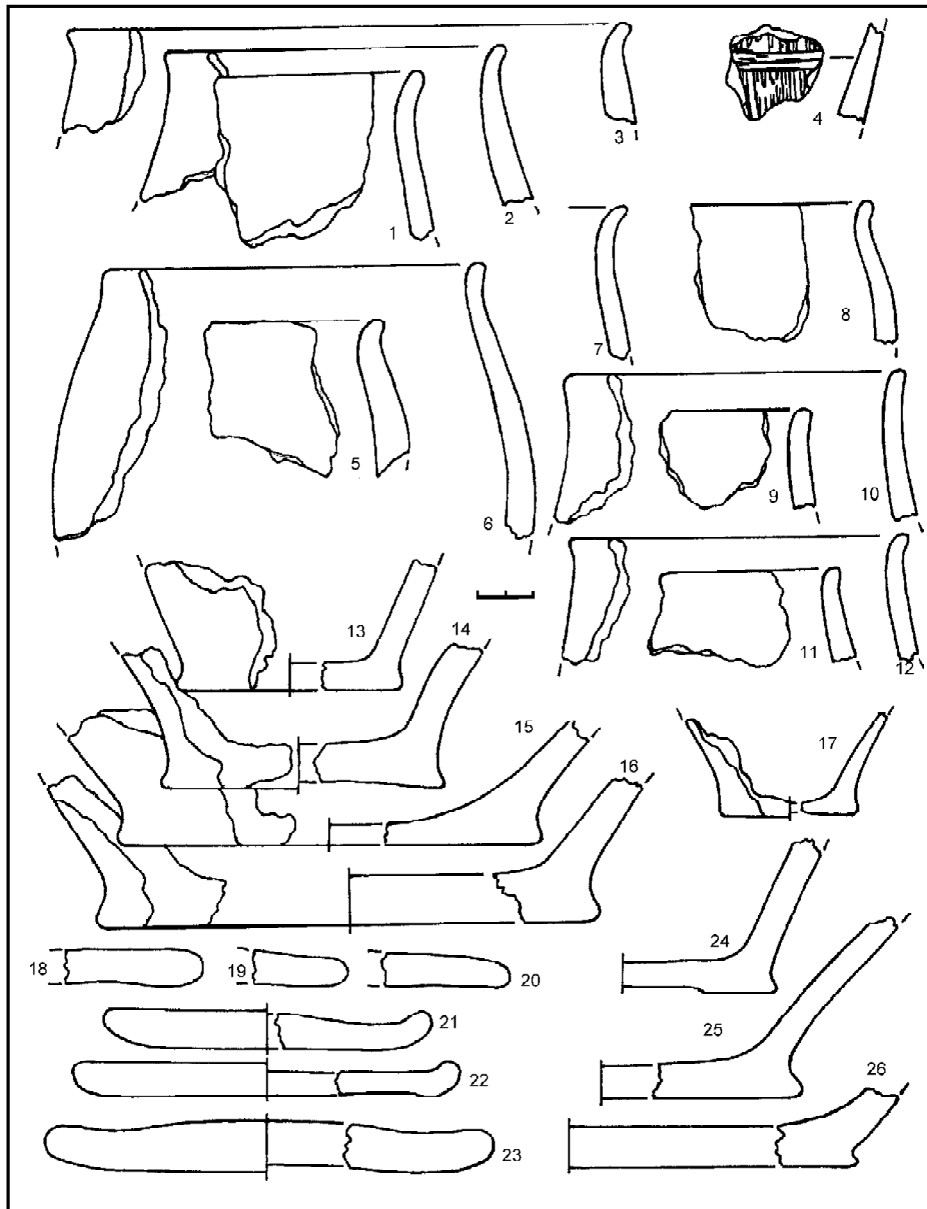
Рис. 26. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II.

жен в верховьях Сулы, то есть в маргинальной колочинско-пеньковской зоне, и это не могло не отразиться на материальной культуре оставшегося его населения. Результатом пеньковского влияния, вероятно, нужно считать необычно большой процент ребристых горшков в керамическом комплексе поселения, относительно сильную профилированность его сосудов по сравнению с сосудами с иных колочинских памятников и некоторые другие особенности. Кроме того, судя по структуре керамического набора, непосредственно к пеньковской культуре должна относиться одна из открытых на поселении полуземлянок (постройка 2), которая по находке венчика гончарной черняховской миски датируется временем не позднее второй половины V в. Фрагменты черняховской гончарной керамики были встречены и в культурном слое обоих раскопов, что дает возможность предположить наличие на памятнике других объектов V в. Однако сосудов, аналогичных

сильнопрофилированным горшкам и лепной миске из постройки 2, среди остальных материалов поселения нет, и этот факт можно объяснить лишь принадлежностью наших гипотетических ранних объектов к другой по сравнению с вышеупомянутой постройкой этнокультурной среде. В то же время комплекс ранних находок на памятнике четко не выделяется. Вероятно, развитие материальной культуры здесь носило плавный эволюционный характер, и сосуды ранней фазы по формам, размерам и профилировке в принципе мало отличаются от более поздней колочинской керамики. Вывод из этих логических построений следует довольно неожиданный: на поселении Великие Будки примерно в одно и то же время сосуществовало население, относящееся к двум различным славянским культурам эпохи раннего средневековья — колочинской и пеньковской. Возможно, правда, комплекс постройки 2 следует рассматривать не как раннепеньковский, а как позднекиевский, но

Рис. 27. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II.

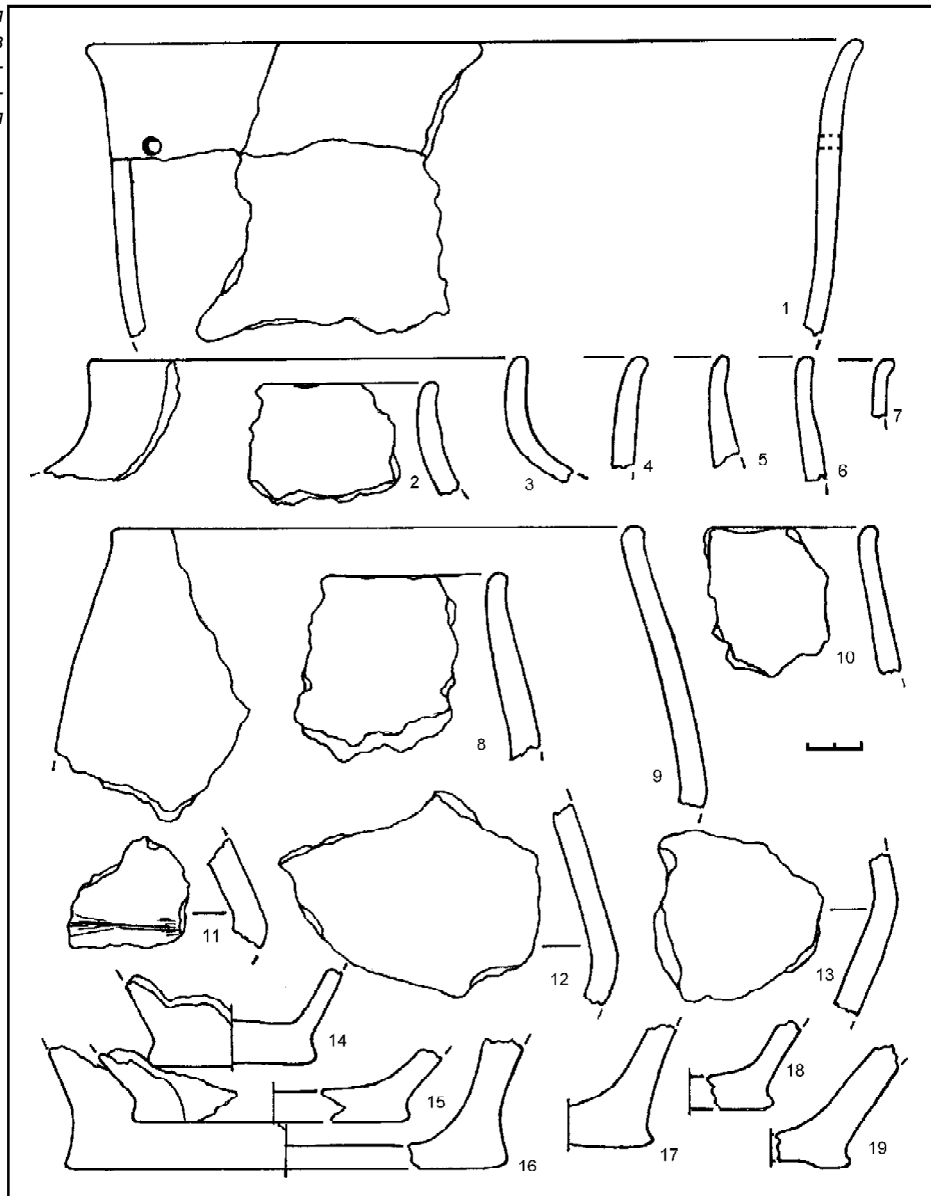
в этом случае мы должны констатировать, по крайней мере, на основании материалов данного поселения, существование значительных различий между керамическими наборами киевской и колочинской культур в Восточном Посеймье. В целом же все это — лишь гипотезы, которые не перейдут в уверенность, пока не будет выделен достоверно ранний комплекс находок памятника и определена точная этнокультурная атрибуция материалов из постройки 2.

Одной из главных отличительных особенностей поселения в Великих Будках является очень длительный период его существования. По сути, это единственный раннеславянский памятник в бассейне Днепра, культурный слой которого накапливался более 200 лет. На то, что в течение этого времени жизнь здесь не прерывалась, указывает целый ряд обстоятельств, среди которых и значительная насыщенность находками культурного слоя, и многочислен-

ность строительных объектов, исследованных на сравнительно небольшой площади раскопок, и относительная однородность раннесредневекового керамического набора, в котором не фиксируются никакие резкие изменения и скачки. Таким образом комплекс данного поселения предоставляет нам уникальную возможность исследовать материальную культуру колочинских племен в процессе ее непрерывного развития, без хронологических лакун.

Верхняя дата этого комплекса — рубеж VII–VIII — начало VIII вв. — в общем выходит за хронологические рамки колочинской культуры, большинство известных поселений и могильников которой прекращает свое существование где-то в пределах третьей четверти — второй половины VII в., вероятно, тогда же, когда в землю попадают «антские» клады I группы. Установлено, однако, что на некоторых колочинских памятниках жизнь продолжается и в более по-

Рис. 28. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II.

днее время. Подтверждением этому могут служить, с одной стороны, находки лепных колючинских горшков в комплексах с волынцевскими в погребениях классического могильника Лебяжье (Тихомиров 1990: 141, рис. 3: VII; 4: XV.17), и, с другой стороны, наличие некоторых колючинских элементов среди материалов волынцевской археологической общности. Очевидно, поселение в Великих Будках как раз и было одним из таких памятников, переживших события второй половины VII в. и внесших «колючинскую струю» в материальную культуру сменившего их на Днепровском левобережье населения. Что послужило причиной гибели памятника — а в том, что это была именно гибель, связанная с одномоментным явлением катастрофического характера, убеждают следы пожара на некоторых из строительных объектов и сам факт сокрытия клада — пока сказать достаточно трудно. Стоит предположить, что косвенным

ответом на этот вопрос являются находки фрагментов гончарного кувшина, который мог попасть сюда с какой-то группой степного населения. Однако что это была за группа, каковы были причины и цели ее появления и длительность пребывания в Верхнем Посулье, мы на современном уровне знаний определить не можем.

И последнее, что хотелось бы отметить в качестве заключения. Поселение Великие Будки (Хутор) — интересный, сложный, а во многих отношениях уникальный памятник раннесредневековой восточноевропейской Лесостепи. Его материалы не столько дают конкретные ответы, сколько ставят проблемы, очерчивают новые пути и направления, по которым может в дальнейшем развиваться раннеславянская археология. И мы надеемся, что публикация, предлагаемая вниманию читателей, лишь начинает длительный процесс изучения этих материалов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
МАТЕРИАЛЫ ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ I ТЫС. Н. Э. С ПОСЕЛЕНИЯ ВЕЛИКИЕ БУДКИ
(ХУТОР)

Раскоп I (рис. 2А).

Постройка 1 (рис. 2А, В). Сохранилась только часть западной стены на длину 2,3 м со столбовой ямой диаметром 0,4 м, углубленной в пол на 0,29 м. Постройка углублена в материк на 0,35 м. Заполнение черное гумусное, содержало фрагменты лепной керамики (рис. 10: 14-17), и фрагмент профилированной стенки гончарного сосуда красно-коричневого цвета (рис. 43: 13). На полу при зачистке найден язычок бронзовой пряжки, украшенный кружковым орнаментом, и железный нож (рис. 45: 1,10).

Яма 1 (рис. 2). В пределы раскопа вошла лишь ее восточная половина. Размеры около 1,6 × 1,0 м, углублена в материк на 0,6 м, дно плоское. Заполнение — темный гумусированный песок — содержало фрагменты лепной керамики (рис. 23: 4-7), кости животных.

Яма 2 (рис. 2А, В). Размеры 1,8 × 1,5 м, углублена в материк на 0,57 м, дно плоское. Заполнение черное гумусное, находок не содержало.

Яма 3 (рис. 2А, Б). Размеры 1,2 × 1,5 м, углублена в материк на 0,5 м. Заполнение темное гумусное, содержало невыразительные фрагменты лепной керамики, клык кабана (?).

Яма 4 (рис. 2А). Диаметр 1,13 м, углублена в материк на 0,4 м, дно плоское. Заполнение — черный гумусированный песок — содержало фрагменты и часть лепного сосуда (рис. 23: 1-3,10).

Яма 5 (рис. 2). Вошла в раскоп лишь своей восточной частью. Вероятный диаметр — около 1,2 м, углублена в материк на 0,5 м. Стенки сужены к плоскому дну, в котором была вырыта столбовая яма диаметром 0,2 м и глубиной 0,36 м от уровня пола. Заполнение темное гумусное, содержало невыразительные фрагменты лепной керамики и железный нож (рис. 45: 9).

Яма 6 (рис. 2А). Размеры 1,1 × 0,95 м, углублена в материк на 0,4 м. Заполнение — серо-коричневый слегка гумусированный песок — находок не содержало.

«Очажок» (рис. 2А, В) располагался на материковом песке у южного края раскопа и сохранился, вероятно, не полностью. Его размеры 0,9 × 0,7 м, форма аморфна. «Очажок» представляет собой развал плоских песчаниковых камней, лежащих на тонком слое слегка обожженной глины. Камни пережжены и растрескались. При их расчистке найдены ошлакованные стенки лепных сосудов и фрагменты дисков (рис. 23: 8,9).

Из культурного слоя раскопа I происходят обломки лепных сосудов (рис. 10: 1-13; 40-42), кроме того, в нижней его части найден фрагмент стенки серого гончарного черняховского сосуда и фрагмент стенки красноглиняной амфоры, а в верхней — каплевидная железная подвеска (рис. 45: 15), по-видимому, язычок от колокольчика.

Раскоп II (рис. 3).

Постройка 2 (рис. 5) имела подпрямоугольную в плане форму со скругленными углами, размеры 5,46 × 4,70 м, углублена в материк на 0,20-0,25 м. Пол песчаный. Ориентирована стенами по сторонам света. Северная, западная и южная стенки постройки нарушены ямами 18, 19А, 19Б, 20А. В центральной ее части зафиксирована столбовая яма диаметром 0,36 м, углубленная в пол на 0,35 м, к востоку от которой на полу постройки прослежено пятно прокаленного песка красного цвета с сажистыми включениями. Размеры пятна 1,6 × 1,0 м. Котлован постройки заполнен темно-серым гумусированным песком, из которого происходят обломки лепной керамики (рис. 11: 1-8, 10, 11, 13, 15, 16), фрагмент венчика серой гончарной черняховской миски (рис. 43: 16), кости животных, а также биконическое глиняное пряслице (рис. 44: 16).

В верхней части заполнения постройки 2 кроме фрагментов лепных сосудов (рис. 12; 13: 2-5, 7, 8, 11, 13-17; 25: 4) найдены фрагменты ручки и стенок гончарного светло-коричневого красноангобированного кувшина (рис. 43: 10), дно се-

рого гончарного черняховского сосуда (рис. 43: 17), 2 глиняных пряслица (рис. 44: 5, 17), иризированной многогранная бусина черного глухого (непрозрачного) стекла (рис. 45: 3), фрагменты металлических шлаков и обломок точильного камня. Над котлованом постройки 2 было сделано и основное количество находок опоки. Здесь же, на глубине 0,67 м от уровня современной поверхности в нижней части слоя плотного черного сильногумусированного песка был обнаружен клад серебряных, бронзовых и оловянисто-свинцовых изделий, близкий к группе так называемых «антских» кладов.

Постройка 3 (рис. 5) имела подпрямоугольную в плане форму, размеры 5,00 × 4,65 м, углублена в материк на 0,35-0,15 м, ориентирована углами по сторонам света с небольшим отклонением, вытянута с северо-востока на юго-запад. Пол постройки неровный, имел падение к восточной стене и довольно круто поднимался к юго-западному углу. Северо-западный угол и часть северной стенки нарушены перекопом, характер которого установить трудно. У север-

ной стены прослежены две столбовые ямы диаметром 0,32 м и 0,46 м и углубленные в пол постройки соответственно на 0,30 и 0,55 м. Возможно, эти ямы связаны не с конструкцией описываемой полуземлянки, а с отмеченным выше перекопом. Заполнение постройки — интенсивно черный сажистый песок — содержало значительное количество фрагментов лепной керамики (рис. 14-16), семь пряслиц (рис. 44: 3,12), обломок точильного камня.

В скоплении над постройкой 3 наряду с лепной керамикой (рис. 17-19; 25: 1,3) найден обломок стенки красноглиняной амфоры с рифлением на внешней поверхности (рис. 43: 15) и несколько биконических пряслиц (рис. 44: 1,2,18,19).

Постройка 4 (рис. 6) имела подпрямоугольную в плане форму, размеры 4,00 × 4,57 м, углублена в материк на 0,3 м, ориентирована стенами по сторонам света. Юго-восточный угол

нарушен ямами, контуры которых выяснить не удалось, в материке они прослежены также на глубину 0,3 м. В середине восточной стены зафиксирована яма, выходящая за пределы котлована постройки. Она округлой в плане формы, диаметром 1,3 м, углублена в материк на 0,49 м. У западной стены сооружения была вырыта яма округло-вытянутой в плане формы, размерами 0,9 × 0,7 м, углубленная в пол на 0,18 м. В центральной части постройки выявлена столбовая яма диаметром 0,4 м, углубленная в пол на 0,55 м. Заполнение котлована полуземлянки — темный гумусированный песок в верхней части и серый слабогумусированный песок у дна — содержало фрагменты лепной керамики (рис. 20: 1,2,4-6,8,11,12,15-20). В заполнении ямы у восточной стены постройки найдено глиняное биконическое пряслице (рис. 44: 7).

Из верхней части заполнения постройки 4 кроме фрагментов лепных сосудов (рис. 20:

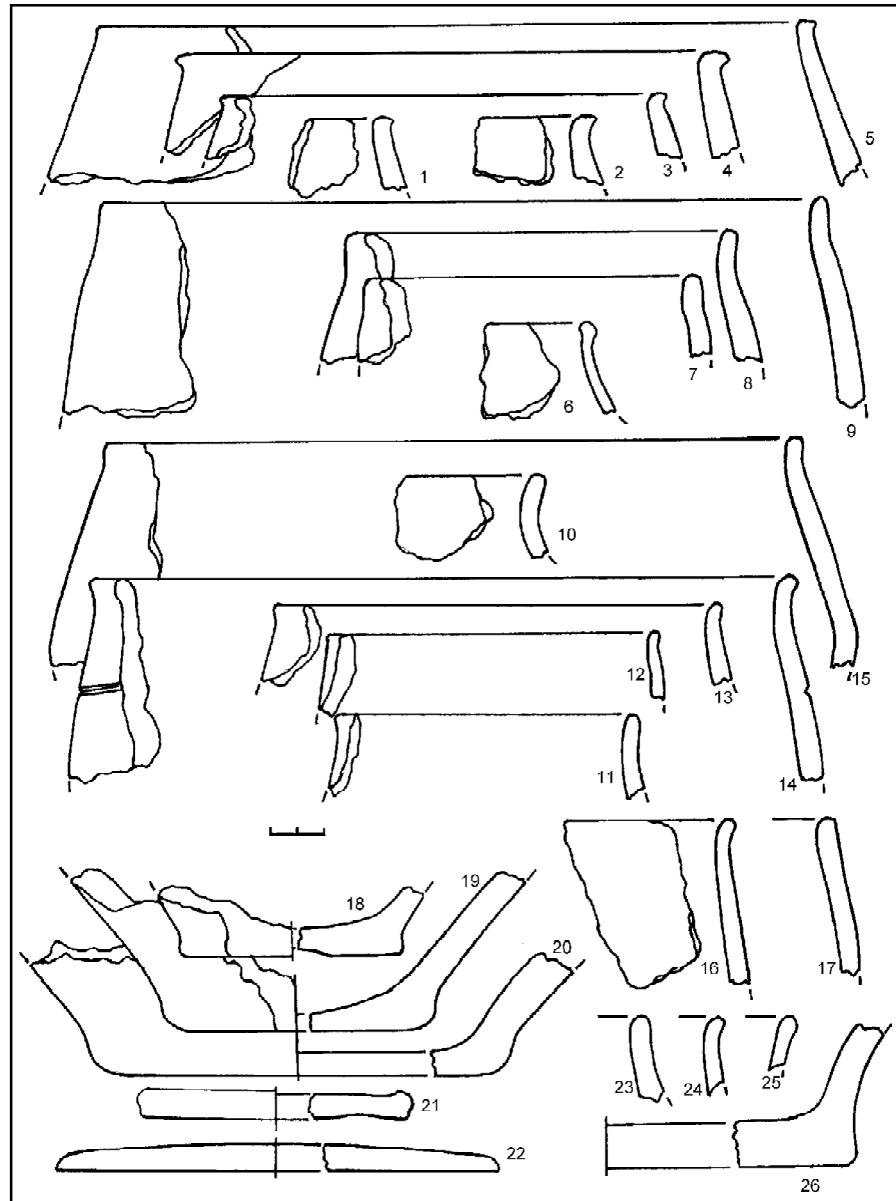

Рис. 29. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II. 10 — чернолощная.

3,7,9,10,13,14; 21: 1-6) происходят два глиняных биконических пряслица (рис. 44: 4,11).

Постройка 5 (рис. 6) имела подпрямоугольную в плане форму, размеры 5,6 × 5,8 м, углублена в материковый песок (в западной части) и в серо-коричневый предматериковый слой (в восточной части) на 0,25-0,40 м, ориентирована углами по сторонам света с небольшим отклонением. Северо-западная часть постройки была полностью выкопана в культурном слое, и ее стену здесь проследить не удалось. В середине юго-западной стены зафиксирована яма округлой в плане формы диаметром 1,2 м, углубленная в пол на 0,25 м, перед которой на полу сооружения прослеживалось пятно прокаленного грунта с сажистыми включениями. Размеры пятна 1,4 × 1,0 м. К южному углу и юго-восточной стене примыкали ямы округлой в плане формы, диаметром 1,4 и 1,6 м, углубленные в материк на 0,58 и 0,53 м соответственно и со-

единенные с внутренним пространством постройки. В юго-восточной ее части выявлена яма округлой в плане формы диаметром 1,1 м, углубленная в пол на 0,18 м. Заполнение котлована полуземлянки темное гумусное, содержало значительное количество кусков обмазки, в том числе обожженных, и сильно фрагментированную лепную керамику (рис. 22: 2,11-13), кости животных, куски опои, а также пряслице. В заполнении ямы, примыкающей к юго-восточной стенке сооружения, находились кости животных и куски глиняной обмазки со следами деревянных конструкций.

В верхней части заполнения постройки 5 было зафиксировано значительное скопление обожженной обмазки, а над ямой в середине ее юго-западной стены — скопление лепной керамики, которое, возможно, имело с данной ямой какую-то конструктивную связь.

Постройка 6 (рис. 7) имела подпрямоуголь-

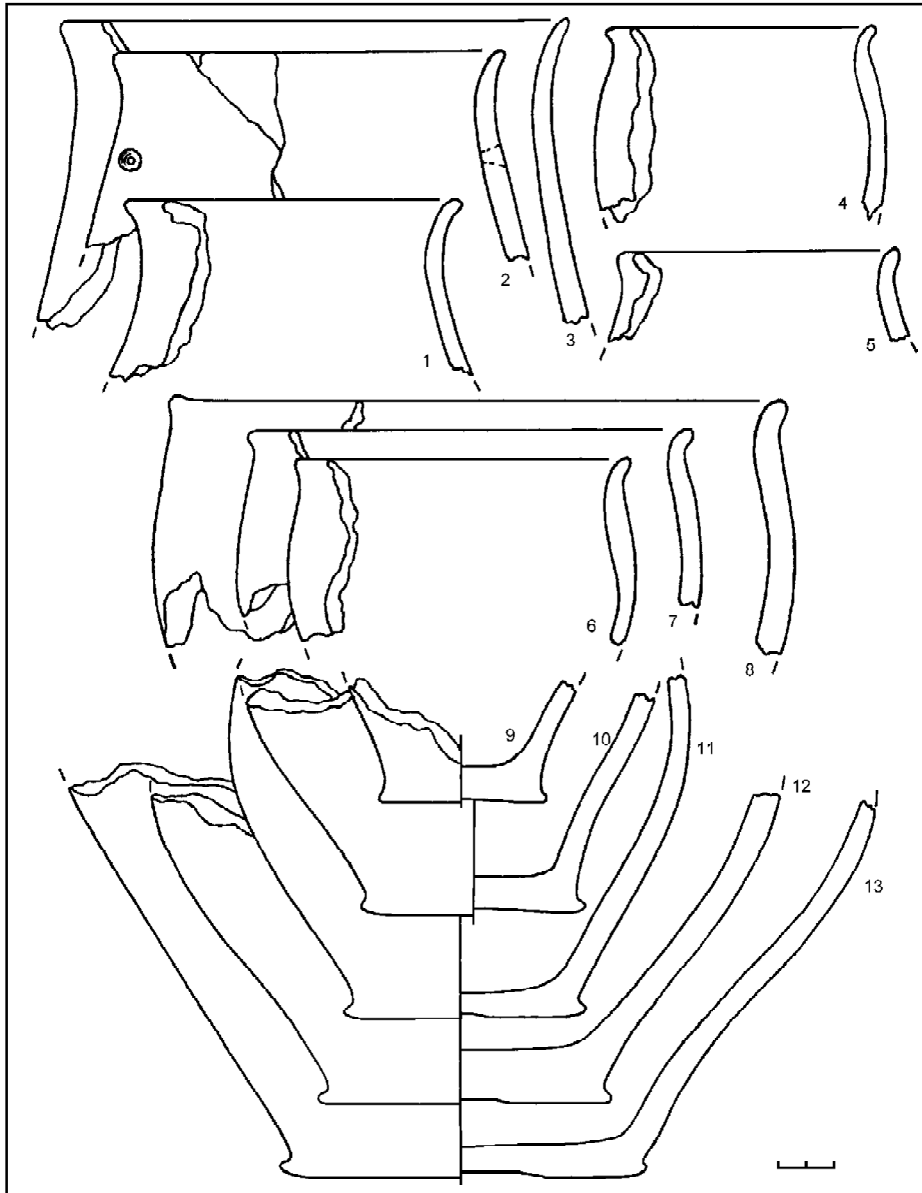

Рис. 30. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II.

ную в плане форму, размеры 4,6 × 4,8 м, углублена в материковый песок (в западной части) и в серо-коричневый предматериковый слой (в восточной и южной части) на 0,2-0,4 м, ориентирована углами по сторонам света с отклонением на 45°. В юго-западном углу, у середины западной стены и в центре постройки прослежены столбовые ямы диаметром соответственно 0,35, 0,35 и 0,45 м и глубиной 0,50, 0,25 и 0,65 м от уровня пола. К югу от центральной столбовой ямы на полу зафиксировано пятно слегка прокаленного песчаного грунта с сажистыми включениями. В 0,4 м к востоку от этой же ямы лежал крупный камень размерами 0,45 × 0,36 м. Снаружи к западной стене сооружения примыкала хозяйственная яма округло-вытянутой в плане формы размерами 1,0 × 1,3 м, углубленная в материк на 0,5 м. Основная масса находок из описываемой постройки связана с верхней сильногумусированной частью запол-

нения котлована и принадлежит фрагментам лепной керамики (рис. 22: 1,3-10,14,15), кускам обмазки и костям животных. В заполнении найден также фрагмент оселка (рис. 46: 4), несколько обломков каменных жерновов, фрагмент железного ножа (рис. 45: 14) и 2 глиняных биконических пряслица (рис. 44: 9,10). В заполнении ямы, примыкающей к постройке, встречена лепная керамика (рис. 24: 13-15) и обломок каменного жернова.

Яма 7. Диаметр 1,27 м, углублена в материк на 0,22-0,30 м. Заполнение — темный гумусный песок — содержало невыразительные обломки лепной керамики.

Яма 8. Диаметр 1,1 м, углублена в материк на 0,32-0,34 м. Заполнение аналогично яме 7.

Яма 9. Размеры 1,2 × 1,2 м. Поздняя по происхождению, вероятно, связана с посадками деревьев на дюне.

Яма 10. Размеры 1,10 × 1,27 м, углублена в

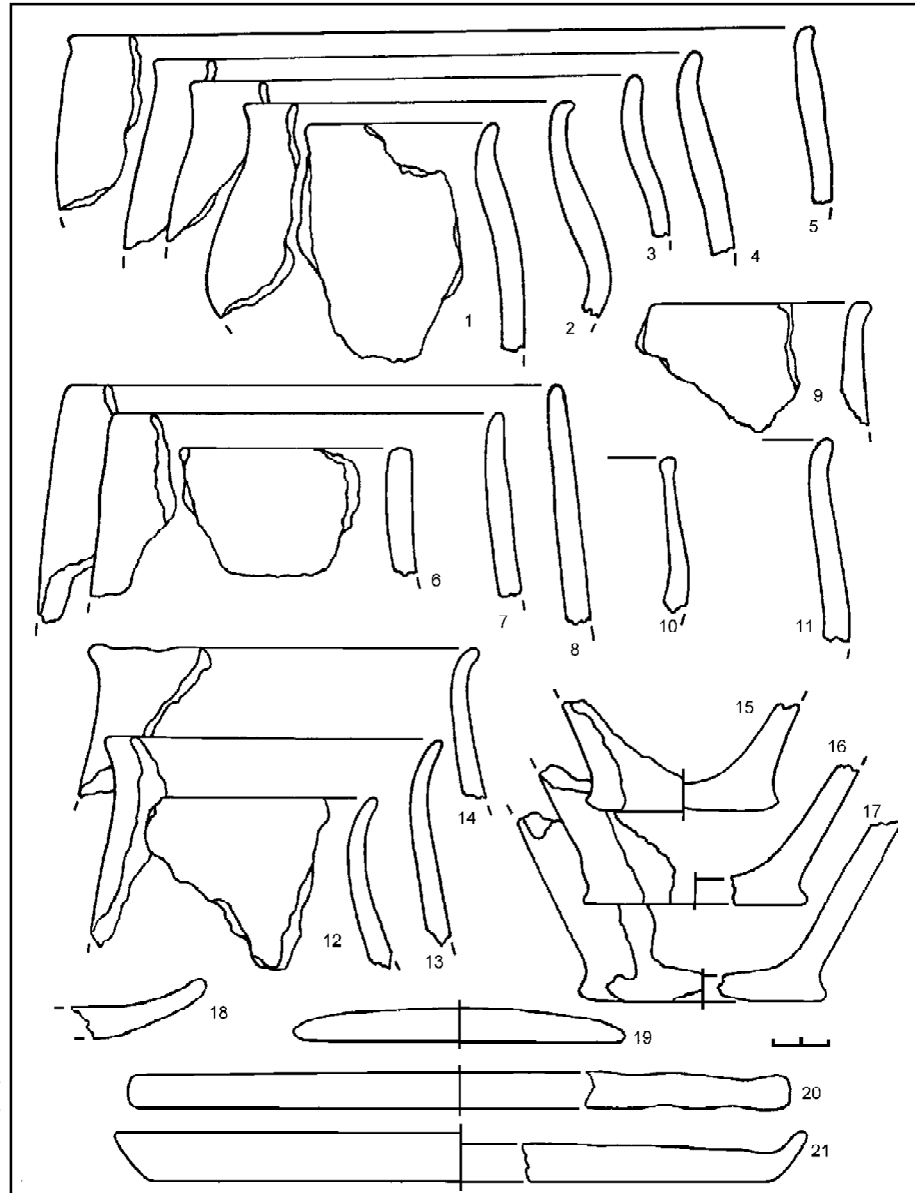
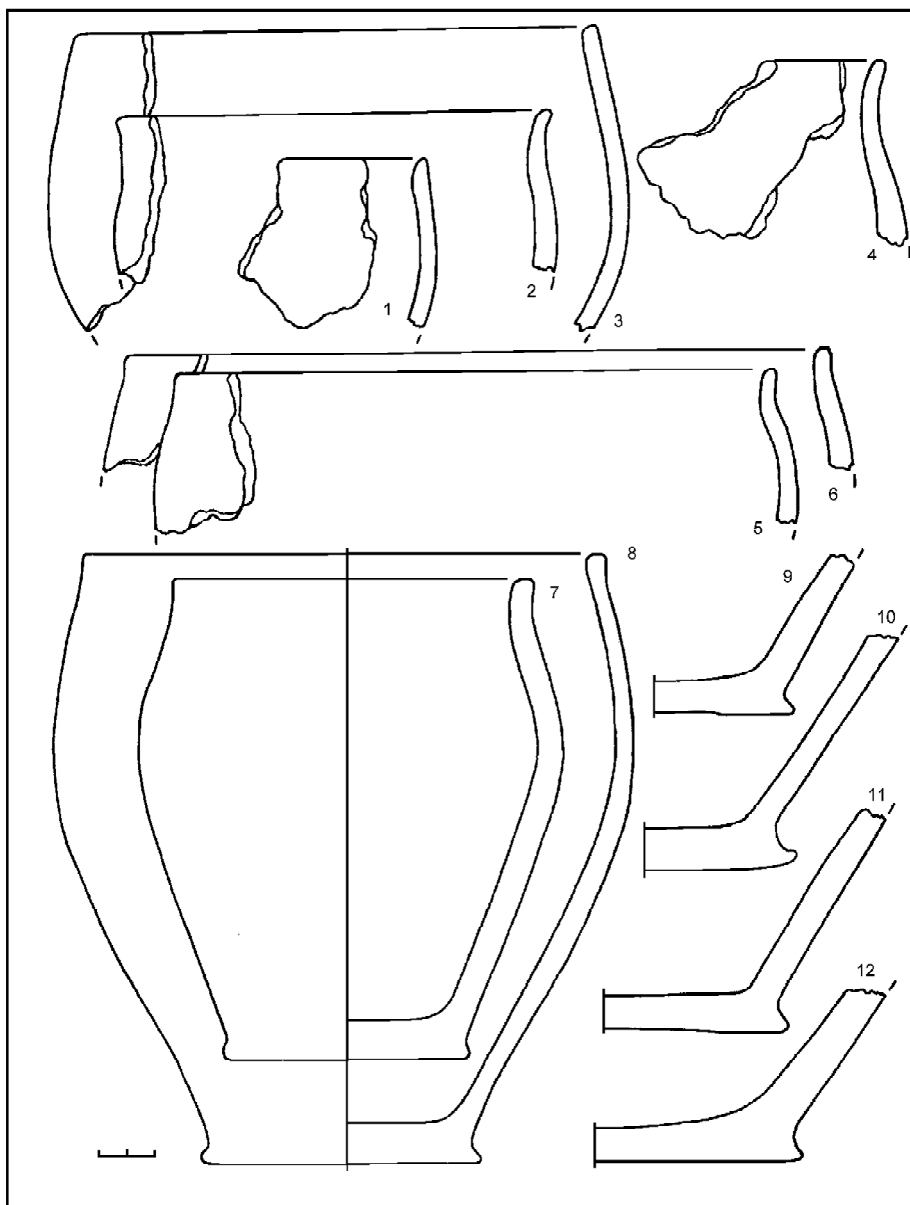

Рис. 31. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II.

Рис. 32. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II.

материк на 0,77-0,81 м, дно вогнутое. Заполнение — серый слегка гумусированный песок — содержало невыразительные фрагменты лепной керамики.

Яма 11. Размеры 1,2 × 1,0 м, углублена в материк на 0,4 м. Заполнение интенсивно гумусированное, содержало невыразительные фрагменты лепной керамики.

Яма 12. Размеры 1,4 × 0,92 м, углублена в материк на 0,38 м. Заполнение аналогично яме 11.

Яма 13А. Размеры 1,7 × 1,2 м, углублена в материк на 0,33 м. Заполнение — черный гумусированный песок — содержало 2 фрагмента стенок серого гончарного черняховского сосуда и 2 фрагмента глиняных биконических пряслиц (рис. 44: 21,23).

Яма 13Б. Диаметр 1,2 м, углублена в материк на 0,47 м. Заполнение — черный гумусированный песок — находок не содержало.

Ямы 13А и 13Б перекрывают друг друга.

Яма 14. Размеры 1,1 × 1,6 м, углублена в материк на 0,15-0,19 м, дно немного вогнуто. Заполнение — серо-коричневый песок — содержало кости животных.

Яма 15. Диаметр 1 м, углублена в материк на 0,3 м. Заполнение — серо-коричневый песок — находок не содержало.

Яма 16. Диаметр 1,2 м, углублена в материк на 0,38 м. Заполнение — темный гумусированный песок — находок не содержало.

Яма 17. Размеры 1,3 × 1,9 м, углублена в материк на 0,3-0,4 м. Заполнение — бурый железистый песок — содержало кусок обмазки и фрагмент стенки лепного подлощенного сосуда (рис. 11: 9). Яма вплотную примыкает к северной стене постройки 2.

Яма 18. Диаметр 1,22 м, углублена в материк на 0,40-0,42 м. Заполнение черное гумусовое, находок не содержало. Яма нарушает северную стену постройки 2.

Яма 19А. Диаметр 2 м, углублена в материк на 0,35 м. Заполнение черное сажистое, содержало фрагменты лепной керамики (рис. 11: 12, 14, 17), шлаки, обломок точильного камня.

Яма 19Б. Диаметр 1,15 м, углублена в пол постройки 2 на 0,08 м. Заполнение черное сажистое, находок не содержало.

Ямы 19А и 19Б перекрывают друг друга и нарушают южную стену постройки 2.

Яма 20А. Диаметр 1,35 м, углублена в материк на 0,6 м. Заполнение черное сажистое сильногумусированное, содержало отдельные невыразительные фрагменты лепной керамики и кусок шлака. Яма нарушает западную стену постройки 2 и частично перекрывает яму 20Б, открытую в полу постройки 2.

Яма 20Б. Диаметр 0,9 м, углублена в пол постройки 2 на 0,12-0,17 м. Заполнение — серый слабогумусированный песок — находок не содержало.

Яма 21. Размеры 1,10 × 1,35 м, углублена в материк на 0,25-0,34 м. Заполнение серо-коричневое, находок не содержало.

Яма 23. Диаметр 1,2 м, углублена в материк на 0,2 м. Заполнение черное гумусное, содержало отдельные фрагменты лепной керамики (рис. 24: 4) и кости животных.

Яма 24. Размеры 1,35 × 1,2 м, углублена в материк на 0,25 м. Заполнение черное гумусное, содержало невыразительные фрагменты лепной керамики и кости животных.

Яма 25. Диаметр 1,35 м, углублена в материк на 0,6 м. Заполнение — серый песок — содержало мелкие невыразительные фрагменты лепной керамики.

Яма 27. Диаметр 1,4 м, углублена в материк на 0,75 м. Заполнение — темно-серый песок — находок не содержало.

Ямы 23-27 расположены в одну линию, с северо-запада на юго-восток.

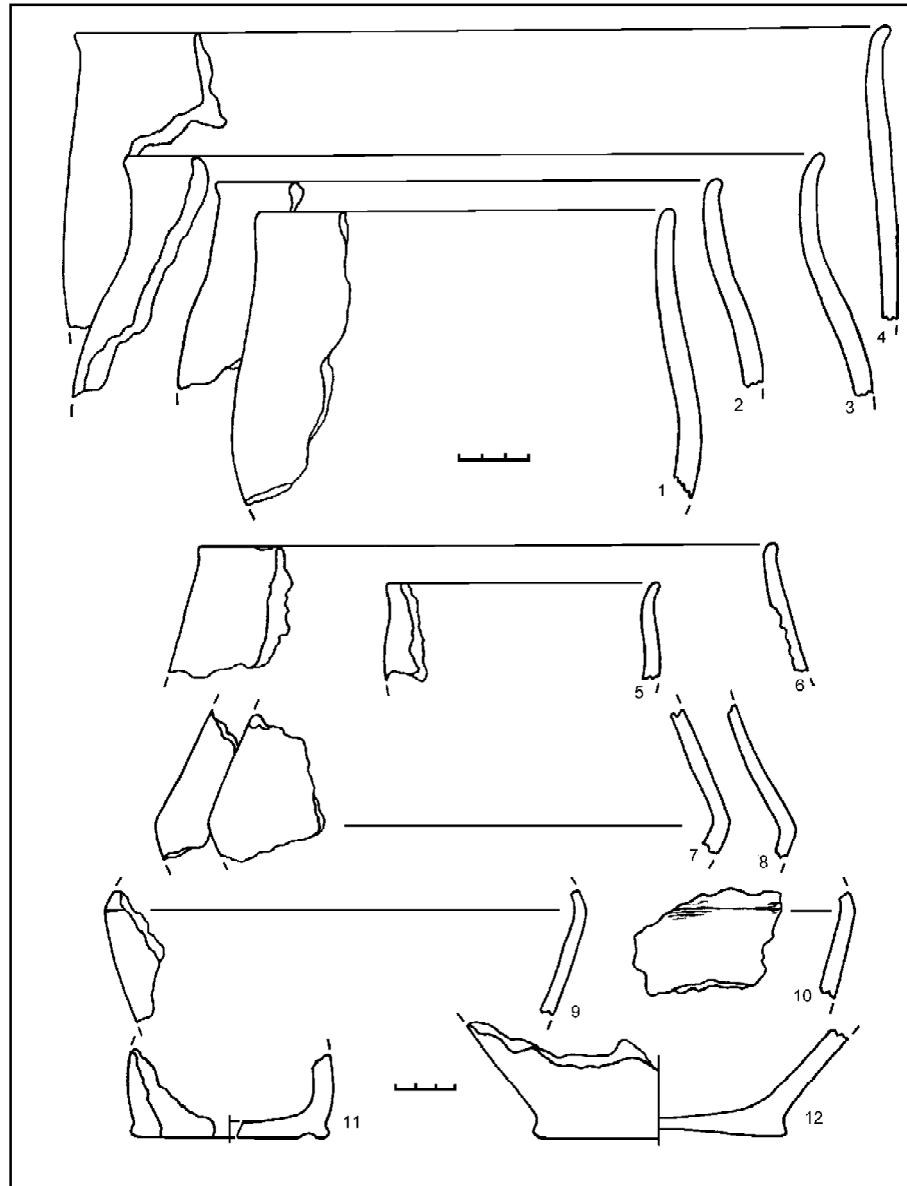

Рис. 33. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскопа II.

Яма 28. Диаметр 1,35 м, углублена в материк на 0,5 м. Заполнение — черный интенсивно гумусированный песок — содержало невыразительные фрагменты лепной керамики.

Яма 29. Диаметр 1,3 м, углублена в материк на 0,2 м. Заполнение — черный песок — находок не содержало.

Яма 30. Диаметр 1,15 м, углублена в материк на 0,35 м. Заполнение — темно-серый гумусированный песок — содержало отдельные фрагменты лепной керамики (рис. 24: 20).

Яма 31. Была выкопана в заполнении, вероятно, более ранней постройки 7. Прослежена только в своей нижней части. Размеры 1,24 × 1,4 м, углублена в пол постройки 7 на 0,3 м. Заполнение — черный интенсивно гумусированный песок — содержало фрагменты лепных сосудов (рис. 24: 22,25,26).

Яма 32А. Размеры 2,4 × 1,88 м, углублена в материк на 0,3 м.

Яма 32Б. Диаметр 1,4 м, углублена в материк на 0,45 м.

Ямы 32А и 32Б перекрывают друг друга. Их заполнение идентично — черный песок, не содержащий находок.

Яма 33. Размеры 1,6 × 1,4 м, углублена в материк на 0,45 м. Заполнение аналогично ямам 32А и 32Б.

Яма 34. Размеры 1,7 × 1,85 м, углублена в материк на 0,68 м. Заполнение — черный песок — содержало фрагменты лепной керамики (рис. 24: 9-11).

Яма 35. Диаметр 1,6 м, углублена в материк на 0,4 м. Заполнение — черный песок — содержало отдельные фрагменты лепных сосудов (рис. 24: 24).

Яма 36. Диаметр по верхнему краю 2,4 м, у дна — 1,4 м, углублена в материк на 0,9 м, дно плоское. Заполнение содержало невыразительные фрагменты лепной керамики, кости животных, кусок кричного железа.

Яма 37. Вошла в раскоп лишь своим северным краем. Размеры неясны. Углублена в материк на 0,2 м. Заполнение — черный песок —

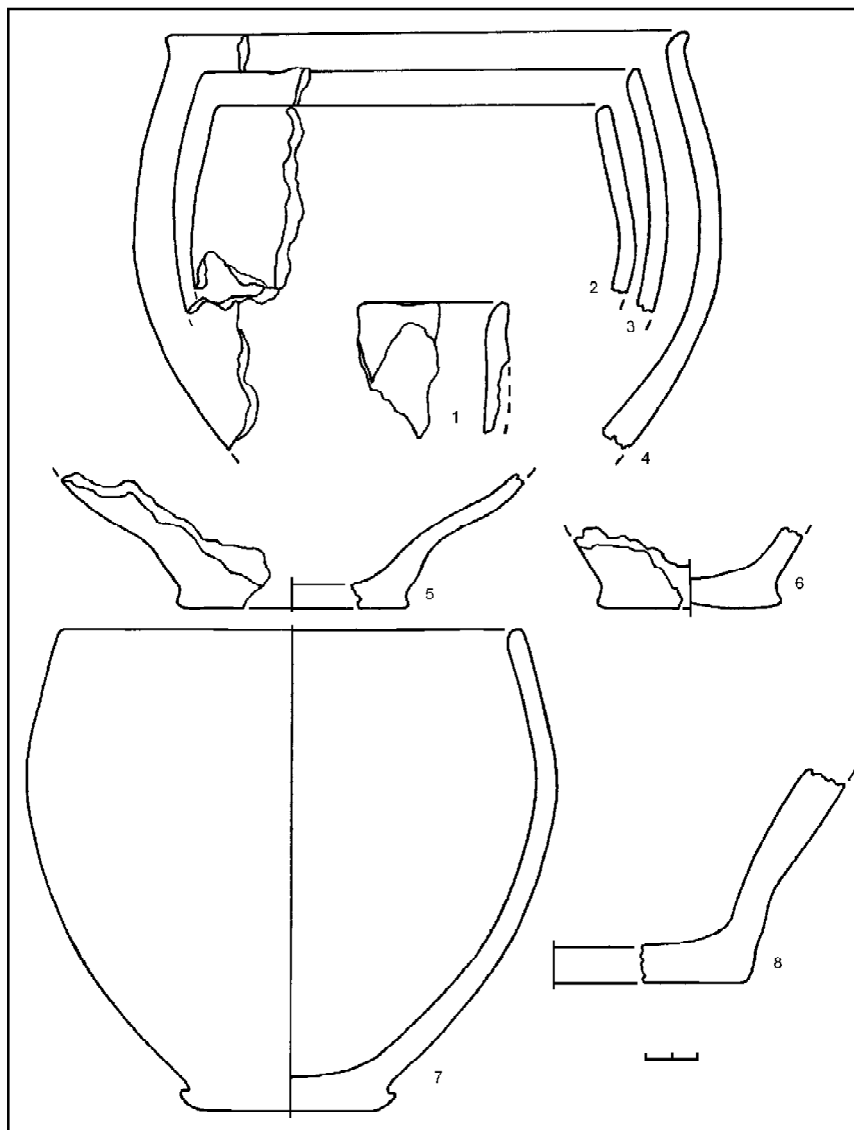
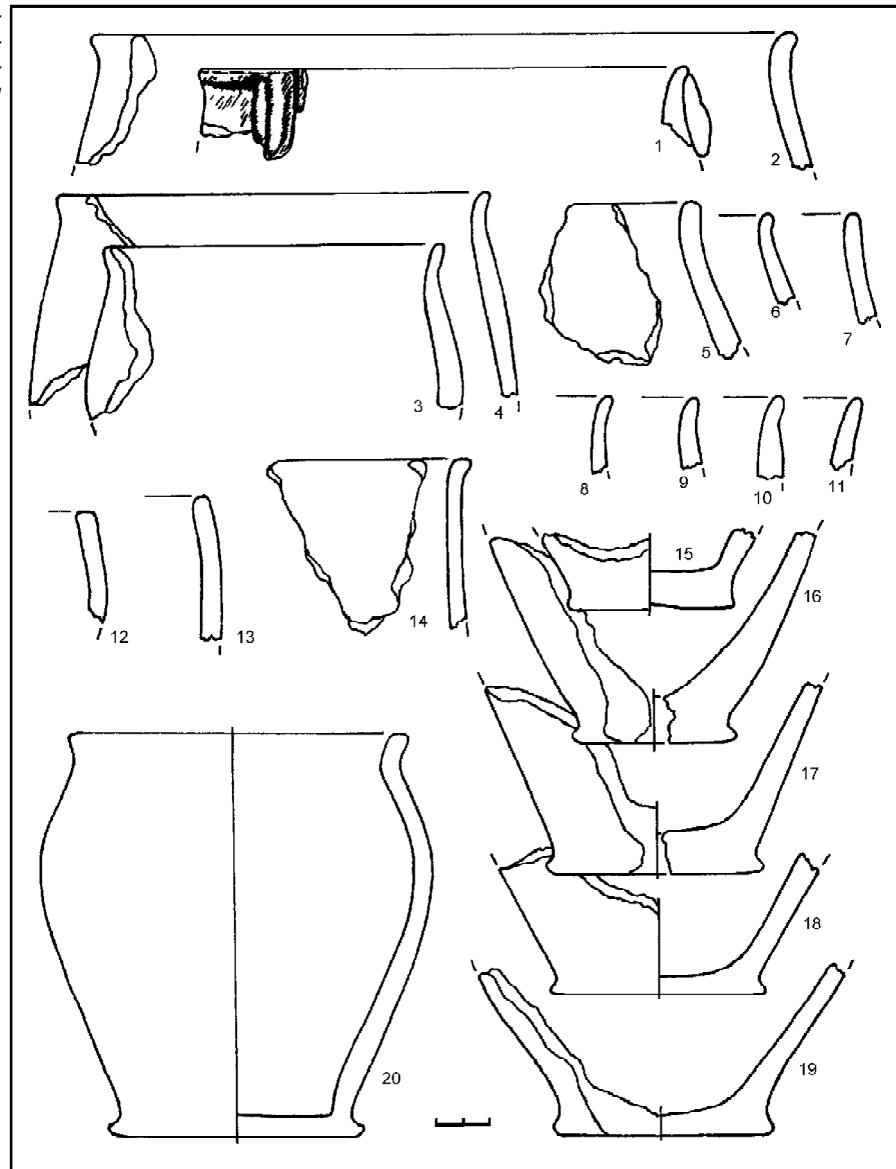

Рис. 34. Скопление лепной керамики из нижней части культурного слоя в северо-западной части раскопа II.

Рис. 35. Лепная керамика из верхней части культурного слоя раскопа II.

находок не содержало.

В культурном слое раскопа II наряду с обломками груболепных сосудов (рис. 21: 7-9; 24: 1-3, 5, 6, 16-19, 21, 23, 27; 25: 2, 5-16; 26-39) найдены немногочисленные фрагменты гончарной керамики. Это часть венчика гончарного сосуда (рис. 43: 12), фрагмент стенки ребристого гончарного сосуда с лощением по внешней поверхности (рис. 43: 14), фрагмент стенки гончарного черняховского сосуда, обломки венчика и стенки гончарного светло-коричневого кувшина, внешняя и внутренняя поверхности которого были покрыты красным ангобом (рис. 43: 9), дно гончарного сосуда (рис. 43: 11) и три фрагмента стенок красноглиняных амфор. Все перечисленные находки зафиксированы в верхней части культурного слоя раскопа.

Кроме лепной и гончарной керамики в коллекцию памятника входят фрагменты глиняной обожженной обмазки, обломки точильных камней и жерновов, а также находки, связанные с кузнечным или ювелирным ремеслом: различные шлаки, обломки стенок тиглей (рис. 43: 19), куски мягкой и жаростойкой породы — опоки. К индивидуальным находкам из культурного слоя следует причислить обломок бронзового поясного наконечника (рис. 45: 2), железные ножи, шилья, фрагменты других железных изделий (рис. 45: 4, 6-8, 11-13, 16) и глиняные пряслица — биконические и уплощенные (рис. 44: 8, 13, 20, 22, 24, 25). В культурном слое раскопа II найдено также несколько бляшек из оловянисто-свинцового сплава, аналогичных бляшкам в составе клада.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
МАТЕРИАЛЫ РАННЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ С ПОСЕЛЕНИЯ ВЕЛИКИЕ БУДКИ
(ХУТОР)

Находки, о которых пойдет речь в данной части статьи, относительно немногочисленны, однако они настолько четко выделяются на фоне остальных материалов, что позволяют поставить вопрос о существовании в культурном слое памятника горизонта раннеримского времени. К этому времени мы относим одну постройку и две ямы.

Постройка 7 (рис. 7) имела подпрямоугольную в плане форму, размеры 5,4 × 5,6 м, углублена в материк на 0,1-0,2 м, ориентирована стенами по сторонам света. В юго-западном и юго-восточном углах прослежены столбовые ямы диаметром 0,4 м, углубленные в пол на 0,1-0,2 м.

Юго-восточный угол нарушен ямой 31, которая относится к более позднему, чем сама постройка, времени, так как заполнена черным интенсивно гумусированным песком, содержащим фрагменты груболепной керамики третьей четверти I тыс. н. э. Вдоль северной стены сооружения, вне его углубленной части, зафиксирован ряд из трех столбовых ям диаметром 0,45 м, углубленных в материк на 0,30-0,35 м. Котлован полуземлянки заполнен серо-коричневым слабогумусированным песком, при разборке которого на полу был найден орнаментированный грузик усеченно-конической формы с вогнутым основанием (рис. 44: 14).

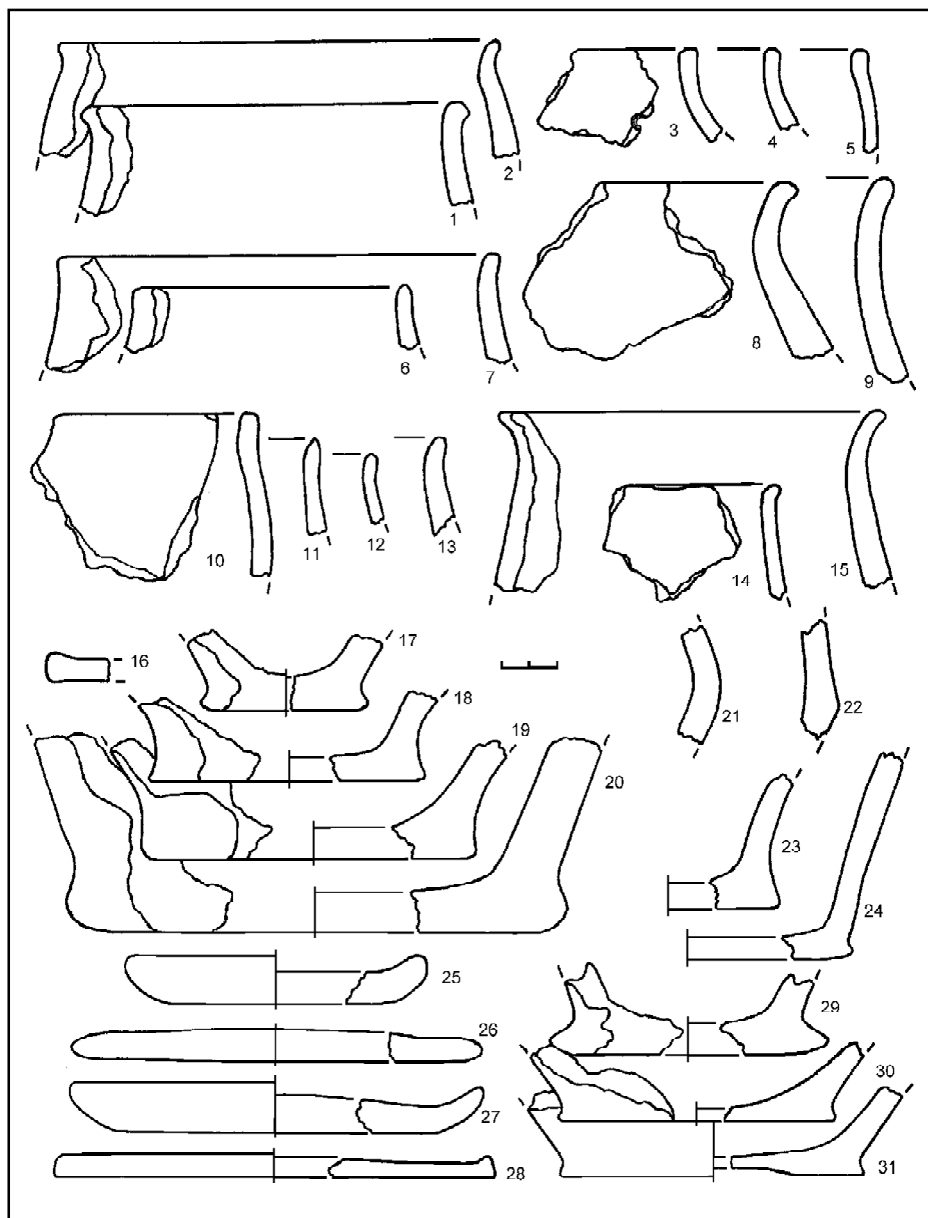

Рис. 36. Лепная керамика из верхней части культурного слоя раскопа II.

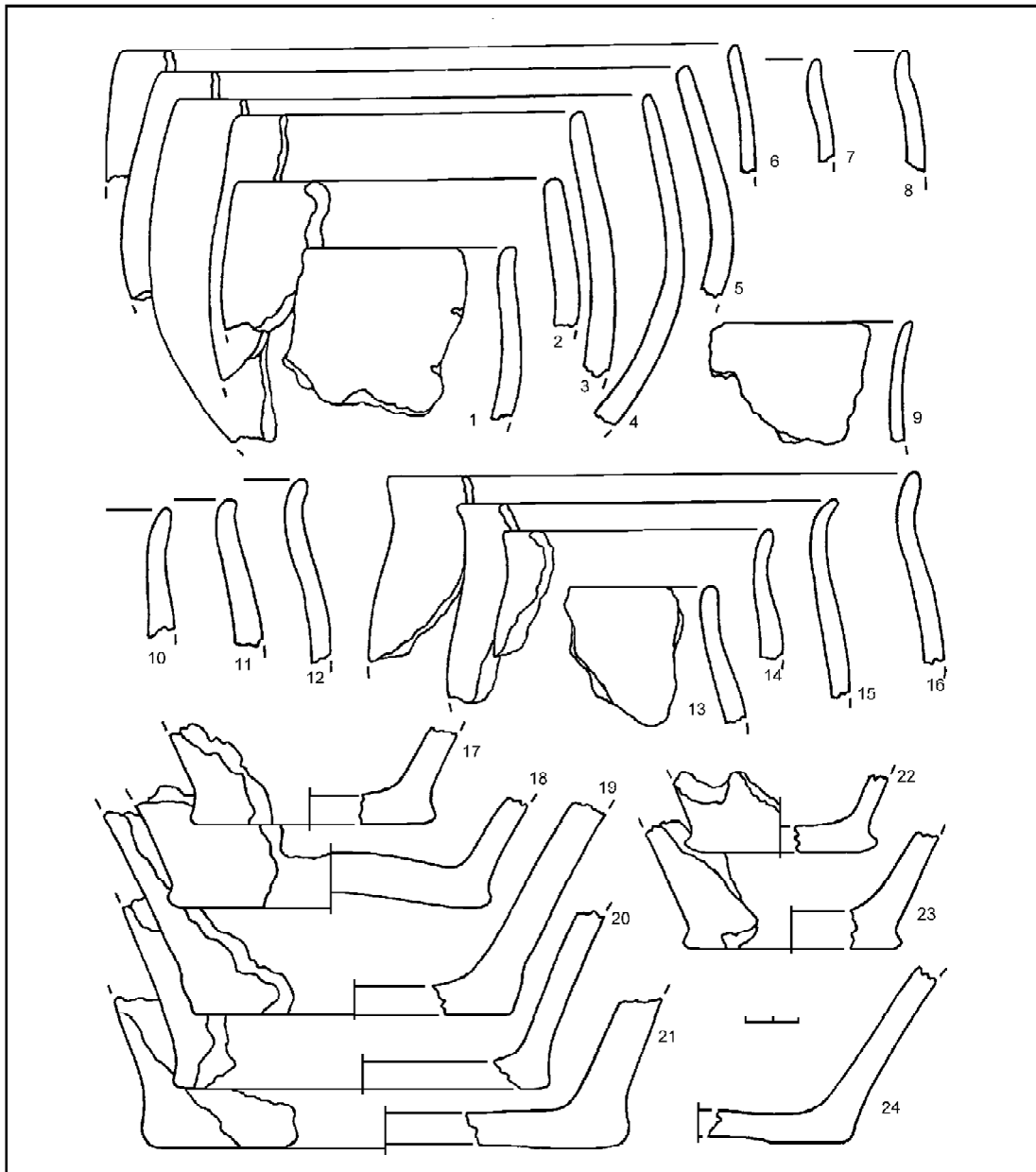

Рис. 37. Лепная керамика из верхней части культурного слоя раскопа II.

Основная часть находок, связанных с раннеримским временем, концентрируется, во-первых, в нижней части культурного слоя, как правило, в светлом предматериковом песке, и, во-вторых, в северной части раскопа II, в частности, непосредственно над котлованом постройки 7 (рис. 8; 9). Это и дает нам основания соотносить данную постройку с наиболее ранним строительным горизонтом поселения Великие Будки. Отдельные фрагменты керамики позднезарубинецкого облика встречены в культурном слое в центральной и южной частях раскопа II и даже в раскопе I, но это, вероятно, следует объяснять стратиграфическими нарушениями, связанными с жизнью на поселении в более позднее время.

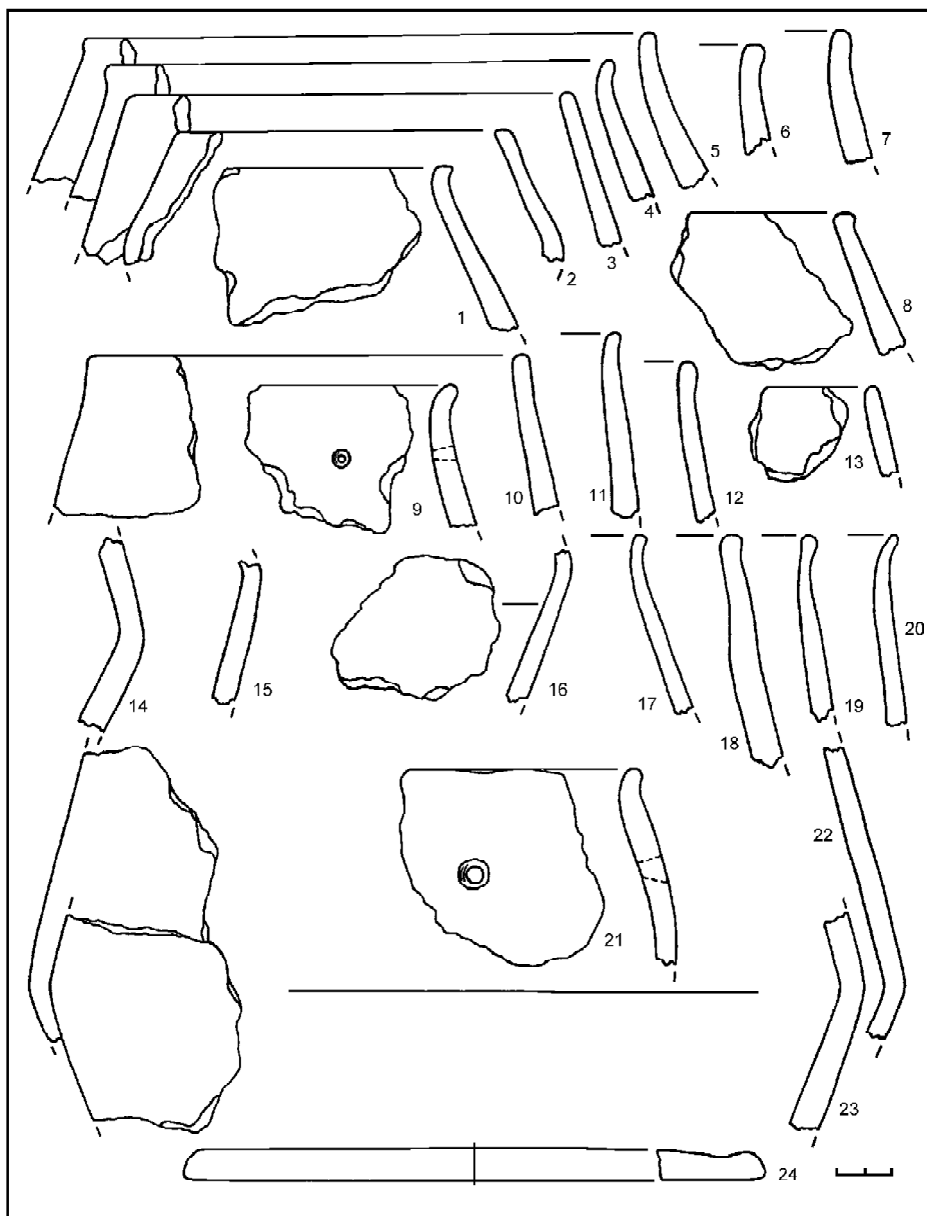
Яма 22. Диаметр 1,12 м, углублена в мате-

рик на 0,4 м. Заполнение черное гумусное, содержало мелкие фрагменты лепной, в том числе штрихованной, керамики (рис. 24: 8).

Яма 26. Диаметр 1,35 м, углублена в мате-рик на 0,65 м. Заполнение — темно-серый песок — содержало фрагменты лепных, в т.ч. чернолощенных сосудов (рис. 24: 7,12).

Большую часть материалов рассматриваемой группы составляют фрагменты лепных сосудов темно-серого, черного или коричневого цветов, изготовленных, как правило, из плотного теста с примесью шамота, песка или органики. Поверхность некоторых обломков покрыта расчесами или слабой штриховкой (рис. 27: 4; 39: 14), есть чернолощенная керамика (рис. 13: 7; 24: 7; 29: 10; 43: 7,8). Большинство фрагментов венчиков в этой группе орнаментированы

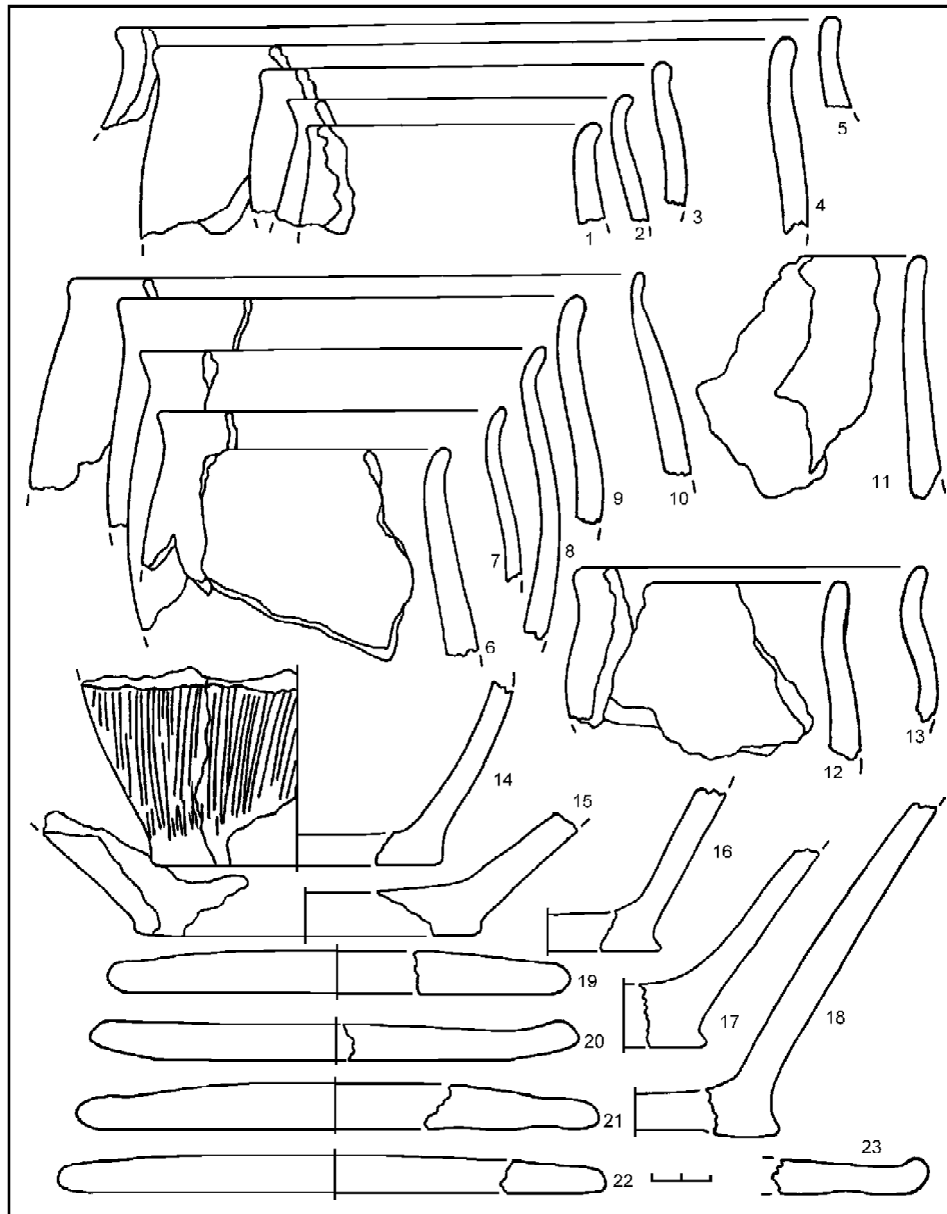
Рис. 38. Лепная керамика из верхней части культурного слоя раскопа II. 10, 16 — с ангобом.

крупными или мелкими насечками и нарезками (рис. 43: 1,2,4-6). Такая керамика находит массовые аналогии среди посуды позднезарубинецких поселений и могильников. Однако, принимая во внимание некоторые особенности форм, способов обработки поверхности и ornamentации сосудов, а также местоположение самого поселения Великие Будки, следует, очевидно, рассматривать его наиболее ранний керамический комплекс в одном ряду с материалами позднезарубинецких памятников типа Картамышево-2 — Терновки-2. В частности, сосуды со слабопрофилированной верхней частью, расчесами и штриховкой по тулову, с почти вертикальными или слабо отогнутыми венчиками, украшенными нарезками и насечками, весьма многочисленны на поселениях Картамышево-2, Бобрава-3, Гочево-1, а также среди материалов

поселений Солдатское-5 в Сумской обл. и в ур. Озеро (Перемирки) в Полтавской обл., наиболее близких Великим Будкам в территориальном отношении. Особенно характерны для памятников типа Картамышево-2 лепные чернолощенные миски, украшенные гравированными линиями, образующими различные композиции (рис. 43: 8). Плоские пряслица, выточенные из стенок сосудов, аналогичные великобудковским (рис. 44: 15,16), также являются обычной находкой на позднезарубинецких поселениях Восточного Посеймья (Тихомиров, Терпиловский 1990: рис. 6: 2,4; 7; 8: 4-6; Терпиловский 1989: 54, рис. 1: 3-7,10; Терпиловский 1997: рис. 1: 1-3,11-14; Обломский, Терпиловский 1991: 65-69, рис. 14: 4; 15: 3-5; 16: 3,6; Обломский 1991: 37-40, 53, рис. 10: 1-6; 11: 1,2,4,5; 16: 1,2). Время существования памятников этого круга, устанавлива-

Рис. 39. Лепная керамика из верхней части культурного слоя раскопа II. 14 — с расчесами.

емое на основании анализа их керамических комплексов и датирующих находок — II — начало III вв. н. э. (Обломский, Терпиловский 1991: 71-74; Обломский 1993: 48). В то же время рассматриваемый материал из Великих Будков встречает определенные аналогии на поселении Попово-Лежачи-4, которое исследователи относят к ранней фазе киевской культуры (Обломский, Терпиловский 1998: 76-84, рис. 4: 1; 5; 4,6-9,10,11,14,15; 6: 3,4; 7: 23-28; 8: 17-19,23). Вообще, как уже отмечалось в литературе, позднезарубинецкие памятники в Восточном Посеймье смыкаются в культурном и хронологическом отношении с раннекиевскими (Обломский, Терпиловский 1991: 74; Обломский 1993: 48). Исходя из этого, а также из того, что находки раннеримского времени на поселении Великие Будки весьма немногочисленны, вероятно,

следует пока остановиться на их относительно широкой этнокультурной атрибуции и соотносить данный комплекс с древностями позднезарубинецкого и раннекиевского времени на востоке Днепровского Левобережья.

При анализе неколочинских материалов поселения обращают на себя особое внимание глиняный грузик из постройки 7, фрагмент глиняного диска-поделки из верхней части и обломок железной посоховидной булавки — из нижней части культурного слоя раскопа II.

Грузик усеченно-конической формы с вогнутым нижним основанием, которое орнаментировано шестью округлыми вдавлениями вокруг отверстия, вылеплен из комковатой глины, имеет грубую неровную поверхность (рис. 44: 14). Близкие по форме изделия иногда встречаются на позднезарубинецких памятниках бассейна

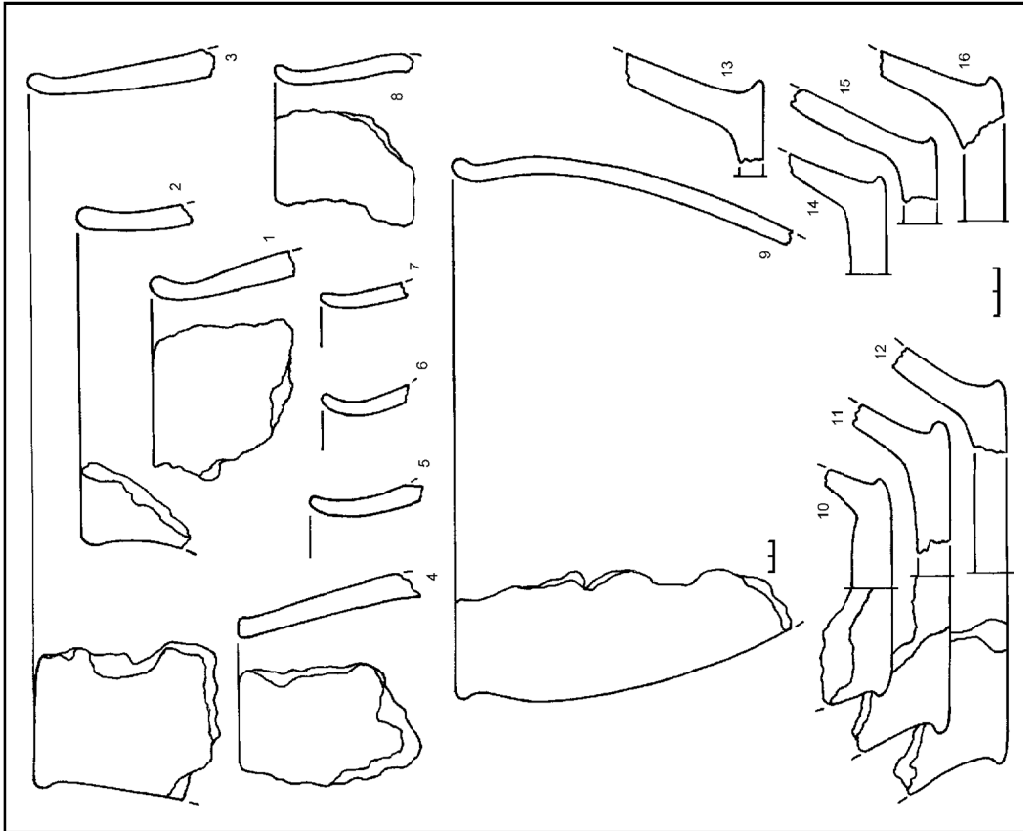

Рис. 41. Лепная керамика из верхней части культурного слоя раскола I.

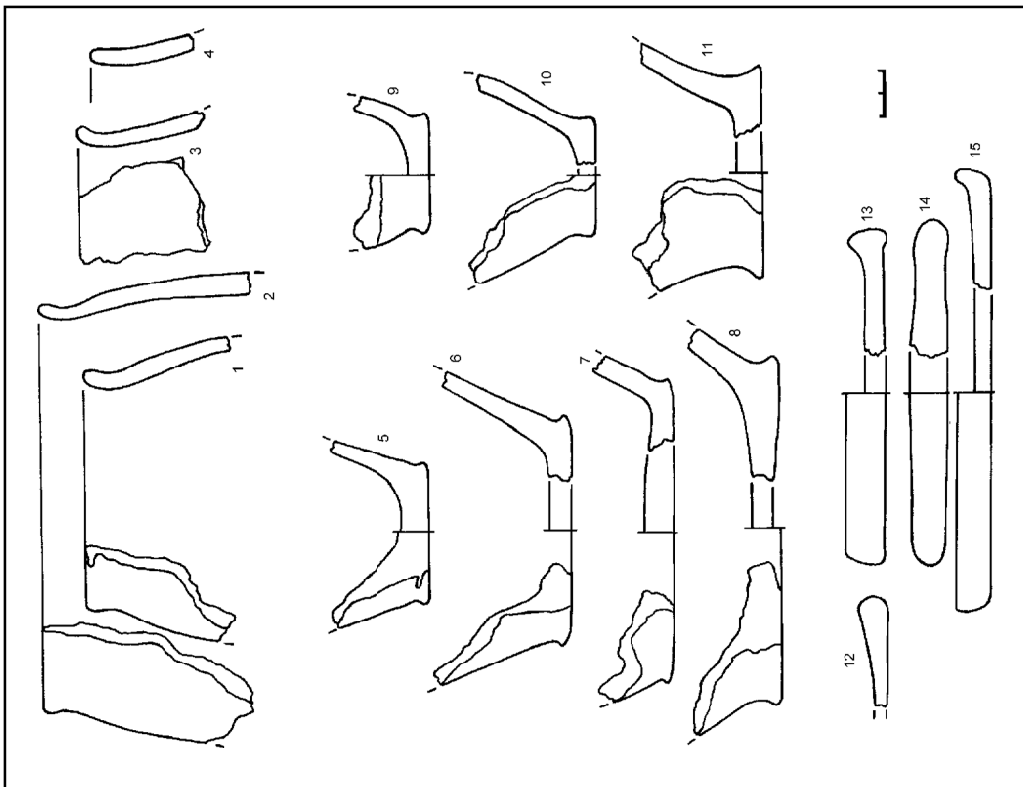
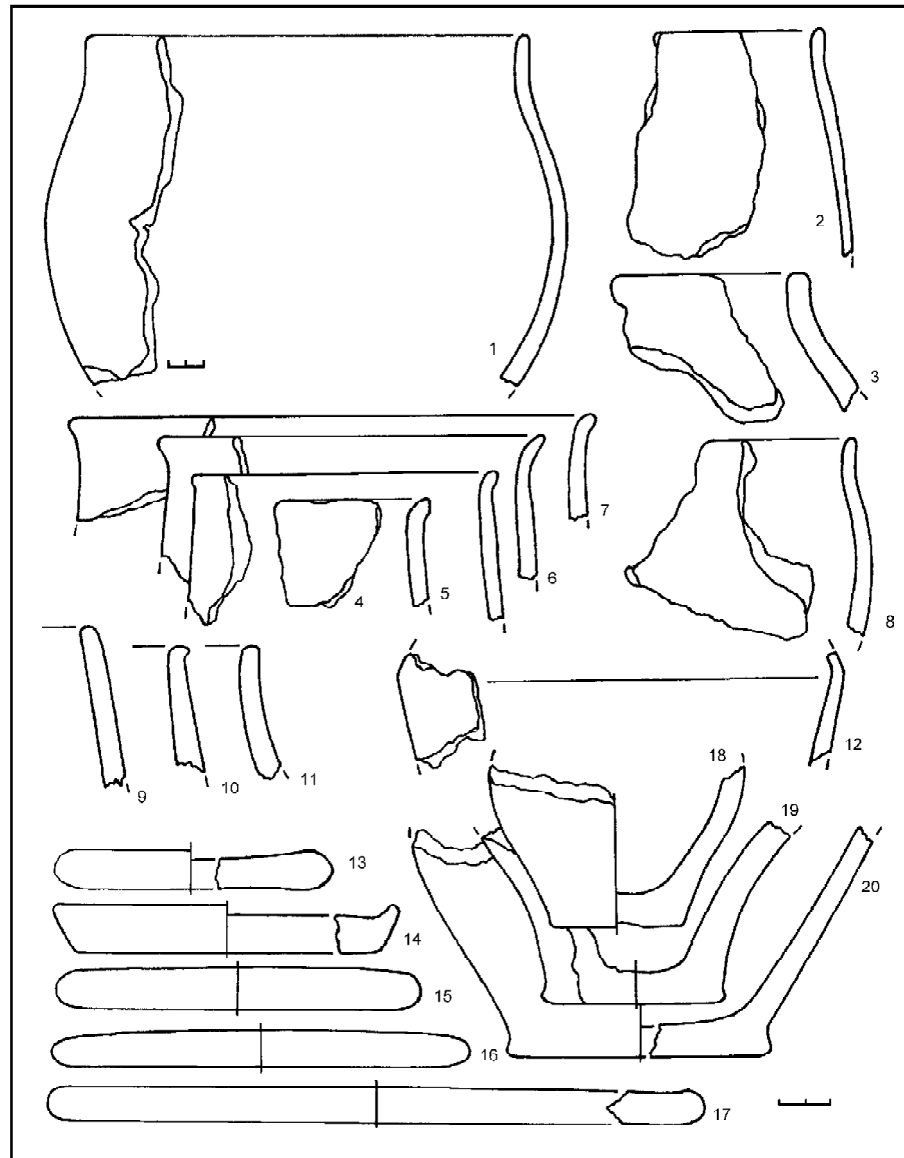

Рис. 40. Лепная керамика из нижней части культурного слоя раскола I.

Рис. 42. Лепная керамика из верхней части культурного слоя раскопа I.

Северского Донца (Обломский 1991: 53, рис. 16: 10), однако в целом такие грузики являются одной из характерных особенностей юхновской культуры. Многочисленные аналогии нашей находке можно указать и среди юхновских материалов городищ Курского Посеймья. Так, глиняные грузики усеченно-конических форм, многие — с вогнутым основанием, орнаментированные насечками, наколами и, в частности, округлыми вдавлениями вокруг отверстия, найдены в культурном слое городищ Кузина Гора, Моисеевское, Переверзево (Алихова 1962: 109, рис. 7: 9,10; 13: 12,15; 21: 11,13,17; Пузикова 1997: рис. 23: 12,14-21,23,24,34).

Фрагменту поделки-диска, вылепленного из глины с большой примесью песка и украшенного наколами и различной формы отверстиями (рис. 43: 18), точных аналогий найти не удалось.

Однако такой стиль орнаментации вообще весьма характерен для юхновской культуры как в Посеймье, так и в Подесенье. Разнообразные наколы, насечки, вдавления, прочерченные линии встречаются среди материалов юхновских памятников на пряслицах, грузиках и на различных керамических поделках — «лепешках», «хлебцах», «рогатых кирпичиках», «блоках» и т. д. Не исключено, что находка из Великих Будков относится именно к этому кругу изделий (Алихова 1962: рис. 9: 16; 13: 17; 14: 6,7; 20: 3,7; Алихова 1956: 37, 40, рис. 11: 5,7,10; Воеводский 1949: 72, 73, рис. 16; 176: 3-5; Левенок 1963: рис. 1: 23).

Возможно, предположение о связи с юхновской культурой следует выдвинуть и в отношении глиняного биконического пряслица, найденного в культурном слое в северо-восточной ча-

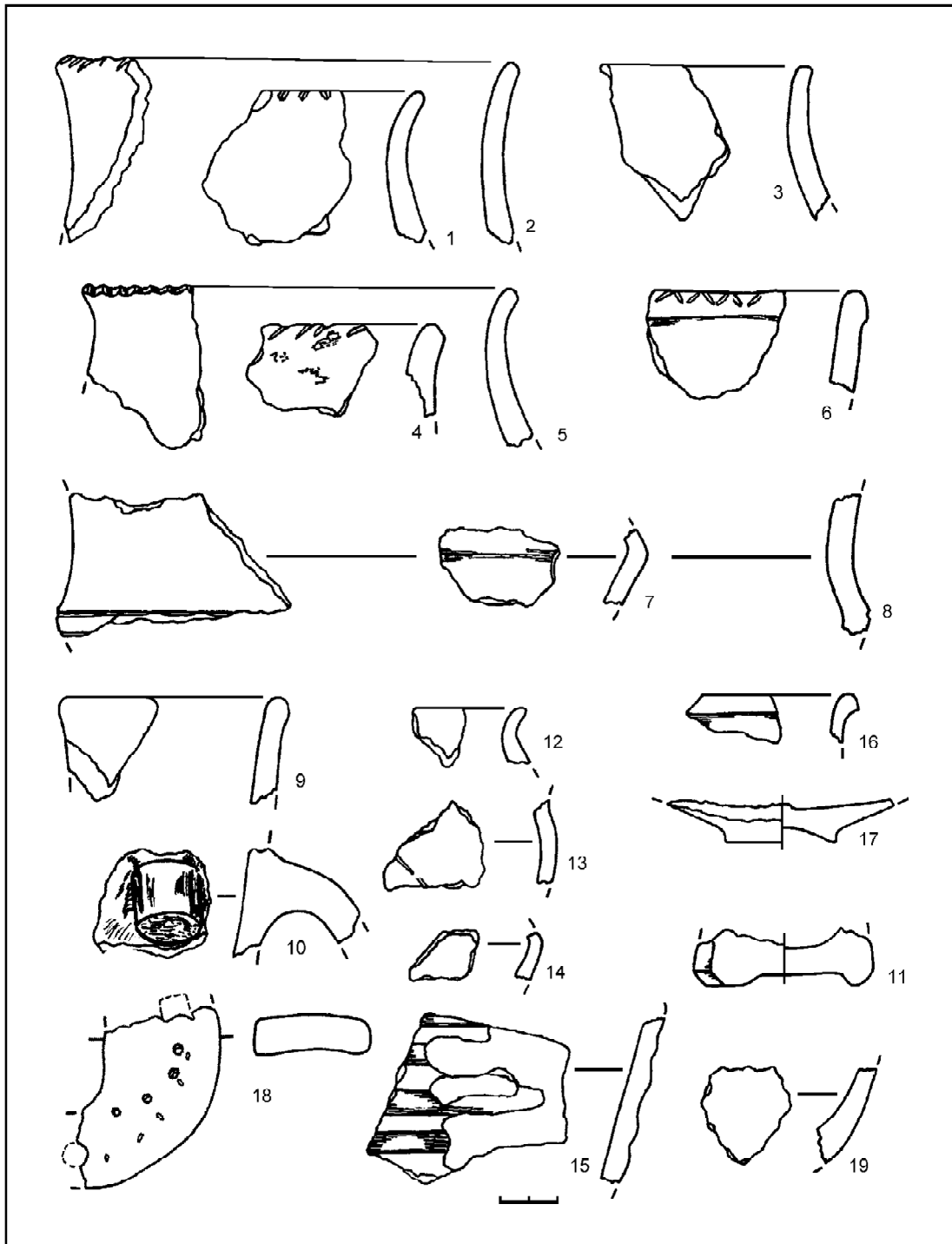

Рис. 43. Лепная (1-8, 18, 19) и гончарная (9-17) керамика с поселения Великие Будки (Хутор). 1-8 — из нижней части культурного слоя раскопа II; 9, 11, 12, 14, 18, 19 — из верхней части культурного слоя раскопа II; 10, 17 — из верхней части заполнения постройки 2; 13 — из заполнения котлована постройки 1; 15 — из верхней части заполнения постройки 3; 16 — из заполнения котлована постройки 2. 7, 8 — чернолощенная.

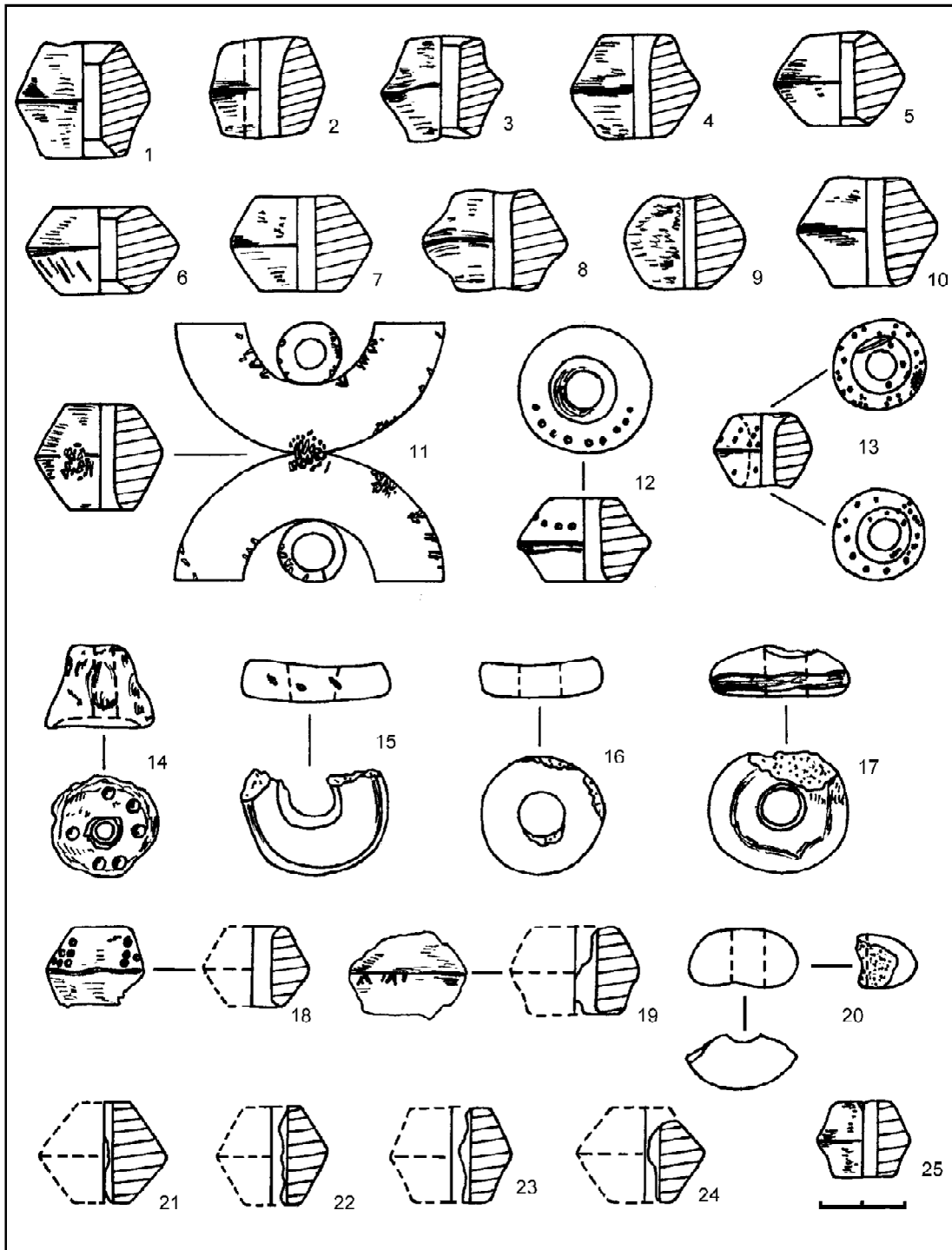

Рис. 44. Глиняные пряслица с поселения Великие Будки (Хутор). 1,2,18,19 — из верхней части заполнения постройки 3; 3,12 — из заполнения котлована постройки 3; 4,11 — из верхней части заполнения постройки 4; 5,17 — из верхней части заполнения постройки 2; 6 — из заполнения котлована постройки 2; 7 — из заполнения ямы у восточной стены постройки 4; 8,13,15,20,22,24,25 — из верхней части культурного слоя раскопа II; 9,10 — из заполнения котлована постройки 6; 14 — из заполнения котлована постройки 7; 16 — из нижней части культурного слоя раскопа II; 21,23 — из заполнения ям 13А и 13Б; 15,16 — выточены из стенок чернolощенных сосудов.

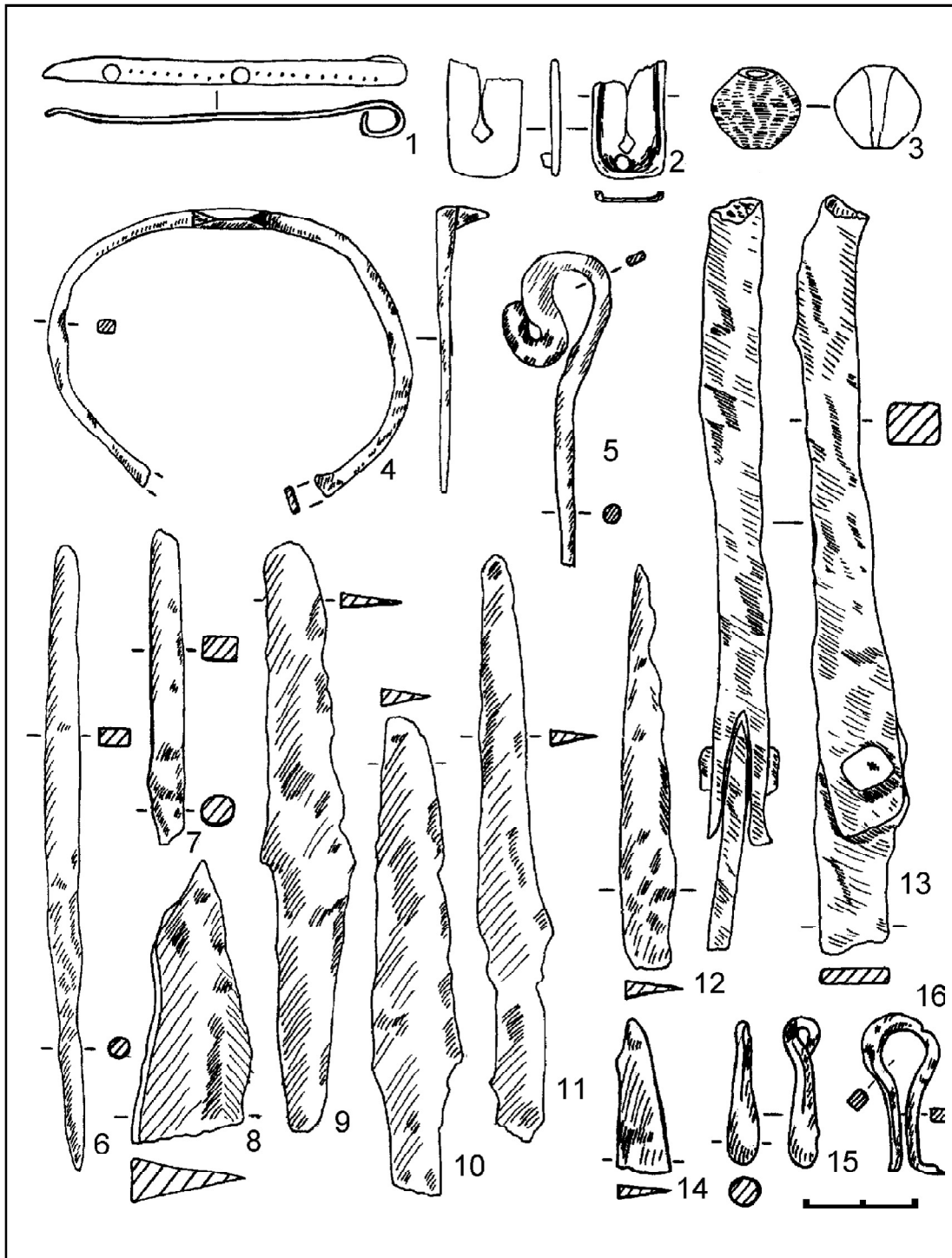

Рис. 45. Индивидуальные находки с поселения Великие Будки (Хутор). 1,10 — из заполнения котлована постройки 1; 9 — из заполнения ямы 5; 14 — из заполнения котлована постройки 6; 2-8,11-13,15,16 — из культурного слоя. 1,2 — бронза, 3 — стекло, 4-16 — железо.

сти раскопа II, недалеко от постройки 7. Все его поверхности покрыты узором из бессистемно нанесенных точечных наколов (рис. 44: 13). Хотя обычай украшать пряслица был широко распространен в Восточной Европе в течение очень длительного отрезка времени, по стилю орнаментации рассматриваемому экземпляру наиболее близки пряслица из юхновского слоя го-

родища Кузина Гора, на которых так же бессистемно нанесены многочисленные точки и штрихи (Алихова 1962: рис. 13: 1,2,5).

Железная посоховидная булавка, обломок которой найден в нижней части культурного слоя раскопа II, над постройкой 7, относится к типу II, подтипу Г, варианту 1, виду 1а по А.М.Медведеву (рис. 45: 5) (Медведев 1995: 175, рис. 1).

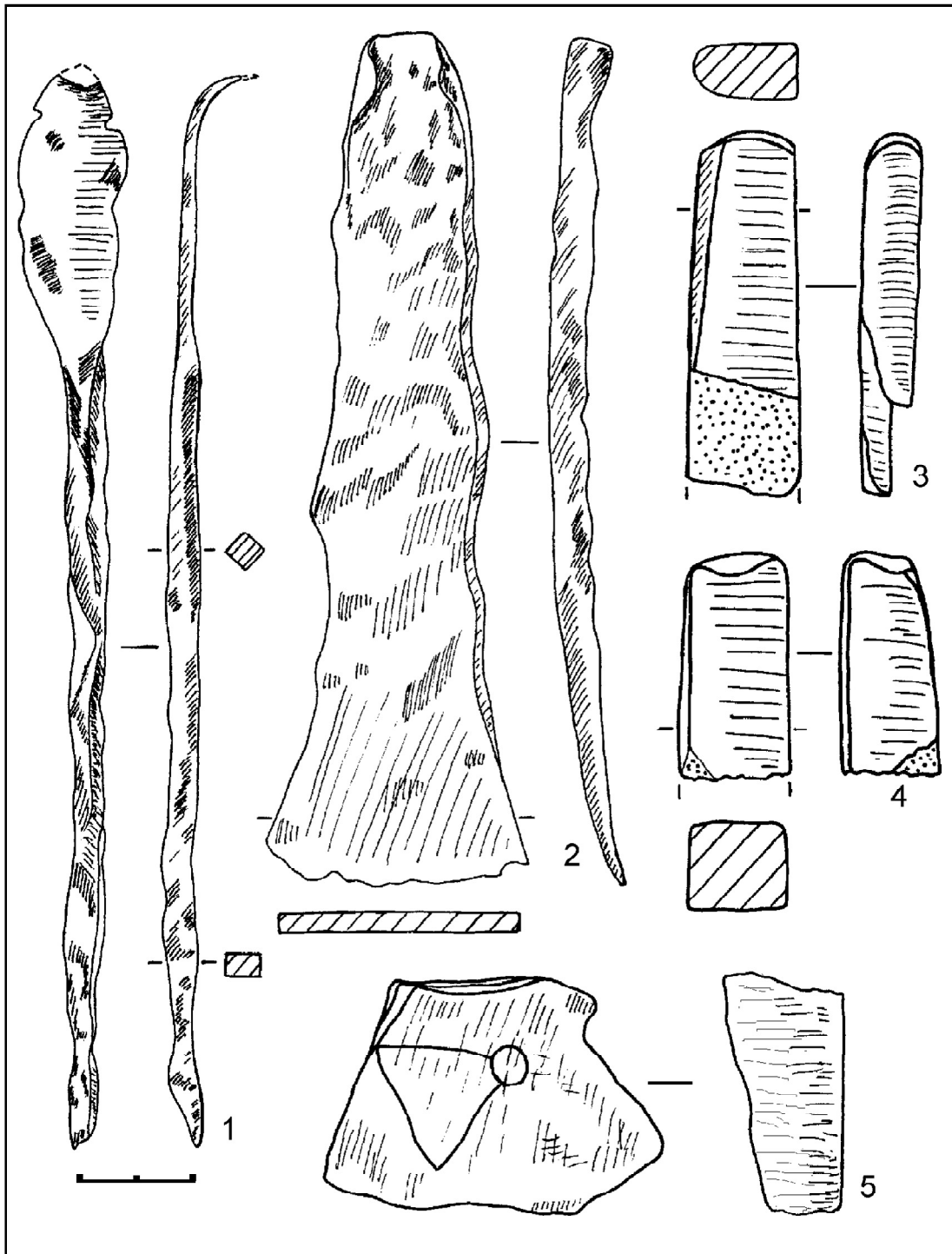

Рис. 46. Индивидуальные находки с поселения Великие Будки (Хутор). 1,2 — из состава клада; 4 — из заполнения котлована постройки 6; 3,5 — из культурного слоя. 1,2 — железо, 3-5 — камень.

Существование этого типа украшений укладывается в очень широкие территориальные и хронологические рамки, и на современном уровне знаний определить точную этнокультурную принадлежность и датировку рассматриваемого изделия мы не можем. Отметим лишь, что, по данным А.М.Медведева, такие булавки весьма многочисленны на поселениях лесной

полосы Восточной Европы и, в частности, среди материалов южновосточной культуры. Отдельные находки украшений этого типа известны и в более позднее время, например, близкая по форме булавка происходит из культурного слоя поселения Картамышево-2 (Обломский 1991: 57, рис. 18: 3). Однако в целом ситуация меняется, и уже на памятниках зарубинецкой куль-

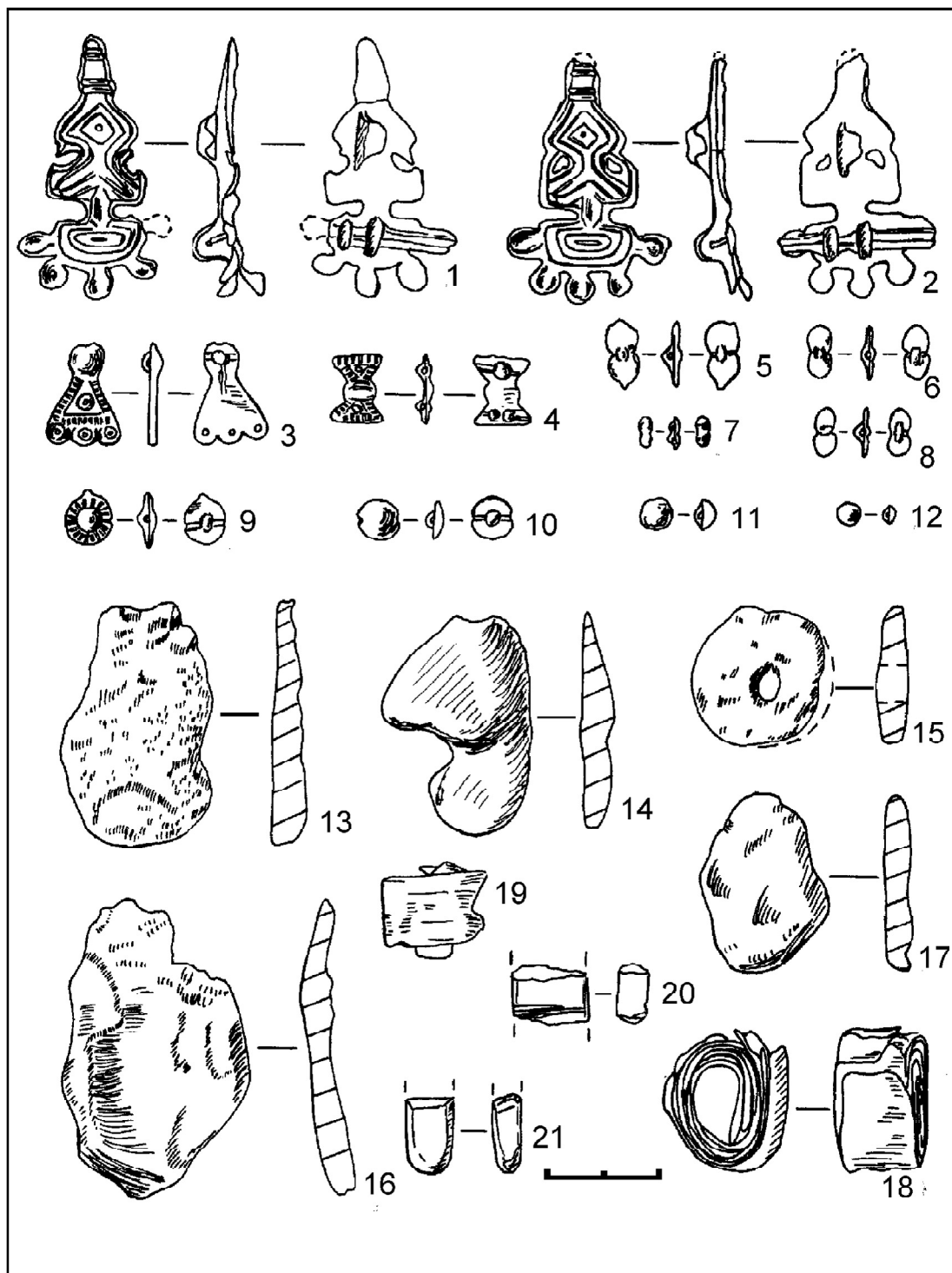

Рис. 47. Клад. 1-18 — оловянисто-свинцовый сплав, 19-21 — серебро.

туры посоховидные булавки представлены в основном другими типами (Медведев 1995: 179-184, 193).

Таким образом среди материалов поселения Великие Будки (Хутор) выделяется группа находок, имеющих непосредственные аналогии в юхновской культуре. В то же время ни керамика, ни строительные объекты раннего железного века на памятнике не зафиксированы.

Более того, орнаментированный грузик был обнаружен в постройке 7, которая вполне вписывается в стандарты позднезарубинецкого домостроительства. Вряд ли он мог попасть туда случайно, так как, по наблюдениям участников раскопок, был буквально втоптан в пол, откуда его извлекли при зачистке. Чтобы объяснить присутствие вещей юхновского облика в культурном слое поселения, можно выдвинуть ги-

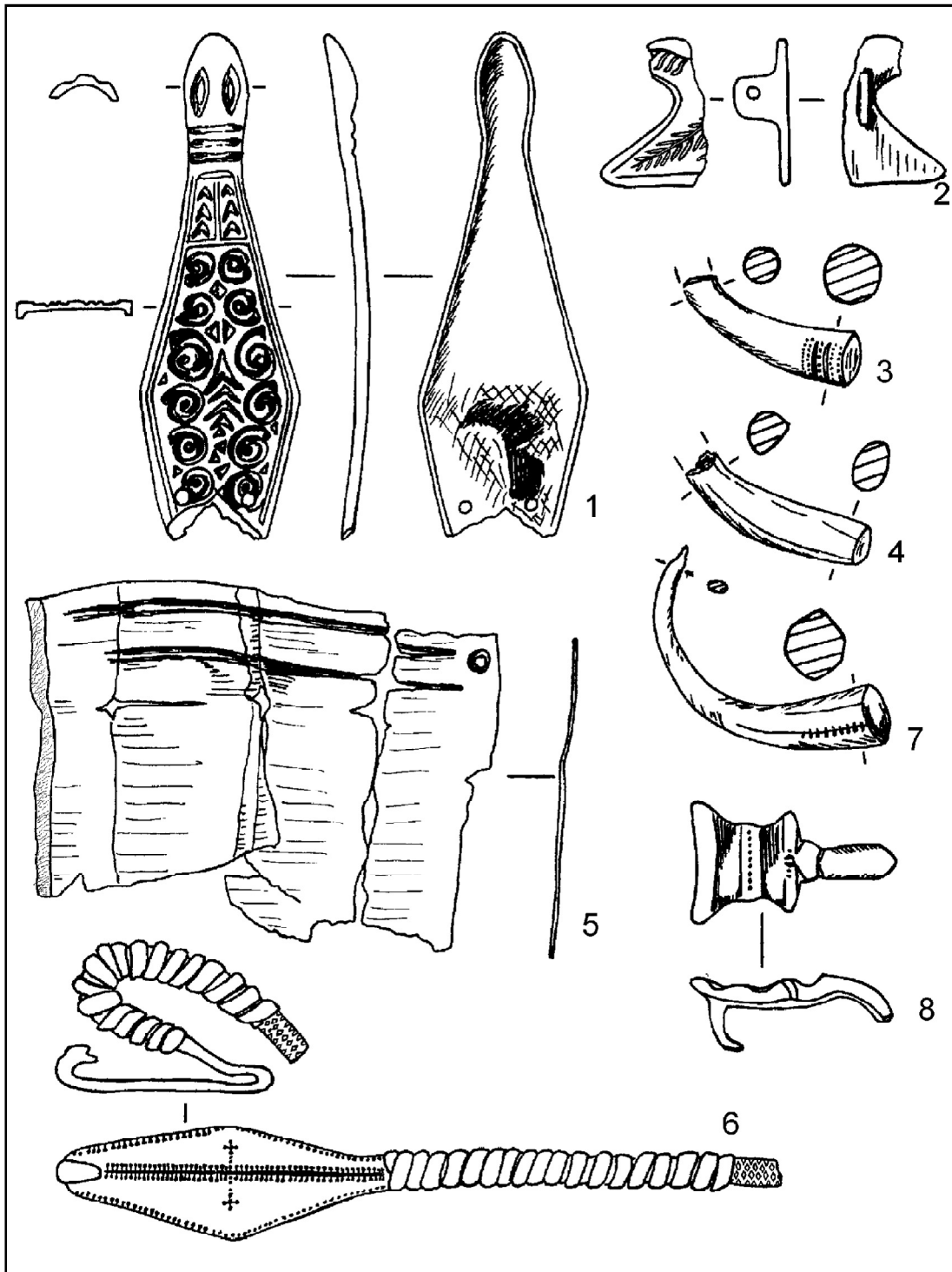

Рис. 48. Клад. 1-6 — серебро, 7,8 — латунь.

потезу либо о существовании здесь в свое время кратковременной юхновской стоянки, что кажется нам маловероятным, либо о наличии культурных связей между юхновскими и позднезарубинецкими племенами. Верхняя дата юхновской культуры определяется в пределах первых веков н. э., хотя есть сведения о находке керамики поздней фазы данной культуры в комплексе с аланским браслетом IV в. н. э. (Во-

еводский 1949: 67; Левенок 1963: 91). В Восточном Посеймье юхновские памятники сменяются позднезарубинецкими, но до сего времени каких-либо культурных контактов или преемственности традиций между ними выявлено не было. С другой стороны, в Подесенье, которое также входило в ареал вначале юхновских, а потом позднезарубинецких племен, мощное культурное влияние местного субстрата на при-

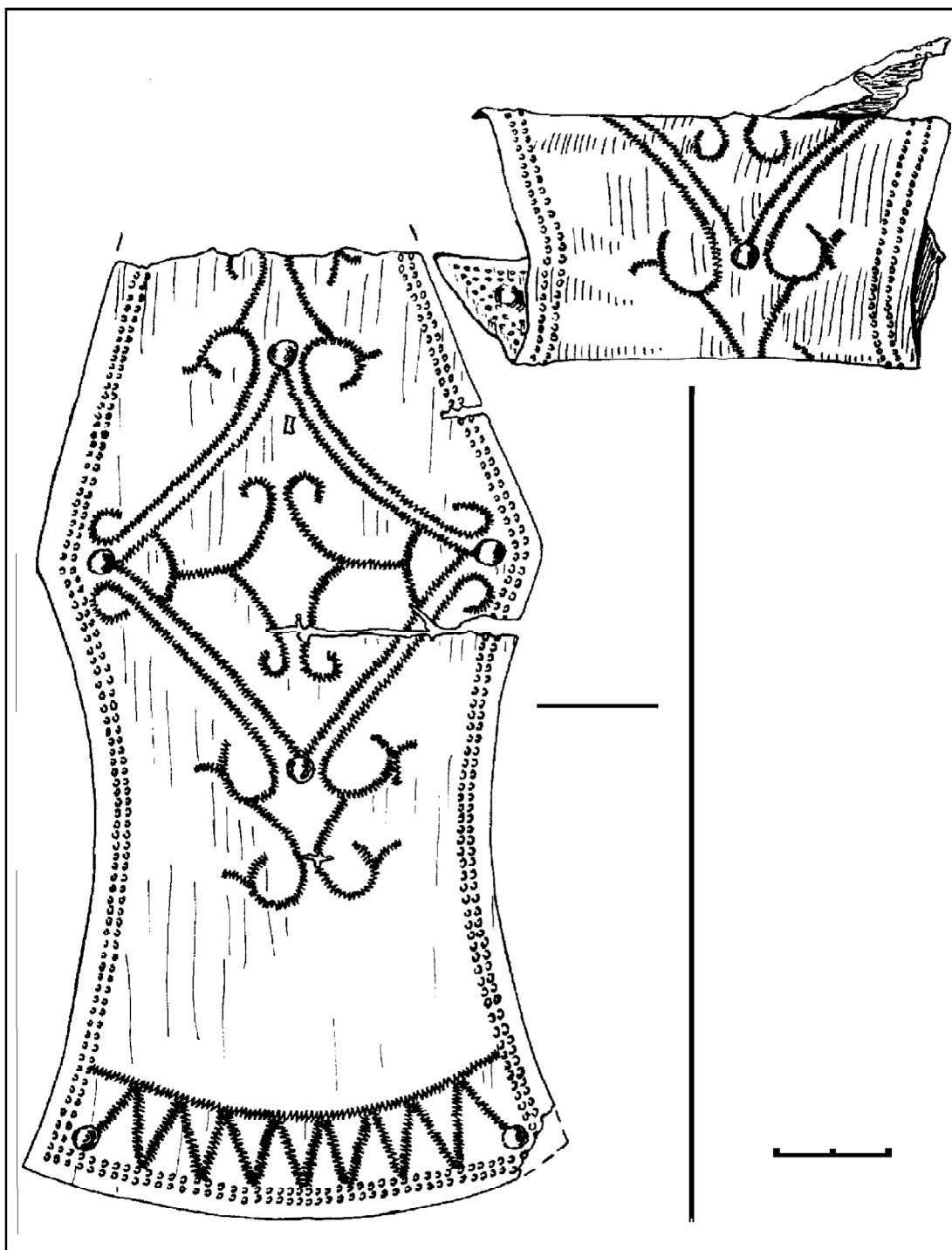

Рис. 49. Клад. Серебро.

шельцев-носителей зарубинецких традиций считается доказанным (Амброс 1964: 59-62; Амброс 1978: 38, 39). Можно предполагать, что и в Посеймье ситуация не была столь однозначной. Вероятно, какое-то взаимодействие, хоть

и не в таком объеме, как в Подесенье, между представителями южновских и позднезарубинецких племен здесь все же было, и материалы поселения Великие Будки в определенной мере отражают этот процесс.

Таблица 1

№ рисунка вещи	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	Au	As	Sb	Bi	Fe	Co	Ni	Тип сплава
47: 16	0,3	50	50	-	0,04	-	-	0,1	0,04	-	-	-	Sn-Pb
47: 13	0,2	64	36	-	0,01	-	-	0,07	0,03	-	-	-	Sn-Pb
47: 14	0,6	66	33	0,2	0,015	-	0,06	0,19	0,055	-	-	-	Sn-Pb
47: 17	0,25	63	36	0,18	0,03	0,13	0,07	0,22	0,055	-	-	-	Sn-Pb
47: 1	0,35	70	29	0,07	0,015	-	0,05	0,22	0,04	0,06	-	-	Sn-Pb
47: 2	0,4	71	28	-	0,012	0,1	0,06	0,25	0,045	0,04	-	-	Sn-Pb
47: 15	0,6	71	27	0,35	0,02	-	0,07	0,26	0,05	-	-	-	Sn-Pb
47: 18	0,25	63	36	0,55	0,015	-	0,06	0,22	0,04	0,05	-	-	Sn-Pb
47: 9-12	0,45	69	30	-	0,05	0,11	0,08	0,12	0,955	-	-	-	Sn-Pb
47: 4	2,5	55	42	0,045	1,0	0,3	0,05	0,2	0,06	0,08	-	-	Sn-Pb-(Cu)
47: 5-8	0,3	64	35	-	0,02	-	0,1	0,18	0,04	1,5	-	-	Sn-Pb
47: 5-8	0,45	57	42	-	0,02	-	0,05	0,22	0,075	-	-	-	Sn-Pb
47: 3	0,4	64	35	0,055	0,012	-	0,06	0,2	0,045	-	-	-	Sn-Pb
47: 5-8	0,35	67	32	-	0,02	-	0,1	0,4	0,06	0,4	-	0,025	Sn-Pb
48: 3	31	2,0	2,0	1,8	62	0,3	0,14	0,09	0,07	0,1	-	0,02	Ag-Cu-(Sn)-(Pb)-(Zn)
48: 4	32	2,0	1,8	7	55	0,5	0,16	0,04	0,045	0,022	-	0,04	Ag-Cu-Zn-(Sn)-(Pb)
48: 2	27	0,16	1,8	5	65	0,55	0,11	0,011	0,055	0,07	-	0,07	Ag-Cu-Zn-(Pb)
48: 6	18	1,8	1,7	0,08	79	1,2	0,07	0,008	0,055	-	-	0,06	Ag-Cu-(Sn)-(Pb)*
47: 20	31	1,7	1,9	7	56	0,8	0,18	0,13	0,03	0,4	0,03	0,085	Ag-Cu-Zn-(Sn)-(Pb)
47: 21	46	2,5	1,2	4,2	46	0,35	0,08	0,02	0,045	0,35	-	0,15	Ag-Cu-Zn-(Sn)-(Pb)
47: 19	25	1,0	1,4	1,7	70	0,4	0,08	0,035	0,06	0,07	-	0,035	Ag-Cu-(Sn)-(Pb)-(Zn)
48: 5	26	0,7	1,8	4	66	0,45	0,14	0,035	0,035	0,11	-	0,06	Ag-Cu-Zn-(Pb)-(Sn)
48: 5	24	22	1,9	0,65	51	0,35	0,12	0,13	0,025	0,12	-	0,014	Ag-Cu-(Pb)+(Sn)***
49	29	0,5	2,0	0,75	69	0,8	-	0,025	0,02	-	-	-	Ag-Cu-(Pb)
48: 1	22	13	2,4	3,2	56	1,8	0,15	0,04	0,1	0,26	-	0,035	Ag-Cu-Sn-(Pb)-(Zn)****
48: 7	основа	0,18	1,5	13	0,009	-	0,13	0,03	0,008	0,1	-	0,07	Cu-Zn-(Pb)
48: 8	основа	0,3	2,5	17	0,09	-	0,4	0,12	0,025	0,18	-	0,045	Cu-Zn-(Pb)
48: 6	21	2,0	1,6	0,25	74	1,2	0,05	0,009	0,055	0,05	0,02	0,022	Ag-Cu-(Sn)-(Pb)**

* — обмотка; ** — основа; *** — пайка; **** — с позолотой.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3 РЕЗУЛЬТАТЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА ВЕЩЕЙ ИЗ СОСТАВА КЛАДА

Количественный спектральный анализ изделий, входящих в найденный на поселении Великие Будки клад, был проведен в лаборатории ИИМК РАН В.А.Галибиным. В кладе представлены три группы сплавов: оловянисто-свинцовый, латунь и низкопробное серебро нескольких типов (табл. 1).

Маленькие пальчатые фибулы (рис. 47: 1,2) и нашивные бляшки (рис. 47: 3-12) были изготовлены из оловянисто-свинцового сплава (Sn-Pb), вероятно, мастером, спрятавшим клад, что дополнительно подтверждается наличием в составе комплекса оловянисто-свинцовых сплесков — отходов литья (рис. 47: 13,14,16,17). Свинец в этом сплаве занимал чаще всего подчиненное положение. В Поднепровье, к местным ювелирам такой металл импортировался, очевидно, в виде слитков округлой лепешкообразной формы или тонких полосок, свернутых в спираль (рис. 47: 15,18).

Браслет с расширенными подграненными орнаментированными концами (рис. 48: 7) и язычок от пряжки со щитовидным расширением у основания (рис. 48: 8) были изготовлены из латуни (Cu-Zn-(Pb)), причем добавка цинка в сплаве не превышала 17%.

Остальные вещи изготовлены из многоком-

понентных сплавов, основу которых составляло серебро (от 46% до 79%). В первом типе сплава (Ag-Cu-Sn-(Pb)-(Zn)) ведущая присадка, медь (от 18% до 46%), сопровождается оловом (1,8-13%) в сочетании со свинцом (1,6-2%) и цинком (1,8-3,2%), иногда без последнего. Из этого сплава были сделаны большая пальчатая фибула (рис. 48: 1) и шейная гривна (рис. 48: 6). Во втором типе (Ag-Cu-Zn-(Sn)-(Pb)) медь сочетается с цинком (1,7-7%) в сопровождении незначительных добавок олова (0,7-2,5%) и свинца (1,2-1,9%). Вероятно, к этому типу сплава относится низкопробное серебро, поступавшее в среду колочинских племен в виде слитков (рис. 47: 20,21), из которого изготовлены оковка (рис. 48: 5), браслет (рис. 48: 4) и пластинки, свернутые в спираль (рис. 47: 19). В особый вариант данного сплава следует выделить металл антропозооморфной фибулы (Ag-Cu-Zn-(Pb)), который не содержит ощутимых добавок олова. Легирующая его медь сопровождается только свинцом (1,8%). Наконец, третий тип сплава (Ag-Cu-(Pb)), где основная добавка, медь, сопровождалась лишь незначительной (2%) присадкой свинца, был использован при изготовлении большой орнаментированной пластины (рис. 49).

Столь значительное число компонентов в сплавах клада из Великих Будков, на наш взгляд, определялось тем, что к серебру были добавлены в качестве доминирующего приплавов чистая медь, а слабо оловянистые, цинковые бронзы и бинарный сплав меди и свинца. И если первые в предшествующее время, во II-V вв., присутствовали на памятниках Восточной Европы, преимущественно в позднесарматских, черняховских древностях, а также в Ольвии и в Танаисе, то латуни с оловянисто-свинцовыми присадками, как и бинарный сплав меди и свинца,

были редко встречаемыми металлами (Черных, Барцева 1972: 61, 62). Может быть, необычность сплавов вещей из Великобудковского клада, в особенности, антропозооморфной фибулы (Ag(65%)-Cu(27%)-Zn(5%)-Pb(1,8%)) и большой пальчатой фибулы (Ag(56%)-Cu(22%)-Sn(13%)-Zn(3,2%)-Pb(2,4%)) и следует интерпретировать с учетом всего вышеизложенного, но отсутствие целого комплекса спектроаналитических данных как по Центральной, так и по Восточной Европе заставляет нас пока воздержаться от каких-либо определенных суждений.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеархаического и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь.
- Аксенов В.С., Бабенко Л.И. 1998. Погребение VI-VII вв. н. э. у села Мохнач // РА. №3.
- Алихова А.Е. 1956. К вопросу о датировке двух городищ у с.Юхнова // КСИИМК. Вып. 65.
- Алихова А.Е. 1962. Древние городища Курского Посеймья // МИА. №113.
- Амброз А.К. 1964. К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э. // СА. №1.
- Амброз А.К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I // СА. №2.
- Амброз А.К. 1978. Длинные дома Полужского городища IV-III вв. до н. э. // Древняя Русь и славяне. М.
- Амброз А.К. 1993. К происхождению днепровских антропозооморфных фибул // РА. №2.
- Ауліх В.В. 1972. Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI-VII ст. н. е. в Західній Волині. Київ.
- Аун М.Э. 1979. Об исследовании курганов у деревни Рысна-Сааре // Известия Академии наук Эстонской ССР. Общественные науки 28/4. Таллинн.
- Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. 1989. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 198.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993. Скалистинский могильник. Киев.
- Воеводский М.В. 1949. Городища Верхней Десны // КСИИМК. Вып. XXIV.
- Гавритухин И.О. 1991а. Малые пальчатые фибулы из Великих Будков // Тезисы докладов конференции «Археология и история юго-востока Руси». Курск.
- Гавритухин И.О. 1991б. Пальчатые фибулы пражских памятников Поднепровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.
- Гавритухин И.О. 1996а. Детали ремненной гарнитуры // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Гавритухин И.О. 1996б. Датировка днепровских кладов первой группы методом синхронизации с древностями других территорий // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Генинг В.Ф. 1962. Мыдлань-Шай — удмуртский могильник VIII — IX вв. // Вопросы археологии Урала. 3. Свердловск.
- Горюнова В.М. 1987. К вопросу об оловянных украшениях «антских» кладов // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж.
- Горюнова В.М. 1992. Новый клад антского времени из Среднего Поднепровья // Археологические вести. Вып. I. СПб.
- Казаквичюс В. 1982. Боевые топоры на территории Литвы и Белоруссии в I тыс. н. э. // Древности Белоруссии и Литвы. Минск.
- Корзухина Г.Ф. 1974. Среднее Поднепровье во второй половине VI — начале VIII вв. // Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. №77.
- Левенок В.П. 1963. Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // СА. №3.
- Медведев А.М. 1995. Посоховидные булавки // Гістарычна-археалагічны зборнік. №7. Минск.
- Обломский А.М. 1991. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н. э. Москва-Сумы.
- Обломский А.М. 1993. Позднезарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. Археология СССР. М.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1998. Поселение Попово-Лежачи-4 и его место среди памятников киевской культуры // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Archaeologica 22.
- Приходнюк О.М. 1994. Технологія виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // Археологія. №3.
- Приходнюк О.М. 1998. Основні підсумки та завдання вивчення Пастирського городища // Археологія. №3.
- Приходнюк О.М., Вакулєнко Л.В. 1998. Дослідження Пастирського городища в ювілейному сезоні 1998 року // Археологічні дослідження. Київ.
- Пузикова А.И. 1997. Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). М.
- Родинкова В.Е. 1996. Металлические детали одежды и украшения как хронологические индикаторы // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Седов В.В. 1974. Длинные курганы кривичей // САИ. Вып. EI-8.
- Седов В.В. 1982. Восточные славяне в VI — XIII вв. / Археология СССР. М.
- Таутовичюс А. 1966. К вопросу о хронологии восточнолитовских боевых топоров // Pronksiajast varase feodalismini. Tallinn.
- Терпиловский Р.В. 1989. Новые исследования памятников первой половины I тыс. н. э. в Сумской обл. // Проблемы археологии Сумщины. Тезисы докладов. Сумы.
- Терпиловський Р.В. 1997. Звіт про охоронні дослідження поселення пізньозарубинецького часу в ур. Озеро (Перемірки) біля с. Більськ Котелевського р-ну Полтавської обл. в 1997 р. // Архив

- ИА НАН Украины.
- Тихомиров Н.А. 1990. Княжинский и Лебяжинский могильники // *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья*. Курск.
- Тихомиров Н.А., Терпиловский Р.В. 1990. Поселения Гочево 1 и 2 на Псле // *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья*. Курск.
- Черных Е.Н., Барцева Т.Б. 1972. Сплавы цветных металлов // *Металл черняховской культуры*. М.
- Щеглова О.А. 1990. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // *Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья*. Курск.
- Fettich N. 1951. *Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnische Metallkunst* // *Archaeologia Hungarica*. XXXI. Budapest.
- Kuhn H. 1956. *Das Problem der Masurgermanischen Fibel in Ostpreußen* // *Documenta Archaeologica*. Festschrift W. La Baume. Bonn.
- Mitreă B., Preda C. 1966. *Necropole din secolul al IV-lea e. n. in Muntenia*. București.
- Svoboda B. 1953. *Poklad byzantskeho kovotepce v Zemianskem Vrbovku* // *Pamatky Archeologicke XLIV*.
- Szabo K. 1939. *Jazygisch-sarmatische Graber in der Umgeburg von Kecskemet* // *Folia archaeologica I-II*. Budapest.
- Urtan V. 1977. *Senokie depoziti Latvija*. Riga.
- Werner J. 1950. *Slawische Bugelfibel des 7 Jahrhunderts* // *Reinecke Festschrift*. Mainz.